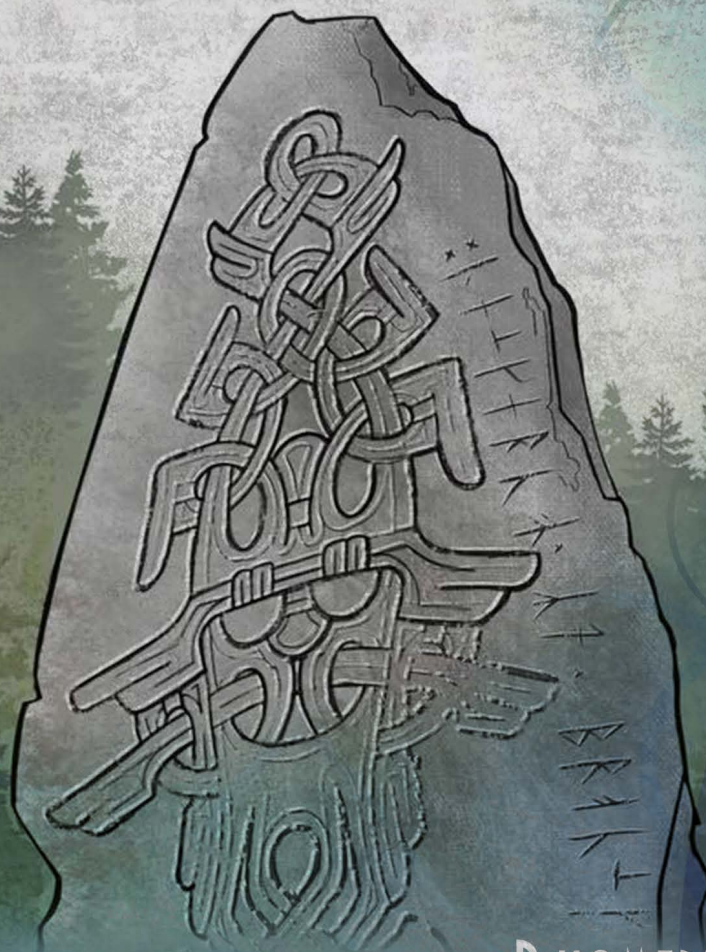

МИДСАММЕР
№ 45

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

Оди́нческое в «Саге о Гисли»
Об Оди́не и кресалах Прикамья
Тимофей Ермолаев. Интервью

Руническое королевство
Длинные дома скандинавов
Týr — Battle Ballads

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР №45

МИДСАММЕР 2024

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)

Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal, Helna Lohen

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Художники —

@bronskeggart, @styramar

Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

*Редакция выражает благодарность
за помощь при подготовке журнала:*

А.А. Хлезову, Евгену Папакуль,
О.А. Маркеловой, Esgal, Юлии Антоновой-
Андерссон, Вячеславу Барышникову,
Анне Блейз, Дмитрию Даммеру, Тимофею
Ермолаеву, Сергею Паганке, Василию
Баринцеву, Helna Lohen, Ulfr Gunnarsson,
Таиру Кубаниязову, Кириллу Никееву,
И.В. Свердлову, Alessia, H. Valastro, Хери
Йонсену, Шамиру Алкамяну, Aftakarok,
Nescerinon, а также паблику «Библиотека
викинга».

Наши контакты:

http://vk.com/yggdrasil_ukr
годорд Иггдрасиль

<http://vk.com/friggerock>
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

Новости	4
Люди, с которыми нам по пути	
Тимофей Ермолаев	8
Исследования	
Англо-саксонская руническая надпись из Островного Евангелия и раннесредневековый мультикультурализм А.А. ХЛЕЗОВ	13
«Сага об Олаве Святом»: Модели судьбы и модели истории Вячеслав БАРЫШНИКОВ	17
Яльмар Стольпе — энтомолог, вместо насекомых открывший могилы викингов Анастасия ТИШУНИНА	32
Первый день лета по древнескандинавскому календарю Василий БАРИНЦЕВ	39
Ветер странствий	
Руническое королевство Юлия АНТОНОВА-АНДЕРССОН	43
Переводы	
Как длинные дома формировали жизнь древних скандинавов Филип ЛЮФОЛЬК. Перевод: Анастасия ТИШУНИНА	48
Одилическое в «Саге о Гисли» Херманн ПАУЛЬССОН. Перевод: И.В. СВЕРДЛОВ	52
Женщины в эпоху викингов Кристина СПАТАКИН. Перевод: Алексей ГЛАЗАЧЕВ	61
Дорога в Хель Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL	64
Хар: имя Одина Урсула ДРОНКЕ. Перевод: Перевод: Анна БЛЕЙЗ	68
A Book of Troth Эдред ТОРССОН. Перевод: Дмитрий ДАММЕР	70
Грендель, ужасный людоед из «Беовульфа» Ричард ФЕЙХИ. Перевод: Ульф ГУННАРССОН	73
Музыка ветра	
О новом альбоме группы Týr — «Battle Ballads» Amon Amarth. Live in Anaheim, CA (25 мая 2024)	77 81
Сказки	
Волшебные исландские сказки	82
Видеообзор	
Тайна Келлс (The Secret of Kells, 2008) Сергей ПАГАНКА	84
Традиционная кухня	
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)	93
Книжная полка	
«Нечисть Швеции: обитатели кладбищ, лесов и полей» Юлия АНТОНОВА-АНДЕРССОН	96
«Каханне. Смерць. Пачвары» Евген ПАПАКУЛЬ	97
Путь к богам	
Взгляд на традицию Сергей ПАГАНКА	102
Творчество	
Стихи Таир КУБАНИЯЗОВ, Ольга МАРКЕЛОВА	106
Песнь о Харбардах двух Шамир АЛКАМЯН	107
Окно в Эпоху викингов Кирилл НИКЕЕВ	109
Арт Alessia H. Valastro	113
Арт Aftakarok	114

«Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй — что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было» (с).

Нет-нет, мы нисколько не пытаемся намекнуть нашим читателям, что в час небывало жаркого заката именно Всеотец стал причиной катастрофических событий и всеобщего кавардака на Патриарших. Но вот над чем стоит задуматься — не потому ли Один скрывает свое лицо под маской, что прежде чем назвать себя, заглядывает человеку в душу? И от того, что Всеотец там увидит, зависит и то, что увидит встретивший его. Не потому ли у него столько имен, что душа одних требует явить лицо злодея, а других — исполнителя желаний? Не является ли лицо Одина отражением нашего собственного лица? А он — Неистовый, Яростный, Ужасный, Великий, Мудрый, Древний, Огнеокий, Носящий сотни имен — вмещает в себе все сущее, все мыслимое и немислимое на Небе и на Земле?

Тебе, Бог Воронов, посвящаем новый 45 номер Северного Ветра и все номера, что выходили до и будут выходить после. Ибо чьи бы имена в них не звучали, в каждом есть звучание твое.

«...и тут только приятели догадались заглянуть ему как следует в глаза и убедились в том, что левый, зеленый, у него совершенно безумен, а правый — пуст, черен и мертв» (с).

...Ах, Михаил Афанасьевич! И все-таки, все-таки... не вороны ли нашептали тебе эти слова?...

Слава тебе, Бог Воронов!

Слава тебе, Всеотец!

Да сможет каждый читающий эти строки достойно идти по своему Пути, не боясь встретить странника, скрывающего свое лицо. Да увидит каждый из нас улыбку под синим капюшоном и поймет, что он все делал правильно. И продолжит свой Путь без страха, улыбающийся миру, а мир будет улыбаться в ответ.

Светлого Мидсаммера, друзья!
Благословения вам и вашему дому!

Ранхильд, Сигрид, Андвари

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>

Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>

Северный Ветер в Telegram: <https://t.me/nordanvindr>

Карточка всех материалов:

В издательстве «АСТ» вышла книга «Нечисть Швеции: обитатели кладбищ, лесов и полей»

Автор **Юлия Антонова-Андерссон** — лингвист, переводчица и преподавательница шведского языка.

Читателя ждёт увлекательное путешествие в мир, окружавший средневекового шведа. На страницах книги он повстречает самых разных мифологических существ: троллей, томтенов, драконов, лесных дев, духов, водяных, и т.д.

Некоторые из этих существ могли наводить на людей страх, однако существование нечисти могло также вселять некоторую надежду и уверенность. «Ходячий мертвец — не что иное, как доказательство существования иного мира, и, соответственно, смерть — это не вечная разлука с близкими. Если убить дракона, охраняющего сокровища, можно не только сделать доброе дело, но и завладеть богатством. А ритуалы проводили, чтобы задобрить духов и тем самым гарантировать хороший урожай или удачу на охоте. Потусторонние силы при правильном к ним отношении станут не вредить, а помогать и защищать».

*Далее в номере в рубрике «Книжная полка»
вы можете прочитать ознакомительный отрывок из книги.*

Вероятная находка рынка эпохи викингов в Норвегии

Источник: «Archaeologists may have found a marketplace from the Viking Age»

Автор: Андреас Викорен (Andreas Vikøren)

Автор фото: Гретта М. ПЕДЕРСЕН (Grethe M. Pedersen), Музей Археологии Университета Ставангера

Перевод: Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Клостерой (Klosterøy) — остров на юго-западе Норвегии, широко известный своим богатым культурным наследием. Здесь находится один из самых хорошо сохранившихся средневековых монастырей в Норвегии, а также многие другие исторические достопримечательности. Поэтому археологи совсем не были удивлены, когда в сентябре 2023 года, исследуя местность с помощью георадара, нашли фундаменты древних построек.

Георадар за работой

В частности, были обнаружены останки нескольких землянок и фундаменты трех причалов (или, возможно, построек для хранения и ремонта лодок). По совокупности всех факторов исследователи высказали предположение, что они находятся на территории некогда процветавшего рынка.

И действительно, это предположение подкрепляется такими многочисленными находками как монеты и гири — предметами, обычно ассоциирующимися с торговлей.

Исследования проводятся на территории охраняемого объекта культурного наследия Утштайн Гард (Utstein Gard), который является частной собственностью.

Крупный исследовательский проект

Исследования с помощью георадара проводились в рамках исследовательского проекта Power's Harbor. Доцент Хакон Рейерсен (Håkon Reiersen) из Ставангерского Музея Археологии (Stavanger's Museum of Archaeology) является одним из руководителей этого исследовательского проекта.

Хакон всегда смотрел на территорию вокруг монастыря Утштайн как на место, обладающее крайне высоким потенциалом для археологических открытий.

«В течение последних лет исследование территории вокруг монастыря с помощью металлоискателей приносило отличные результаты: мы постоянно что-то находили, в том числе предметы,

Данные на экране показывают, что в 20–30 сантиметрах под землей сокрыто много интересного

связанные с торговлей, такие как гири и монеты. Одна из задач, которую мы хотели решить с помощью использования георадара, заключалась в том, чтобы найти убедительные доказательства следов торговой деятельности на этой местности. Поэтому я совсем не удивлен, что полученные результаты указывают на то, что Утштайн действительно был рынком в эпоху викингов и ранне-го Средневековья», — говорит Рейерсен.

Типичные дома-землянки эпохи викингов

С помощью георадара археологи смогли обнаружить несколько конструкций, которые явно являются рукотворными.

Они выглядят как большие котлованы и по размеру и форме напоминают фундаменты землянок эпохи викингов, найденных в других местах Норвегии, таких как Каупанг (Kaupang in Tønsberg) и Бьёркум (Bjørkum in Læ).

Землянки — это строения, в которых пол вырыт ниже уровня земли (как бы немного «утоплен в землю»). Такие дома строились по всей Европе, но наибольшее распространение они получили в скандинавских странах и Исландии.

Кристоффер Хиллесланд (Kristoffer Hillesland), археолог из Ставангерского Музея археологии, объясняет:

«Конструкция землянок позволяет им оставаться прохладными летом и теплыми зимой. Чаще всего такие строения интерпретируются как ремесленные мастерские».

«Преыдущие исследования местности Утштайн с помощью георадара принесли нам потрясающие фотографии больших кораблей викингов в курганах, — продолжает свой рассказ Кристоффер. — В данном случае снимки, возможно, не столь эффектны, но результаты не менее интересны».

Рынок эпохи викингов?

Археологи также нашли следы погребальных курганов, очагов для приготовления пищи, культивированные слои почвы (слои, образовавшиеся в результате сельскохозяйственной деятельности) и другие артефакты, указывающие на то, что когда-то здесь было поселение.

Останки трех причалов (или доков) в дополнение ко всем предыдущим находкам еще больше свидетельствуют в пользу гипотезы, что на этом месте находился рынок.

Выводы были сделаны археологами Ставангерского Музея археологии в сотрудничестве с Эрихом Нау (Erich Nau) из Норвежского института исследований культурного наследия (Norwegian Institute for Cultural Heritage Research NIKU).

Археологи исследуют место предполагаемого фундамента дома-землянки

Нужны дополнительные исследования

«Хотя многие признаки и указывают на то, что мы нашли место когда-то процветавшего рынка эпохи викингов, утверждать это на сто процентов мы не можем. Необходимо провести дальнейшие исследования в этом районе», — говорит Гретта Моэль Педерсен, археолог из Музея археологии.

«Наземный георадар оказался для нас исключительно полезным инструментом, но он не может полностью заменить традиционные методы археологических раскопок, — продолжает Гретта — К сожалению, в настоящее время нет конкретных планов по дальнейшим исследованиям».

В данный момент археологии работают над поисками финансирования и получения согласия владельцев земли.

Как уже упоминалось ранее, земля Утштайн Гард является частной собственностью.

Историческая ферма была приобретена в частное владение в 2012 году, и в настоящее время ее территория используется для производства продуктов питания и проведения просветительской деятельности.

Владельцы фермы очень заинтересованы в археологических находках, сделанных на их земле.

«Мы невероятно воодушевлены фактом, что такие значимые открытия были сделаны на нашей ферме. Осознавать, что мы живем в исторически ценном районе, крайне захватывающе. Оказывается, здесь, в Утштайне, занимались сельским хозяйством как минимум с эпохи викингов. Мы с большим интересом и уважением относимся к истории, частью которой являемся», — говорит Андерс Шанче Реттедал (Anders Schanche Rettedal), один из землевладельцев.

Беседовала:
редколлегия журнала

Тимофей Ермолаев — создатель сайта «Северная Слава»

www.norroen.info

Друзья! Вне зависимости от того, как давно вы пришли в Традицию и пришли ли вы в нее вообще, мы абсолютно уверены, что среди читающих эти строки нет такого человека, который бы ни разу не заходил на сайт «Северная слава» — крупнейшую электронную библиотеку текстов саг, статей по скандинавистике и художественных произведений скандинавских авторов. Более того, у многих из нас (включая всю редакцию журнала) этот сайт в постоянных закладках. Трудно поверить, что все это поддерживается руками одного единственного человека, основателя и бессменного админа «Северной Славы» Тимофея Ермолаева. Еще труднее поверить, что Тимофей находит время еще и на переводы с английского, древнеисландского, украинского языков, сочинение собственных художественных произведений и даже на рисование исландских комиксов. Трудно поверить — но все это так. И поэтому мы невероятно благодарны, что среди такого насыщенного графика Тимофей нашел время заглянуть в гости к «Северному Ветру» и рассказать о себе нашим читателям.

С Здравствуйте, Тимофей, большое спасибо, что согласились на интервью! Расскажите, как вообще зародился ваш интерес к древнескандинавской литературе и культуре?

Во всём виновата ранняя любовь к чтению, а также книжная серия «Библиотека Всемирной Литературы», которая до сих пор занимает почетное место на полках. Два тома привлекли особое внимание — как вы понимаете, это были исландские саги и «Старшая Эдда». Особый мир, своеобразный юмор и люди, так похожие и в то же время не похожие на нас, современных. С самого

начала это был весьма завлекательный коктейль, который я расхлёбываю и по сей день.

С Как родилась идея создания сайта «Северная Слава»?

Из-за вредной склонности к упорядочиванию захотелось собрать в одном месте все имеющиеся на тот момент русские переводы саг с (древне)исландскими оригиналами, а также обе «Эдды». В те далёкие времена существовал сайт Александра Эрлиха «Мифы и легенды», но, с одной стороны, там не было узкой скандинавской направленности, а с другой — не

предполагалось добавление текстов оригиналов. Постепенно там перестали появляться и обновления, поэтому пришлось самому осваивать язык разметки, HTML, CSS, FTP-клиенты, графические редакторы и многое другое. Сайт появился в октябре 2000 года — даже страшно представить, сколько уже времени прошло. Со временем он стал обрастать дополнительными материалами и превратился в то, чем является на данный момент.

Мы хотели бы также вкратце подчеркнуть и прояснить, почему единственно правильный адрес сайта — это norroen.info, а на остальные (*tuna ulver*) ходить не надо.

Давайте я разъясню ситуацию на таком вот примере. У тебя есть библиотека в бесплатном клубе (народ.ру), где много разных маленьких комнат, увешанных рекламой, и ты ютишься в одной из них. К тебе приходит человек, говорит, у нас большое здание (*ulver*), переезжайте к нам, всё бесплатно, рекламы будет мало, зато у нас будет много общих посетителей. Через какое-то время ты решил всё-таки переехать в свой собственный дом (norroen.info), начинаешь переносить книги, вешаешь объявление о новом адресе. Но этот человек срывает твоё объявление и силой отбирает у тебя ключи. И даже несколько месяцев ходит украдкой в твой новый дом и ворует у тебя книги, чтобы отнести их к себе. И, к большому сожалению, во многих справочниках-указателях для «Северной Славы» стоит предыдущий адрес, к этому нехорошему человеку. Не надо к нему ходить и делать ссылки на его здание.

Многие статьи по истории и культуре народов Северной Европы, Эпохе Викингов, (в том числе и нашего журнала) зачастую ссылаются на «Северную Славу». Что вы чувствуете, когда видите очередную статью, где в списке источников указан ваш сайт? Каково быть создателем крупнейшего русскоязычного собрания источников?

Чувствую, что всё не напрасно. И это хорошее, тёплое чувство. Однако обидно, когда в популярных статьях или научных работах указана «Северная Слава», но стоит ссылка по предыдущему адресу...

В настоящее время на сайте ведётся работа по переводу сборника Йоуна Ауртнасона. Расскажите, пожалуйста, что это за сборник и в чём его важность, как родилась идея его перевести, и как именно организована работа: обсуждают ли переводчики тексты между собой? Планируется ли издание сборника в книжном формате?

Если вкратце, Йоун Ауртнасон — это исландский Афанасьев. Он на протяжении многих лет собирал истории (собственно, это не совсем сказки, в привычном нам понимании) по всей Исландии, результатом его работы стал двухтомник *Íslenzkar þjóðsögur og æfintýri* (1862–1864), а спустя почти век напечатали расширенную версию, уже в шести томах. В чём его важность... Я бы сказал, что истории сборника — это идейное продолжение исландских саг XIII века. Как и в сагах, большинство действующих лиц в «сказках» — это реальные исландцы (хронологически вплоть до ровесников Йоуна Ауртнасона!), дотошно указано, на каких хуторах происходит действие и так далее.

Изначально, конечно, я не ставил себе цели переводить сборник — его в те времена даже не было в сети, только отдельные сказки на сайте *Netútgáfan*. Но когда я начал публиковать на «Северной Славе» исландские сказки из сборника советских времён и сопоставлять их с исландскими текстами, то увидел, что на русский язык переведена лишь малая часть. Как и с сагами, рядом находилась целая сокровищница, нужно было лишь войти и вынести наружу какой-нибудь самоцвет, чтобы поделиться со всеми, что я и сделал. Потом в сети появился отсканированный двухтомник первого издания, тексты на сайте были упорядочены, переводы продолжились...

Теперь эта работа идёт более-менее планомерно, редкий день проходит, чтобы я не занимался этим делом. И нельзя забывать, что я не один. Спекуляториус, Ксения Олейник, Анастасия Сысоева, Ольга Маркелова — все сделали свой вклад. Я выступаю в роли координатора, слежу, чтобы один текст не переводился одновременно двумя людьми. И конечно, мы помогаем друг другу в редактировании готового перевода или разбираем вместе сложные места.

К концу года планируется завершить перевод первого тома, надеюсь, получится. Насчёт книжного формата ничего не могу сказать.

¶ *Появился ли уже у вас любимый текст из этого сборника?*

Сложно сказать, но любимый раздел, пожалуй, это сказки о колдунах, а конкретнее — истории про Саймюнда (Сэмунда) Мудрого, жившего в XI–XII веках; долгое время его считали автором «Старшей Эдды».

¶ *Как и где вы изучали древнеисландский язык?*

Самостоятельно. В 1999 году, получив доступ к всемирной «паутине», нашёл несколько сайтов с учебными материалами. Мне прислали ксерокопии учебника Стеблина-Каменского (который помог несколько упорядочить полученные из разных источников знания), потом энтузиасты отсканировали словари Zoëga и Cleasby, что сильно облегчило работу с древнеисландскими текстами.

¶ *Вы переводите с английского, древнеисландского, украинского языков.*

Какие ещё языки вы знаете? А какие хотели бы выучить?

К сожалению, это всё. Жалею, что не ознакомился в своё время с основами грамматики латинского языка. Да и санскрит, и древнеирландский, древнегреческий... Так много всего интересного, но я, к сожалению, всего лишь один, и поэтому приходится трезво оценивать свои возможности.

¶ *В английском языке есть устойчивый и всем понятный термин Old Norse, обозначающий древнеисландский язык. В русском же языке существуют названия: «древнеисландский, древнескандинавский, язык викингов». Какое название вам кажется самым правильным и разумным?*

Ещё встречается вариант «древнесеверный». В 2000 году я предпочитал использовать Old Norse, но английский термин всегда смотрелся чужеродно в русскоязычном тексте, поэтому с годами я привык к варианту «древнеисландский». К тому же большинство литературных памятников тех далёких времён сохранилось именно в Исландии.

Чей перевод Старшей Эдды на русский язык вам нравится больше всего?

Однозначно Корсуна (который переводил по подстрочнику Стеблина-Каменского), хотя он и не лишён некоторых недостатков. Также можно отметить перевод Тихомирова — Владимир Георгиевич умело владел словом.

¶ *Что бы вы могли посоветовать ступающим на путь переводчика с древних языков?*

Набираться терпения, усердия и быть готовыми к тому, что дело будет трудное и неблагодарное. И непонятное большинству окружающих — в самом деле, зачем учить мёртвый язык, если все носители уже умерли?

¶ *Пробовали ли вы уже использовать нейросети для перевода текстов? Как вообще относитесь к этому новому феномену? Сейчас многие беспокоятся, что нейросети смогут полностью заменить автора и переводчика...*

Для переводов — нет. Но я успел побаловаться с генерированием картинок по текстовому запросу и пообщаться с виртуальными личностями на основе нейронных сетей. Отношусь, скорее всего, положительно — пусть у нас будет ещё один инструмент, вопрос только в том, насколько умело им пользоваться. А вот насчёт полной замены автора и переводчика — для этого нужно создание искусственного интеллекта. При текущем развитии технологий это, как мне кажется, случится ещё не скоро.

¶ *Есть ли среди саг и эддических стихотворений у вас любимые персонажи и сюжеты?*

Конкретные имена я не буду называть, просто скажу, что в исландских сагах множество сильных и интересных персонажей, на которых хотелось бы в чём-то быть похожим.

¶ *Как, на ваш взгляд, возникла у древнего человека сама идея того, что сказанное слово имеет магическое значение? Как вам кажется, почему в современном мире мы не придаём сказанному слову такого же большого значения, какое придавали ему герои саг?*

Думаю, для человека глубокой древности сама речь, отличающая нас от животных, казалась каким-то чудом, дарованным свыше. Поэтому неудивительно, что правильно подобранные слова, по его мнению, могли волшебным образом повлиять на жизнь произнёсшего их. Или же если эти слова были написаны древними письменами. Но в современном мире слов стало слишком много, они окружают нас повсюду, мы утомились от обилия информации и, в качестве защитного механизма, перестали обращать на слово такое пристальное внимание.

§ Если это не секрет, расскажите о вашем вероисповедании. Относите ли вы своё мировоззрение к языческому, или ваш интерес к мифам и исландскому языку исключительно научный? Могли бы вы дать какой-то совет с высоты вашего жизненного опыта, как выжить в современном противоречивом мире?

Я придерживаюсь научного мировоззрения. Кое-чему лучше остаться в учебниках, истории, культурологии и т. п. Ежели мы начертаем на

корпусе космического корабля руны или окропим его священной влагой, он не полетит от этого лучше, пусть кому-то и кажется иначе. А как выжить в современном мире — я и сам не знаю. Мёртвые языки тут мало помогут.

§ Чему древние тексты и сюжеты могут научить современного человека?

Да ровно тому же, чему учит хорошая литература последующих веков, и даже современная. Общечеловеческим ценностям: дружбе, любви, преданности, долгу и так далее. По сути, человеческая природа за последнюю тысячу лет мало изменилась.

§ Влияет ли древнескандинавская литература на ваше собственное литературное творчество? Или для него вы черпаете вдохновение в других источниках?

К сожалению, мои древнескандинавские интересы почти не находят отражения в моих рассказах. Для того чтобы писать исторические произведения, кроме знаний, нужно обладать особым

складом ума, уметь погружаться в описываемую эпоху. Я этого не умею, поэтому у меня события происходят в современном, немного вымышленном мире. Но зато я несколько лет рисовал комикс, который так и назывался: «Древнеисландские комиксы!» Вот там у меня имеются исландские колдуны, драуги, конунги, тролли и даже скандинавские боги.

§ *Каких материалов, на ваш взгляд, не хватает сайту, и каким материалам вы были бы рады больше всего? Что нужно для того, чтобы опубликовать свой материал на сайте «Северная Слава»?*

Ещё очень много саг так и не переведено на русский язык. В шеститомнике Йоуна Ауртнасона тоже ещё много текстов, не на один год

непрерывной работы. Я буду рад переводам с исландского, статьям по древнескандинавской истории и литературе, материалам по исландскому языку на русском... И у нас есть раздел с творчеством посетителей сайта! А всё, что нужно — набраться смелости и написать мне, на [электронную почту](#), во [ВКонтакте](#) или в [Телеграме](#).

§ *Любое ваше пожелание и/или напутствие нашим читателям.*

Держайте! Не бойтесь показаться смешным или глупым, занимайтесь интересным для вас делом, от которого вы будете получать искреннее удовольствие, и пусть всё у вас получится!

Большое спасибо за беседу!

Англо-саксонская руническая надпись из Островного Евангелия и раннесредневековый мультикультурализм¹

© А.А. ХЛЕВОВ

ПРОЦЕССЫ политогенеза в раннесредневековой Европе отличались изрядной диверсификацией — при наличии безусловного типологического сходства и явно выраженного «мейнстрима». Главным фактором, определявшим их ход в рамках каждого исторического региона, был баланс плотности римской (или византийской) и германской (или славянской) традиции. В итоге культурный облик всех раннесредневековых государств определялся именно местным симбиозом этих двух начал.

*ХЛЕВОВ Александр Алексеевич,
доктор философских наук,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры «История»
Института общественных
наук и международных
отношений, Севастопольский
государственный университет;
профессор кафедры истории
и международных отношений,
филиал Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова.
e-mail: hlevov@mail.ru*

В этом отношении англо-саксонская Британия заняла во многом уникальную позицию. До насильственного вовлечения её в 1066 в поток европейской феодальной (на тот момент, собственно, в основном норманнской) традиции историческая Англия демонстрирует вполне эталонные образчики симбиоза различных культур. И не будет преувеличением сказать, что степень противоречивости сочетавшихся традиций может быть сопоставлена лишь с противоречивостью синхронной ирландской культуры, оставляя далеко позади и континентальную, и скандинавскую культуры.

Одним из наиболее ярких, на наш взгляд, примеров подобной кросскультурной гибридизации выступает руническая надпись, сделанная на странице так называемого Островного Евангелия из коллекции П.П. Дубровского, хранящегося в собрании РНБ в Санкт-Петербурге. Она была опубликована и подвергнута анализу в 1998–1999 гг. автором настоящей статьи и В.Г. Безроговым (Хлевов 1998; Хлевов 1999; Хлевов, Безрогов 1999а; Хлевов, Безрогов 1999б); в 2001 г. РНБ издала компакт-диск «Островное Евангелие», также содержащий небольшую статью, посвящённую этому памятнику палеографии (Островное Евангелие 2001). Одновременно весьма детальный анализ данной надписи — равно и её культурного контекста — был представлен в фундаментальном труде Е.А. Мельниковой (Мельникова 2001, С. 99–101). Насколько нам известно, других серьёзных исследований надписи не осуществлялось, хотя объект и представляется крайне привлекательным

¹ Первоначально статья была напечатана в НАУЧНОМ ВЕСТНИКЕ КРЫМА, 4(4) 2016

именно с точки зрения понимания культурного облика и менталитета раннесредневекового человека, восприятия им, в частности, отдельных письменных традиций и сочетаний таковых.

В занятой англами, саксами и ютами южной части острова Британия к VIII в. (а именно его концом датируется рукопись) сосуществовали прочно укоренившаяся здесь за семь столетий латынь и вновь возникший письменный древнеанглийский язык, зафиксированный, к тому же, в форме нескольких диалектов. Однако стоит добавить к этому, что на британской почве обрело фактически новое дыхание общегерманское руническое письмо. Его феномен, в отечественной академической литературе почти не осмысленный, вполне сопоставим с феноменом скандинавской рунической письменности. Достаточно напомнить, что англо-саксы дополнили старший футарк едва ли не десятком новых символов (максимальный по числу знаков «футарк» представлен 33 рунами), стремясь приспособить его к весьма сложной фонетике древнеанглийского языка, и, в итоге, оставили достаточно большой фонд аутентичных надписей — более 200.

К их числу относится и образец из РНБ. Однострочная руническая надпись располагается на 213-м листе Четвероевангелия в пространстве между двумя столбцами текста несколько выше середины листа. Руны оставлены на поверхности пергамента заострённым предметом (шилом или не слишком острым ножом), достаточно глубоко погружавшимся в материал — не менее, чем на половину толщины листа.

Надпись состоит из восьми рунических знаков, обрамлённых с боков, сверху и снизу четырьмя крестами. Общая длина — 28 мм, общая высота — 20 мм, длина собственно рунического текста в строке — 22 мм, высота отдельных рун — 7–8 мм. Ясно заметно, что некоторые линии проводились в два и даже в три приёма. Так, левая вертикальная черта первой руны составлена из трёх линий; вертикальная черта второй руны состоит из двух штрихов. Очевидно, автор, приступая к работе, не вполне точно представлял, руны какой высоты он в итоге изобразит, что и оставило след в начертании первых двух знаков — после второй руны подобные «скорректированные» линии уже не встречаются.

Скорее всего, кресты были начертаны за один приём с самой надписью, но всё же позже основного текста. На это достаточно определённо указывает вид первого (левого) креста, горизонтальная черта которого ощутимо смещена вправо. Между первой руной и основным текстом кодекса оставалось слишком мало места, и резчик вписал в него вертикальную линию. Симметричная горизонтальная перекладина неизбежно прорезала бы последнюю букву основного текста, что было по тем или иным соображениям неприемлемо, и автор надписи симметрию нарушил.

Надпись выполнена именно англо-саксонскими рунами, о чём свидетельствует употребление 1-й, 3-й и особенно 7-й рун; последняя особенно явно указывает на принадлежность надписи к кругу англо-саксонских древностей, ибо она нехарактерна для скандинавского или общегерманского футарка и, напротив, общеупотребительна в островных надписях.

Все знаки, кроме 4-го, читаются без каких-либо проблем. Интерес вызывают руны 3 и 7. В первом случае перед нами лигатура («биндеруна») *el*, достаточно, впрочем, типичная для рунической эпиграфики. Что касается 7-го знака, то в различных памятниках его начертание вариативно. Известны подтипы с небольшой вертикальной чертой внутри руны (классический тип по Е. Мольтке), или — как в нашем случае — с перекрещенными линиями. Всего же известно не менее пяти вариантов начертания этой руны, передающей древнеанглийский звук «у» (Moltke 1985, P. 14–28). Сходный с нашим тип начертания этой руны фигурирует, в частности, в футарке, выложенном на лезвии скрамасакса из Темзы («*сакса Беагнота*»).

Первые знаки убедительно читаются как «*eðel*», достаточно частая составная целого ряда личных имён англо-саксонского мира. 5–7-й столь же убедительно читаются как «*ryþ*». Центральная 4-я руна, насколько можно судить, пока не имеет аналогий в источниковом фонде, но, взятая в контексте, она идентифицируется нами как руна «*thorn*» (*þ*), ибо только в этом случае вторая часть надписи — «*þryþ*» — обретает смысловое значение и сообщает таковое всему слову: «*eðelþryþ*».

Исходя из всего вышеизложенного, надпись целиком должна быть прочитана нами как «*Eðelþryþ*» — древнеанглийское собственное (предположительно женское) имя, достаточно типичное для эпохи, к которой относится кодекс. Заманчивое желание связать надпись с известным королём рубежа VI–VII вв. Этельфритом разбивается о достаточно продолжительную цезуру в два столетия между ним и нижней хронологической границей возможного возникновения надписи.

Соображения по поводу осевой симметрии надписи, сакрального количества её знаков и «евангельского» числа обрамляющих крестов были высказаны автором ранее и в целом благосклонно восприняты оппонентами. Наибольший интерес вызывала и вызывает, однако, центральная руна. В ней ясно различаются черты «зеркальной» руны «*thorn*» (*þ*), рун, обозначающих звуки *ð, e, l*, а также перекрещенные линии, напоминающие ключевой и идентификационный признак англо-саксонской версии руны «*yr*», обозначающей звук «у». Отметим, что все упомянутые руны входят в состав рассматриваемого слова.

В развернувшейся заочной дискуссии по поводу центрального знака надписи Е.А. Мельникова была поставлена под сомнение возможность толкования его в качестве своеобразного личного знака или знака-заместителя имени — в первую очередь, в силу неизвестности подобных личных меток-монограмм в англо-саксонской традиции той эпохи. Взамен было предложено толкование его как двойного аллографа руны «*d*» (Мельникова 2001, С. 101). Вместе с тем, автор по-прежнему склонен усматривать в упомянутом знаке нечто большее. Приводимые аналогии представлены в надписях, весьма удалённых от нашего памятника территориально (и в большинстве своём — хронологически), аналогов в англо-саксонском корпусе нет. С другой стороны, элементы знака могут прочитываться и как символы футарка, например, «*st*» (32-й знак, Cotton Domitian, ix). Но подобное допущение делает надпись нечитаемой.

Именно поэтому автор рискует настаивать на возможности трактовки центрального знака не как пусть и сложной, но всё же просто биндеруны-лигатуры, а именно как монограммы имени, плода творческого акта автора надписи, находящегося на перекрёстке культурных традиций. Допустимо предположить, что этот знак мог употребляться не только в составе надписей, но и самостоятельно, в том числе именно как знак владельца, в качестве своего рода вензеля, тамги или пра-герба. Такое предположение кажется более вероятным, чем то, что он был изобретён одновременно, по случаю нанесения конкретной надписи на страницу манускрипта.

Однако, безусловно, самой существенной и интригующей загадкой остаётся комплекс обстоятельств, приведших к появлению этой надписи на странице Четвероевангелия. В условиях очевидной мультикультурности — а, вернее, сохранения слоёв разных культур в относительно

неприкосновенном состоянии в рамках единого общества — само сосуществование фактически трёх знаковых систем (латыни, письменного древнеанглийского языка и рунической письменности), безусловно, порождало многовариантные формы их взаимодействия. Почти не вызывает сомнения, что автор надписи имел непосредственное отношение к отправлению церковных обязанностей и был весьма «книжным» человеком. Что не мешало не только его знакомству с рунической эпиграфикой, но и достаточно виртуозному владению таковой. Изобретение нового, вполне уникального, рунического знака в полном соответствии с канонами рунического искусства — задача, безусловно, сравнимая с созданием нового герба профессиональным герольдом в эпоху Высокого Средневековья.

С другой стороны, руническая письменность в раннесредневековой Европе почти неизбежно вызывала языческие аллюзии — вне зависимости от контекста своего применения и содержания надписей. Поэтому появление рунического текста в священной книге выглядит актом достаточно неординарным, требующим, быть может, пересмотра наших устоявшихся представлений о взаимодействии христианской и языческой культур. Английская культура (до запретов короля Кнута в XI в.) была достаточно толерантна — в раннесредневековом понимании этого термина, конечно — однако, как представляется, не достигала в этом смысле уровня кельтской культуры той же эпохи, допускавшей беспрецедентно широкую адопцию языческого наследия. И тут возможны два толкования. Либо наши представления об этой части англо-саксонской традиции нуждаются в пересмотре, либо мы имеем дело со своего рода образчиком контролируемого вольнодумства. Контролируемого — поскольку автор надписи вполне осознанно окружил её четырьмя (а не двумя, как случалось) латинскими крестами, как бы «изолировав» от остального, «христианского», текста.

Если же принять во внимание возможную принадлежность имени женщине — и вовсе не обязательно христианской святой — то вся история с появлением надписи приобретает потенциальный романтизм, вполне достойный пера Дюма или Эко. ♦♦♦

Список литературы:

1. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. — М., 2001.
2. Островное Евангелие. Из собрания Российской Национальной Библиотеки, Санкт-Петербург. Электронная копия рукописи LAT. F.v.I. — СПб., 2001.
3. Хлевов А.А. Англо-саксонская руническая надпись из собрания Публичной библиотеки // Скифы. Славяне. Хазары. Древняя Русь. — СПб., 1998. — С. 72–74.
4. Хлевов А.А. О новой рунической надписи // Эпоха средневековья: Проблемы истории и культуры. — СПб., 1999. — С. 29–30.
5. Хлевов А.А., Безрогов В.Г. Англо-саксонская руническая надпись из собрания РНБ // ЯЛИК (Язык, Литература, История, Культура). — СПб., 1999. — №32 — С. 5–6.
6. Хлевов А. А., Безрогов В.Г. Англо-саксонская руническая надпись из собрания Публичной Библиотеки: опыт предварительного анализа // Вторые Скандинавские чтения. Сборник материалов. — СПб., 1999. — С. 363–370.
7. Moltke E. Runes and their origin, Denmark and elsewhere. — Copenhagen: Nationalmuseet Forlag, 1985.

«Сага об Олаве Святом»: Модели судьбы и модели истории

Вячеслав БАРЫШНИКОВ

Данная статья продолжает небольшую серию публикаций, посвящённых представлениям о судьбе в исландской литературе (на материале некоторых родовых саг, в первую очередь «Саги о людях из Лаксдаля» и «Саги о Хаконе Добром» «Круга Земного»)¹. «Сага об Олаве Святом» (центральная сага в составе кодекса королевских саг Снорри Стурлусона «Круг Земной») обладает определяющим звучанием при разработке темы представлений о судьбе в средневековой Исландии и их динамике под воздействием христианизации региона.

«Сага об Олаве Святом» в «Круге Земном» является одной из самых насыщенных предсказаниями будущего её протагониста. И вместе с тем, очевидно, что вмешательство в исторический процесс христианского Бога, чуждое традиции родовых саг и не нашедшее места в саге о первом конунге-христианине Хаконе Добром,¹ не могло не повлиять как на содержание этих пророчеств, так и на их роль в формировании «историографического» повествования².

Изменения, однако, происходят не автоматически, и вера в Христа сама по себе не уничтожает веры во всемогущую судьбу³. Королевские саги «Круга Земного», в том числе и «Сага об Олаве Святом», богаты традиционной для родовых саг риторикой, объясняющей успехи и провалы людских деяний влиянием судьбы. Именно судьбой определяется продолжительность жизни человека: «Так уж установлено их судьбой (*með auðni þeirri*), что Торкелю было суждено жить дольше» [Ól. helga XCIX, 127]⁴. Но отныне не только судьбой: долгая или короткая жизнь может быть суждена

1 Барышников В. Ю. *Мета- и микро-история в дописьменной традиции средневековой Исландии (на материале «Саги о людях из Лаксдаля») // Мир истории и история мира в раннесредневековой Европе. Межузовский сборник научных трудов. Иваново, 2005. С. 97–114; Барышников В. Ю. Две судьбы конунга Хакона Воспитанника Адальстейна // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Спец. вып. 1 (35). М., 2007. С. 255–263.*

2 Предлагаемые читателю наблюдения над представлениями о судьбе в «Саге об Олаве Святом» следует предварить ссылкой на ставшую классической в России работу А. Я. Гуревича «История и сага» (М., 1972; в 2006 г. монография была переиздана: Гуревич А. Я. *История и сага // Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006. С. 15–126*). Выводы А. Я. Гуревича, сделанные в главе «Удача или providence?» (Гуревич А. Я. *Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006. С. 43–50*), во многом противоречат выводам настоящей статьи. Ср.: «Несмотря на христианское влияние, затронувшее и представления о судьбе, по сути своей эти представления мало изменились. Христианизация не сопровождалась радикальной перестройкой языческого миропонимания, и вера в судьбу, управляющую как миром в целом, так и жизнью каждого человека в отдельности, коренилась слишком глубоко в сознании исландцев, чтобы быстро и легко уступить место новым воззрениям» (С. 50).

3 Думается, продуктивным было бы использование в данном контексте понятия синтез, которое использовалось в отечественной историографии для объяснения генезиса средневековых социально-экономических структур — феодальный (романо-германский) синтез. См., напр.: Гуревич А. Я. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 152; Поршнев Б. Ф. Проблема феодального синтеза // Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 507–518*). В нашем случае речь идёт о синтезе структур сознания средневекового человека. Составляющими элементами этого синтеза являются традиционные германские модели объяснения человеческой жизни (истории) и христианские представления. Следует особо отметить, что продуктивным было бы не качественное изменение понятия синтез, а его более углублённая трактовка.

4 Здесь и далее саги «Круга Земного» цитируются по изд.: Heimskringla Snorra Sturlusonar. *Konungasögur um prentun sá Páll Eggert Ólason. Bd. I–III. Reykjavík, 1946. — Bd. I: «Сага об Олаве сыне Трюггви» [Ól. Tr.]; Bd. II: «Сага об Олаве Святом» [Ól. Helga]; Bd. III: «Сага о Харальде сыне Сигурда (Суровом Правителе)» [Har. Sig.]. В квадратных скобках римскими цифрами обозначены номера глав, арабскими — страницы. Перевод древнеисландских текстов принадлежит автору статьи, если не указано иначе.*

и Богом: «он намеревался вернуть себе свою страну, а затем и свою власть, если Бог дарует ему долгую жизнь (*ef guð léði honum langlífis*)» [Ól. helga CLXXX, 258]. Заметим, что в последнем примере, равно как и в соответствующих случаях, упоминания судьбы в родовых сагах, обращение к теме судьбы и ожидаемой долгой жизни («если мне суждено...» = «если бог дарует...») оборачивается своеобразным предсказанием неизбежной гибели⁵. Точно так же Бог заменяет судьбу, а точнее — имя Бога замещает имя судьбы, — и при распределении побед в битве. Олав Святой, поднимая дух своего войска перед роковой битвой у Стикластадира, поминает и судьбу, и Бога, не противопоставляя их, а сопоставляя и даже смешивая: «Судьба (*auðna*) рассудит, кому достанется победа. И вот я объявляю для вас, что я не отступлю в этом сражении. Я должен либо победить бондов, либо пасть в сражении. И я буду просить, чтобы мне достался тот жребий (*hlutr*), который Бог (*guð*) посчитает для меня лучшим» [Ól. helga CCXI, 288]. Подобные примеры можно было бы продолжать.

Здесь не столько христианство оказывает влияние на восприятие судьбы, сколько традиционная вера в то, что жизнью людей управляет всесильная судьба, корректирует восприятие и принятие христианского Бога. Господь как бы концентрирует в своих руках те силы, которые в языческом сознании выступали как самостоятельные и безличные.

Лучшим доказательством истинности христианства для готовящегося к принятию крещения викинга было именно указание на то, что Бог ведает судьбами людей. В «Саге об Олаве сыне Трюггви» рассказывается, что Олав знакомится с прорицателем, который предсказывает будущее могущество первого конунга-крестителя, а кроме того, бунт на кораблях Олава, который должен случиться в скором времени и в ходе которого сам Олав получит тяжёлую, но не смертельную рану. Слова прорицателя сбылись в точности, и из дальнейших бесед с мудрецом будущий конунг

узнал, что «сам Бог христиан (*sjálfr guð kristinna manna*) даёт ему [прорицателю] знать всё то, что он хочет знать» [Ól. Tr. XXX, 180]. Примечательно, что в данном контексте наиболее значимым является вовсе не то, что именно предсказывает прорицатель. О бунте на корабле, в ходе которого Олав сын Трюггви получает тяжелейшую рану, сказано слишком уж вскользь, как будто это происходило не с главным героем саги, а с каким-то третьестепенным лицом. Весь этот эпизод лишь доказывает правоту предсказания, т. е. истинность знания, полученного от Бога христиан. В скандинавском обществе знание будущего оказывается наиболее убедительным доказательством всемогущества Бога.

Итак, Бог входит в систему верований скандинавов, принимая на себя функции дохристианской судьбы. Но не только. И именно «Сага об Олаве Святом» в составе «Круга Земного» даёт выразительный пример личного участия Бога в судьбе героя и контакта между личностью Божественной и личностью земной.

Как известно, «Сага об Олаве Святом» занимает центральное место в «Круге Земном» и по объёму составляет его третью часть, охватывая при этом лишь 15 лет норвежской истории. Кроме того, до написания «Круга Земного» Снорри создал отдельную «Сагу об Олаве Святом», имеющую свой Пролог, вводные и заключительные главы, включающие историю святого конунга в контекст норвежской истории от Харальда Прекрасноволосого до Харальда Гилли. В некотором смысле самостоятельный, но отчасти и конституирующий характер «Саги об Олаве Святом» в составе «Круга Земного» предполагает, что в ней, с одной стороны, может быть обнаружен самый разнообразный и многосторонний материал по интересующей нас проблеме; но, с другой стороны, что этот материал имеет специфические черты, задающие тон всему повествованию в «Круге Земном».

Начнём с того, что в «Саге об Олаве Святом» постоянно присутствуют два уровня повествования, которые постоянно пересекаются, перетекают друг в друга, но тем не менее играют самостоятельную роль на протяжении всей описываемой истории.

Внимание автора саги неизменно сконцентрировано на индивидуальном конфликте эмоционально-этического характера, в центре которого

⁵ Ср., напр.: Олав Святой говорит, что для Торкеля сына Эйольва (героя саги о «Людях из Лаксдаля») он не жалеет леса, если тому суждено построить церковь; однако корабль Торкеля, гружёный лесом, разбивается в Широком фьорде, и Торкель тонет: слова Олава Святого оказываются предсказанием гибели Торкеля (*Laxdæla saga með formála, skýringum og skrátt. Aðalsteinn Eyfórsson og Bergljót S. Kristjádóttir önnuðust útgáfuna. Norhaven A/S, Danmörky, 1999. Bls. 179*).

лежит посягательство на личное достоинство индивида⁶. И дело, конечно, не только в том, что повествование в «Саге об Олаве Святом» (как и в любой другой королевской саге) строится вокруг фигуры самого конунга. Гибель Олава сына Харальда оказывается следствием его личной распри с могущественными норвежскими хёвдингами — Ториром Собакой, Хареком с Тьотты и Кальвом сыном Арни. Описание этой распри красной нитью проходит через всё повествование Снорри, и её содержание прекрасно может быть описано в терминах, предложенных Т. М. Андерссоном для описания содержания родовых саг: 1) introduction, 2) conflict, 3) climax, 4) revenge, 5) reconciliation, 6) aftermath⁷.

1) Вводной частью саги, предшествующей межличностному конфликту, является рассказ о детстве Олава сына Харальда [Ól. helga I–III, 5–6], повествование о викингских походах будущего конунга, которые завершаются его прибытием в Норвегию [Ól. helga IV–XXIX, 6–26]; далее Олав сын Харальда устанавливает свою власть в Норвегии, что, безусловно, должно расцениваться как обретение им своего «одаля», т. е. вступление в наследственные права [Ól. helga XXIX–XCV, 25–120]. В итоге Олав становится единственным конунгом в Норвегии [Ól. helga XCV, 120]. Завершающим эпизодом вводной части следует считать указание на то, что Олав сын Харальда заключает мир с наиболее могущественными норвежскими хёвдингами Эйнармом Брюхотрясом [Ól. helga CXV, 148–149] и Эрлингом сыном Скъяльга [Ól. helga CXVI, 149–150].

2) Далее следует нагнетание межличностных конфликтов, центральным из которых следует признать конфликт Олава сына Харальда и Торира Собаки. Этот конфликт имеет как социально-экономическую, так и эмоционально-этическую подоплёку. Олав сын Харальда запретил вывозить зерно, солод и муку из Агдира, Рогаланда и Хёрдаланда [Ól. helga CXV, 148]. Данное решение обусловлено особенностями фискальной системы в раннесредневековой Норвегии: он приказал передать, что

приедет туда со своим войском и будет ездить по пирам⁸. Впрочем, социально-экономические (объективные) причины конфликта очень быстро отходят на второй план, в то время как главное внимание Снорри и его аудитории притягивают индивиды — «человеческие характеры с их страстями и особенностями, с их пониманием норм поведения, которые они, однако, всякий раз реализуют по-разному»⁹ (субъективный аспект конфликта). Некий Асбьёрн сын Сигурда из Халоголанда (племянник Торира Собаки и Эрлинга сына Скъяльга), достойный муж, желая традиционно устраивать роскошные пиры, хочет купить зерно в Рогаланде. Управитель Олава сына Харальда Торир Тюлень отказывается продать зерно, ссылаясь на запрет. Асбьёрн едет к своему родичу Эрлингу в Ядар, подстрекает Эрлинга на неподчинение Олаву сыну Харальда, и рабы Эрлинга продают Асбьёрну зерно. Однако Торир Тюлень останавливает корабль Асбьёрна на обратном пути, разгружает и вместе с тем отбирает у халоголандца дорогой полосатый парус. Асбьёрн возвращается униженным, а его родич Торир Собака своими шутками подстрекает Асбьёрна [Ól. helga CXVII, 151–155]. Асбьёрн, мстя за своё унижение, убивает Торира Тюленя на глазах у Олава сына Харальда [Ól. helga CXVIII, 155–158], а Эрлинг, дядя Асбьёрна, демонстрацией силы вынуждает Олава сына Харальда помиловать Асбьёрна [Ól. helga CXX, 159–161]. Одно из условий примирения состоит в том, чтобы Асбьёрн стал человеком Олава сына Харальда (заменив собой управителя Торира Тюления), однако Торир Собака вновь подстрекает Асбьёрна, говоря, что в этом — ещё большее унижение [Ól. helga CXX, 161–162]. Другими словами, условие примирения не выполнено.

Конфликт развивается. Асбьёрн, не выполнивший условия мирного договора, убит одним из людей Олава сына Харальда (Асмундом сыном Гранкеля). Мать Асбьёрна подстрекает Торира

6 Повествование о конфликте этого уровня в родовых сагах А. Я. Гуревич назвал «микроисторией» (Гуревич А. Я. *Человеческое достоинство и социальная структура. Опыт прочтения двух исландских саг* // Гуревич А. Я. *История — нескончаемый спор. Мидиевистика и скандинавистика: Статьи разных лет.* М., 2005. С. 668).

7 Andersson Th. M. *The Icelandic Family Saga. An Analytic Reading.* Cambridge, 1967.

8 Об институте вейцлы (пиров) в раннесредневековой Норвегии см.: Гуревич А. Я. *Свободное крестьянство феодальной Норвегии* // Гуревич А. Я. *Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии.* С. 218–238.

9 Гуревич А. Я. *Человеческое достоинство и социальная структура.* С. 674. Ср. далее: «Семейные саги» в своей совокупности <...> являют нам своего рода «человеческую комедию» древней Исландии. Но за этим планом жизненных ситуаций и столкновений (независимо от того, в какой мере в сагах воспроизведена реальная действительность) историк может обнаружить известные общие тенденции плана социального» (там же).

Собаку на месть, подарив ему копьё, которым был убит Асбьёрн [Ól. helga CXXIII, 167]. Торир Собака убивает одного из участников убийства (Карли, указавшего на Асбьёрна) [Ól. helga CXXXIII, 184]. Очередная попытка примирения — теперь уже Торира Собаки и Олава сына Харальда — проваливается: человек Олава сына Харальда (Финн сын Арни) назначает виру за Карли и силой вынуждает Торира платить; Торир Собака выплачивает виру не полностью и обещает продолжать мстить Олаву сыну Харальда [Ól. helga CXXXIX, 198–202]. Распря между Ториром Собакой и Олавом сыном Харальда достигает своего апогея.

3) Кульминацией распри становится битва при Стикластадире, во время которой Торир Собака наносит один из смертельных ударов копьём в живот ниже кольчуги Олаву сыну Харальда [Ól. helga CCXXVIII, 302–304].

Впрочем, в эту структуру не укладывается весь материал «Саги об Олаве Святом» (как не укладывается с точностью и материал практически всех родовых саг¹⁰).

Во-первых, в межличностной распри Олава сына Харальда и Торира Собаки недостаёт существенного нарративного элемента: мести. Кульминация распри непосредственно переходит в примирение: уже на поле брани при Стикластадире Торир Собака уважительно обходится с телом Олава [Ól. helga CCXXX, 304–305], затем отказывается преследовать своих бывших врагов [Ól. helga CCXXXII, 305–306]; он становится первым из числа противников Олава, признавшим его святость [Ól. helga CCXXX, 305].

Кроме того, и это кажется нам более значимым, конфликт Олава сына Харальда с Ториром Собакой далеко не единственный, а все другие конфликты не столь драматичны и, что самое главное, не умещаются в рамках личных отношения Олава и его антагониста: Торир Собака мстит Олаву не только за смерть Асбьёрна, но и за других своих родичей — Эльвира из Эгги (убитого в ходе христианизаторской деятельности Олава конунга) [Ól. helga CIX, 138–140] и сыновей Эльвира Торира и Грьотгарда (Торир принимал подарки от Кнута Могучего, за что был казнён, а Грьотгард мстил

за своего брата) [Ól. helga CLXV–XLXVI, 238–241]; Кальв сын Арни, приёмный отец Торира и Грьотгарда [Ól. helga CX, 140–141], сначала тщетно просит пощадить Торира [Ól. helga CLXV, 240], затем мстит Олаву по подстрекательству их матери [Ól. helga CLXXXIII, 262–264]¹¹; Харек с Тьоты, выступивший против Олава вместе с Ториром Собакой, враждует с конунгом из-за отобранной у него части Халоголанда [Ól. helga CXL, 148–149; CLXIX, 242–243; CXСIII, 271–272]; все противники Олава-конунга (Харек с Тьоты, Эрлинг сын Скъяльга¹², Торир Собака) так или иначе концентрируются вокруг Кнута Могучего, а конфликт Олава, конунга Норвегии, и Кнута Могучего явно выходит за рамки межличностной распри.

И всё же перечисленные межличностные конфликты придают «Саге об Олаве Святом» её повествовательное единство и драматическую напряжённость, свойственную родовой саге¹³. Битва при Стикластадире — это не просто сражение безликих толп северных воинов, за которыми стоят политические интересы разных властителей и претендентов на наследство Харальда Прекрасноволосого. Это даже не перечень поединков между наиболее выдающимися представителями двух лагерей и армий. Исключительным и кульминационным эпизодом битвы при Стикластадире является встреча лицом к лицу Олава сына Харальда, с одной стороны, и его заклятых врагов Торира Собаки, Кальва сына Арни и Торстейна Корабельного Мастера¹⁴, с другой. Торир, Кальв и Торстейн нанесли Олаву по одной ране, которые оказались смертельными.

10 На что обращали внимание как сам Т. М. Андерссон в указанной работе, так и критики его схемы сагового повествования (Буок J. L. *Feud in the Icelandic Saga*. Berkeley, Los Angeles, London, 1982. P. 50; Clover C. J. *The Medieval Saga*. Ithaca; London, 1982. P. 21).

11 Кальв сын Арни и Торир Собака оказываются, таким образом, родичами и имеют общие основания мстить Олаву сыну Харальда.

12 Конфликт Эрлинга сына Скъяльга с Олавом сыном Харальда обусловлен родством последнего с Асбьёрном сыном Сигурда; после того, как Асбьёрн не выполнил условий мирного договора, отказавшись стать человеком Олава, Эрлинг и его сыновья уезжают к Кнуту Могучему [Ól. helga CXXXI, 176–178; CXLIV, 214–215]. Таким образом, конфликты Олава сына Харальда с Эрлингом и Ториром Собакой — это эпизоды одной и той же распри. Эрлинг был убит в результате морского сражения с Олавом в проливе Бокн [Ól. helga CLXXVI, 249–252].

13 Ср.: "It is the conflict that gives the saga its special character, its narrative unity, and its dramatic tension" (Andersson Th. M. *Op. cit.* P. 11).

14 «Торстейн был в ссоре с конунгом, так как тот отобрал у него большой и новый торговый корабль, который Торстейн сам построил, за его бесчинства и как виру за человека конунга» [Ól. helga CCXXII, 296], — т. е. и в этом случае речь идёт о межличностном конфликте, впрочем, не разработанном автором «Круга Земного».

Второй уровень исторического повествования в «Саге об Олаве Святом» — это уровень истории государства, истории Норвегии, включённой в широкий региональный (англо-скандинаво-балтийский) контекст. Перед глазами аудитории встают масштабные картины политических и военных конфликтов, охватывающих всю Северную Европу. Олав-конунг не только подчиняет себе всю Норвегию, в очередной раз объединяет страну и устраняет своих нежелательных конкурентов из рода Харальда Прекрасноволосого. В сферу его интересов входят и другие регионы Северной Атлантики, исторически связанные с Норвегией, — Исландия, Фарерские и Оркнейские острова (попытки норвежского правителя подчинить себе эти страны в итоге оказываются тщетными). По «Саге об Олаве Святом» отчётливо видна связь исторических судеб Норвегии, Дании и Швеции, и взаимоотношения народов этих стран предстают здесь то как родственные и дружественные (Олав Святой и Энулд Шведский), то как сопернические, где камнем преткновения становятся не только пограничные области (Олав Святой vs. Олав Шётконунг), но и претензии на сюзеренитет в Северной Европе (Олав Святой vs. Кнут Могучий). Не менее здравые оценки даёт Снорри и конфликту Олава-конунга с норвежскими бондами, апогеем которого была битва при Стикластадире и гибель конунга. Снорри определённо называет в качестве одной из главных причин поражения Олава несоответствие государственной этики, которую нёс Олав (централизованная монархия и христианство), и традиционных ценностей викингского (догосударственного) общества. Причём в тексте Снорри ощущается сочувствие к начинаниям конунга и оправдание его жёстких мер стремлением к справедливости¹⁵; но и в инвективе, произнесённой Сигурдом, епископом Кнута Могучего, перед собранием норвежских бондов и явно проникнутой неприязнью к Олаву, названы те же самые причины социально-политического конфликта [Ól. helga CCXVIII, 293–294].

История Олава Святого наполнена предсказаниями судьбы этого конунга. Нам удалось насчитать по крайней мере десять подобных предсказаний или намёков на будущее Олава в тексте саги. Примечательно, что все эти прорицания

¹⁵ «Он был скорее готов потерять звание конунга, чем поступить справедливостью» [Ól. helga CLXXXI, 261].

сконцентрированы вокруг двух моментов в истории Олава Святого: они относятся, во-первых, к завоеванию юным Олавом достоинства конунга и власти над Норвегией в начале его правления; во-вторых, к попытке Олава-конунга вернуть себе страну после его изгнания бондами в союзе с Хаконном ярлом и Кнутом Могучим. Другими словами, предсказания будущего Олава Святого посвящены течению не личного конфликта Олава с норвежскими хёвдингами, а судьбе всего государства — истории Норвегии (и власти конунга в Норвегии).

Первые три предсказания относятся к периоду, когда Олав впервые подчиняет себе Норвегию и изгоняет из страны ярлов Хладира:

1) В дни викингской юности Олава ему во сне является некий муж, выдающийся и красивый, но внушающий ужас¹⁶, который даёт Олаву совет и обещание: «Отправляйся обратно в свой одал (til óðala þinna), потому что ты станешь конунгом над Норвегией навечно (*að eilífu*)» [Ól. helga XVIII, 18–19].

2) Олав следует совету явившегося ему во сне мужа. Но его первый шаг на родную землю оказывается неудачным — Олав поскользнулся и упал на одно колено. Воспитатель юного конунга Храни Путешественник ободряет его пророческими словами: «Ты не упал, конунг, теперь ты [прочно] поставил свою ногу в стране [на землю]» [Ól. helga XXIX, 26].

3) Отчим Олава, конунг Сигурд Свинья, даёт следующую оценку первым политическим шагам своего пасынка: «Если все будет так, как мне кажется, то тому, кто свяжет свою судьбу с ее сыном [с сыном Асты, матери Олава, т. е. с самим Олавом], придется, вероятно, проститься либо со своим имуществом, либо с жизнью. У этого человека, Олава-конунга, очень сильные противники, и если он так и дальше будет продолжать, то навлечет гнев конунга датчан и конунга шведов и на себя, и на всех, кто с ним» [Ól. helga XXXIII, 30].

Слова Сигурда Свиньи, безусловно, в дальнейшей перспективе оказываются пророческими. Но содержание их носит скорее рациональный характер. Осторожный и рачительный правитель, более похожий на бонда, чем на конунга, высказывает таким образом неудовольствие из-за необходимости помогать молодому и амбициозному родственнику, как и опасения по поводу этой помощи. Противоречие, заложенное в этих словах, — это

¹⁶ Вероятно, это был конунг Олав сын Трюггви.

противоречие двух этических принципов, касающееся отнюдь не только достоинства конунга, но и свободного человека эпохи викингов.

Более примечательны первые два пророчества. На первый взгляд, в них предсказывается будущее величие Олава-конунга, причём совершенно справедливо. Он действительно становится правителем всей Норвегии на полтора десятка лет. Однако оба предсказания абсолютно не однозначны, и в них можно выявить не один, а целых три смысловых уровня. Первый — уже отмеченный нами: конунгу предсказывается его могущество. Именно этот смысл очевиден для самого Олава, встретившегося во сне со своим могущественным «предвестником», на что не забывает указать Снорри: «Он понял этот сон так, мол, быть ему и его родичам конунгами над страной долгие времена» [Ól. helga XVIII, 19]. Тем не менее само указание на то, как прорицание воспринято его адресатом, предполагает его неоднозначность, остающуюся за скобками: Олав понял этот сон так, но возможно его понять и как-то иначе.

Второй и третий уровни смыслов неразрывно связаны. Было замечено, что «Олав, видимо, ещё не может постичь смысла предсказания о том, что ему суждено стать конунгом Норвегии «навечно»¹⁷, т. е. после гибели и канонизации превратиться в святого патрона норвежского государства. Но именно после гибели — мученической кончины в битве при Стикластадире, в которой Олав и его воины отстаивали не только независимость норвежского народа, но и дело Христово. Забегая вперёд, заметим, что тема святости Олава раскрывается параллельно с описанием его изгнничества, а следовательно, и его мученичества: первое исцеление совершенно святым конунгом в лето, предшествующее его изгнанию, во время викингских операций против главного противника — Кнута Могучего [Ól. helga CLV, 228–229], а при описании бегства Олава в Гардарики чудеса множатся в прогрессии: молитвами конунга удаётся расчистить непроходимый завал; умывшись в роднике, Олав делает эту воду целебной; малым количеством пищи удаётся накормить большое войско; Олав изгоняет злых духов [Ól. helga CLXXIX, 255–258]. Далее (и на протяжении практически всего «Круга Земного»)

упоминания о чудесах Олава Святого становятся регулярными.

Итак, святость Олава — его вечный патронат над Норвегией — обратной своей стороной имеет мученичество и гибель конунга. Этот смысловой уровень может быть выявлен и в многозначном обмене репликами между Олавом и Храни Путешественником. Как было указано, Храни оценивает падение конунга в соответствии с традиционными для викингского общества воззрениями на судьбу могущественного вождя. Но и здесь это толкование не единственное, что проявляется в неоднозначной реакции Олава на реплику своего воспитателя: «Конунг усмехнулся и сказал: «Пусть будет так, как хочет Бог» [Ól. helga XXIX, 26]. А это значит: может быть, Бог хочет, чтобы я встал в Норвегии твёрдой ногой (но может быть, Бог хочет и не только этого)¹⁸.

Олав Святой вовсе не оказывается в ситуации незнания или непонимания собственной судьбы. Усмешка Олава свидетельствует о том, что он принимает свою участь. Принимает, значит, знает,

18 Рассказ о падении как символе удачи/неудачи является едва ли не общим местом средневековой историографии. Впрочем, семантическая нагруженность подобных рассказов может быть самой разной, что лишний раз подчёркивает сложность и многозначность данного эпизода в составе «Саги об Олаве Святом». Симптоматичен аналогичный эпизод в составе «Круга Земного» («Сага о Харальде сыне Сигурда»). Когда Харальд Суровый объезжал своё войско в преддверии сражения с войсками Гарольда Английского, его лошадь споткнулась и упала. «Fall er fararheill», «Падение — это предзнаменование в пути» — сказал, вскочив, Харальд-конунг. Авторы словаря Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary (Initiated by Richard Cleasby; revised, enlarged and completed by Guðbrund Vigfusson. 2nd ed., reprinted. Oxford, 1962) переводят данную фразу следующим образом: *«a fall is a good omen»*. Впрочем, качественная характеристика знаменья может лишь подразумеваться. Думается, что Снорри вкладывает в слова Харальда оба смысла: Харальд Суровый хочет подбодрить своих спутников, но аудитория и сам Харальд должны знать о схожем падении Олава Святого. Окончательное объяснение этого предзнаменования даёт Гарольд Английский: «Высокий муж и величественный, и, похоже, утративший удачу (hamingju)» [Har. Sig. XC, 130]. Сравнивая данный эпизод с аналогичным эпизодом «Саги об Олаве Святом», легко заметить, что здесь благое толкование знаменья вкладывается в уста самого героя (в случае с Олавом — в уста его спутника), в то время как дурное толкование даёт антагонист Харальда (в случае с Олавом дурного толкования как такового нет, а на его многозначность указывает сам Олав). Наконец, в следующей главе «Саги о Харальде сыне Сигурда» дополнительно подчёркивается неудачливость Харальда через противопоставление его удачи удаче Гарольда Английского, который подъезжает к норвежским войскам и на глазах у Харальда, неузнанный им, ведёт переговоры со своим братом Тости. Поняв, что Гарольду удалось его провестить, Харальд замечает: «Невысокий это был муж, а гордо стоял в стременах» [Har. Sig. XCI, 131–132]. В итоге Снорри добивается вполне однозначного результата: аудитория ждёт трагической развязки судьбы Харальда сына Сигурда.

17 Гуревич А. Я. История и сага // Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006. С. 41.

что ему предуготовлено. Однако эта участь, равно как и предсказания этой участи, многозначны, что, между прочим, совершенно чуждо концепции судьбы в родовых сагах. Каждый из смыслов, выявленных нами в предсказаниях, не может не быть истинным. Предсказание смерти истинно для хода истории во времени, предсказание святости истинно в отношении того, что наступит после смерти святого конунга.

Предсказания и видения, полученные Олавом Святым во второй переломный момент его истории — возвращения в Норвегию, сохраняют эту двойственность смыслов. Перечислим наиболее значимые из них.

1) Во время пребывания Олава в Гардарики ему вновь во сне является Олав сын Трюггви с наставлением: «Меня удивляет, что ты никак не можешь принять решение, а также, что ты собирався сложить с себя звание конунга, которое дано тебе от Бога... <...> Слава конунга в том, чтобы побеждать своих недругов, и славная для него смерть — пасть вместе со своими людьми в битве. Или ты сомневаешься, что будешь сражаться за правое дело? Ты не должен обманывать себя. Поэтому ты можешь смело возвращаться в свою страну, и Бог даст тебе знамение, что она — твое владение» [Ól. helga CLXXXVIII, 268]. Именно это видение окончательно склонило Олава-конунга к тому, чтобы вернуться в Норвегию и возобновить роковую борьбу за власть. Отметим, что здесь даётся своеобразное христианское обоснование традиционной для викингского общества этической максимы «избыточного» поведения¹⁹: «Конунга должно иметь для славы, а не для

долгой жизни»²⁰. Славным оказывается то, что дано/предопределено Богом. Олав сын Трюггви хочет избавиться таким образом своего тезку от страха смерти, одновременно и предрекая ему эту смерть.

2) Знамение, обещанное Олавом сыном Трюггви, Олав-конунг получает, когда его войско вступает в границы Норвегии, спускаясь с гор с востока, из Швеции. По словам самого Олава, ему предстало чудесное видение²¹: конунг охватил внутренним взором сначала весь Трандхейм, затем всю Норвегию, наконец, весь мир. Таким образом, могущество, обещанное Олаву, выходит за национальные и политические границы одаля потомков Харальда Прекрасноволосого, и слава — святость — Олава должны распространиться по всему христианскому миру. Пространственная перспектива этого видения Олава в некотором смысле повторяет пространственную перспективу, формируемую языческим образом мирового древа — ясеня Иггдрасиля²². Но самого древа в видении конунга нет, что само по себе знаменует разрыв со старой языческой традицией восприятия судьбы и моделирования пророчества. Нет в этом видении и временной перспективы предрекаемого могущества, что, конечно, заложено в самом содержании пророчества. Ибо власть Олава Святого над Норвегией принадлежит уже не времени, а вечности (*að eilífu*), о которой говорил Олав сын Трюггви во время своего первого явления Олаву-конунгу.

19 Термин «избыточное» поведение мы используем вслед за А. Я. Гуревичем (см.: Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979. С. 49). А. Я. Гуревич формулирует понятие об «избыточном» поведении применительно к эддическим героям, когда поведение героя в момент реализации трагической судьбы «перерастает в нечто демоническое, иногда оно необъяснимо с точки зрения окружающих» (там же). Нами это понятие было распространено на героев родовых саг, формирующих своё поведение по эддической модели (Барышников В. Ю. Мета- и микроистория в дописменной традиции средневековой Исландии. С. 108–109). Следует учитывать, что для саговой традиции «избыточность» есть не столько «демоничность» поступка, сколько «избыточность» мотивировки поступка: герой формирует собственную участь, уже предопределённую безличной судьбой. Ср.: «<...> герой песни «выращивает» свою судьбу. Он принимает последствия собственных решений и деяний, обращающихся против него в виде его участи» (Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. С. 40; см. также: Гуревич А. Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005. С. 20).

20 *Magnúss saga berfaetts // Heimskringla Snorra Sturlusonar. Konungasögur um prentun sá Páll Eggert Ólason. Bd. III. Reykjavík, 1946. Bls. 169.*

21 Буквально — *hlutr* «жребий, доля» [Ól. helga CII, 277].

22 Описание ясеня Иггдрасиля даётся у Снорри Стурлусона в «Младшей Эдде» (Snorri Sturluson. *Edda. Udgiven af Finnur Jónsson. Anden udgave. København, 1926. Bls. 20–24*), а также эддических песнях «Прорицание вёльвы» (строфы 2, 19, 27–28, 47) и «Речи Гримнира» (строфы 29–35) (нумерация строф дана по изданию русского перевода «Старшей Эдды»: Старшая Эдда: Эпос / Пер. с древнеисл. А. Корсуна. СПб., 2005). Иггдрасиль является вертикальной осью мира, соединяющей небо и землю. Орёл, сидящий в ветвях ясеня, олицетворяет верхнее пространство (Snorri Sturluson. *Edda. Bls. 22*); дракон Нидхёгг, подгрызающий корень мирового древа, — нижнее пространство (ibid.). Орёл и дракон — антагонисты. Их противостояние (перебранка в интерпретации Снорри) предвещает противостояние асов и сил хаоса во время Рагнарёка. Таким образом, пространственная ось с её дихотомией хтонических 45 и космических существ, маркирующих нижние и верхние координаты оси, становится осью временной, сталкивающей времена первотворения и последующий период противостояния сил космоса и хаоса.

3) Наконец, окончательной ясности идея предопределения к святости достигается в последнем описанном сне Олава. Конунгу снится высокая лестница, уходящая в небо, по которой он поднимался вплоть до самой последней ступеньки [Ól. helga CCXIV, 290–291]. Олав-конунг рассказывает об этом сне Финну сыну Арни, который и разбудил его из-за того, что войско бондов начало наступать на людей конунга. Финну это видение понятно только отчасти (как только наполовину в своё время смог объяснить падение Олава Храни Путешественник): «Мне этот сон не кажется таким уж хорошим, каким он кажется тебе. Я полагаю, что это будет знаком твоей смерти, если это не что-нибудь вроде одного из пустых сновидений, которые снились тебе» [Ól. helga CCXIV, 290–291]. Конечно же, сон Олава — это не пустое сновидение, и предвещает он именно гибель конунга. Финн прав. Но именно Олаву (и только ему) почти уже ясно, что предвещает этот сон кроме смерти²³. Поэтому он сожалеет, что Финн разбудил его и не дал досмотреть сон — узнать, что же ожидает Олава на самой верхней ступеньке. Поэтому Олав может не просить молитв за своих людей, которые погибнут в надвигающейся битве, но только за тех, кто будет в войске бондов: он знает, что и он, и его люди будут спасены [Ól. helga CCVII, 284], ибо они сражаются не только за власть в стране, но и за дело Христово.

И всё-таки знание Олава о том, что ему предопределено/дано Богом, не окончательное, и мы не случайно оговорились, что смысл последнего сна почти ясен конунгу. Ведь он так и не увидел, что ожидает его на верхней ступеньке. Норвежский конунг знает, что его ожидает и смерть, и величие. Но то, как противоречащие друг другу вещи будут совмещены, окажутся одним, откроется ему только в тот момент, когда он пройдёт через эту смерть, падёт на поле брани от ударов Торира Собаки, Кальва сына Арни и Торстейна Корабельного Мастера.

Очевидно, что в последнем видении Олава, описанном Снорри, реализуется ветхозаветный миф о лестнице Иакова: «И увидел во сне:

вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот Господь стоит на ней» [Быт. 28.12–13]. Однако в книге Бытия Господь благословляет семя Иакова, обещает даровать ему земли и сохранить везде, куда бы тот ни пошёл [Быт. 28.13–15]: ветхозаветное обетование есть обетование жизни. Как протагонист, так и автор саги были наследниками богатой варварской культуры, в которой одно из первейших мест занимали представления о предопределённой герою гибели. Здесь личная связь героя с Богом возможна только за пределами жизни, а достижение святости оказывается своеобразной реализацией этической максимы совершения «избыточного» поступка, приближающего героя к смерти. Вероятно, не случайно первыми святыми вновь обращённых варварских (не только скандинавских) народов стали именно убиенные мученики (Олав Святой в Норвегии и его «провозвестник» сын Трюггви, «неофициальный» исландский святой; Борис и Глеб на Руси; Вацлав в Чехии).

Таким избыточным поступком для Олава-конунга было возвращение из Гардарики, где, согласно сообщению Снорри, конунг Ярицлейв (Ярослав Мудрый) предлагал ему стать правителем Вульгарии (Волжской Булгарии), на родину, где Олава ожидала предсказанная ему смерть. Однако в контексте «Саги об Олаве Святом» его решение будет не правомерным оценивать как избыточное, поскольку оно обусловлено — прежде всего — обетованием спасения и связью личной судьбы Олава с божественной волей.

Подчеркнём ещё раз, что речь идёт именно о личной, индивидуальной связи. Особенно ярко это проявляется в том, что многозначность многочисленных знамений, полученных Олавом — и только Олавом — остаётся открытой, точнее, приоткрытой только ему самому, вплоть до солнечного затмения, которое традицией было связано с битвой при Стикластадире и гибелью Олава Святого. В родовых сагах знание о грядущих событиях (прежде всего, о гибели героя) может быть получено как самим человеком, предопределение которого описывается, так и его родичами, мудрыми людьми, прорицателями или прорицательницами, конунгом

²³ Вероятно, также некоторым представителям духовенства из окружения Олава-конунга. Епископ, которому Олав поведал о предыдущем видении, назвал это видение священным и чудесным (*heilaglig ok stórmerkilig* [Ól. helga CCII, 277]).

и т. д.²⁴ При этом ни для кого не остаётся тайной, что должно произойти. Поведение героя направлено на то, чтобы превратить predetermined события в сверхзначимые²⁵. В случае с Олавом Святым окружению конунга будущее открыто только наполовину — открыта только земная судьба правителя.

На грани знания тайны божественного predetermined стоит только сам Олав Святой. Именно потому, что это predetermined касается только его самого. Божественное predetermined в «Круге Земном» предстаёт не универсальной силой, и Божья воля не столько predetermined Олава к смерти и святости, сколько избирает его. Соответственно, и конунг не принимает заранее запрограммированную судьбу, но сам оказывается в ситуации выбора между двумя или более альтернативами. Именно проблема выбора своей дальнейшей судьбы стоит перед Олавом, когда он, находясь в Гардарике, размышляет о своей былой удачливости: «С тех пор как Олав конунг приехал в Гардарики, он был в большой тревоге и размышлял, какое решение он должен принять» [Ól. helga CLXXXVII, 267]. Ни одного из героев родовых саг мы не застаём за подобными раздумьями, их поступки кажутся либо спонтанными, либо продуманными/заданными изначально²⁶.

В одной из предыдущих публикаций мы постарались показать, что *ретроспективный* взгляд открывается в «Круге Земном» историей Хакона Воспитанника Адальстейна — конунга христианина, «историографическая» традиция повествования о котором восходит к языческим временам²⁷.

История Олава Святого, в свою очередь, даёт пример зарождения перспективного взгляда. Существование проблемы выбора, стоящей перед Олавом конунгом, означает, что его сознанию открыты и прошлое, и будущее. Заметим, однако, что план будущего неизменно ориентирован здесь не на земное, историческое будущее, а за пределы истории и времени. Земная история в христианских сагах «Круга Земного» обладает, таким образом, не самостоятельной значимостью, но ориентирована на божественное, внеисторическое.

Наконец, существование проблемы выбора означает, что исторический процесс выходит за рамки детерминированности как таковой. Судьба заменяется свободным волеизъявлением деятеля истории, а пророчества, которые получает Олав Святой, в некотором роде оказываются советами или подсказками в сложной ситуации выбора. Божественная воля руководит поступками своего подопечного, направляет их в нужную сторону, но именно самостоятельный личный выбор Олава-конунга ведёт его на верхнюю ступеньку «лестницы Иакова»²⁸. Таким образом, традиционная для скандинавского общества идея

24 Ср., напр., предсказания о трагической судьбе героев «Саги о людях из Лаксдаля». Гудрун дочь Освира узнаёт о своей несчастливой судьбе из сна, который истолковывает Гест сын Оддлейва, обладающий пророческим даром (Laxdæla saga. Bls. 70–73). Из этого же сна аудитория узнаёт о predetermined участии Боли (Ibid.). О неизбежной гибели Кьяртана сына Олава Павлина аудитория узнаёт из проклятья викинга Гейрмунда Грохота (bls. 67), проклятья страшной женщины (Хель?), явившейся во сне Олаву Павлину (bls. 68), пророчества Геста сына Оддлейва (bls. 74), предчувствия Олава Павлина (bls. 90), предсказания конунга Олава сына Трюггви (bls. 107), сна Ана Чёрного (Хворост в Животе) (bls. 121), из слов Торкеля, свидетеля сражения между Кьяртаном и сыновьями Освира (bls. 123).

25 «Прорицание будущего задаёт их [главных участников распри] идеальный первообраз, который затем осуществляется в момент совершения «избыточного» поступка. <...> каждый из этих поступков и есть насыщение истории мифологическим смыслом» (Барышников В. Ю. Мета- и микро-история в дописьменной традиции средневековой Исландии. С. 109–110).

26 Ср., между прочим, мотивы, по которым Гуннар из Хлидаренди (герой «Саги о Ньяле») отказывается покинуть Исландию после того, как его приговорили к изгнанию из страны. Гуннар бросает прощальный взгляд на родные земли и говорит: «Как красив этот склон! Таким красивым я его ещё никогда не видел: жёлтые поля и скошенные луга. Я вернусь домой и никуда не поеду» (Сага о Ньяле // Исландские саги. / Редакция, вступительная статья и примечания М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 566; пер. с др.-исл. В. П. Беркова). Здесь нет обращения к прошлому героя. Наоборот, важно сиюминутное потрясение и неожиданное осознание собственной связанности с родной землёй.

27 «...в центре внимания оказываются не характер и обстоятельства гибели вождя (как в «Речах Хакона»), а итоги его правления (завещание Хакона Доброго). Взгляд историка направлен не на кульминационный момент сагового историописания — не на момент исполнения судьбы, — а в прошлое, т. е. непосредственно на череду событий, которые прошёл герой повествования» (Барышников В. Ю. Две судьбы конунга Хакона Воспитанника Адальстейна. С. 262).

28 Следует заметить, что нигде в «Круге Земном» идея свободного выбора героя не предполагает возможности богоборчества. Человеческая и божественная воли оказываются не вполне равнозначными. И идея свободы, столь ярко выраженная в «Саге об Олаве Святом», в последующих сагах «Круга Земного» отчасти устраняется. Так, Магнусу Доброму, сыну Олава Святого, явился во сне отец и предложил сделать выбор: «Какой выбор ты предпочтёшь, сын мой: пойти сейчас со мной или стать могущественнейшим из всех конунгов и жить долго и совершить такой проступок, который ты или искупишь с трудом и отчасти, или не искупишь никогда». Магнус не может сделать выбор и оставляет решение на волю отца: «Я предпочту, чтобы ты выбрал то, что будет для меня благом» [Har. Sig. XXVIII, 72].

судьбы теряет своё значение движущей силы истории и отодвигается на периферию исторического сознания.

В заключение отметим, что проблема средневекового синтеза, как она поставлена в настоящей работе, требует последующего анализа конкретных направлений этого синтеза. Другими словами, вопрос заключается в том, какие историографические и богословские модели средневековой Европы определяли динамику представлений о судьбе и сагового повествования и, в частности, нашли отражение в интерпретации истории Олава Святого в «Круге Земном».

Ни в коей мере не претендуя на решение этого вопроса, выскажем следующие предположения. Вряд ли удастся связать модель христианской судьбы святого конунга, предложенную Снорри, с богословскими спорами вокруг проблемы свободы воли Раннего Средневековья (скажем, с идеями Августина или Пелагия). Материал наших источников не даёт никаких оснований для подобных изысканий.

Думается, что ответ на поставленный вопрос следует искать в истории интеллектуальных центров средневековой Исландии, в частности, хутора Одди, где воспитывался Снорри Стурлусон, хутора у Перевала, где жил составитель «Саги о Стурлунгах» Торд сын Нарви, епископальных центров Исландии на Пригорках и на Палатном Холме. ◆◆

Об Одине и кресалах Прикамья

Г.Ф. КОРЗУХИНА

КАЛЬНЫЕ кресала, вмонтированные в бронзовые ажурные рукояти, превратившие эти предметы домашнего обихода в небольшие произведения искусства, появились в Прикамье внезапно. Свою короткую, но интересную историю они пережили за 100 с небольшим лет — с конца IX по начало XI в. Первая публикация кресала с бронзовой рукоятью появилась в 1859 г.¹ По мере увеличения количества находок фигурные кресала привлекали к себе все больше внимания. Первые сводки их были опубликованы финским ученым Х. Аппельгреном-Кивало² и шведским исследователем Н. Клеве³. Но наиболее полная публикация кресал с фигурными рукоятями принадлежит Л. А. Голубевой, которая кроме полной сводки кресал дала их классификацию, датировку, установила район их производства и территорию распространения⁴. Л. А. Голубева насчитала более 100 таких кресал. По форме рукояти она разделила их на ряд групп, типов и вариантов. Ей удалось доказать, что кресала эти изготовлены в Прикамье, в финно-угорской среде. Именно в Прикамье наблюдается наибольшая концентрация находок, здесь наиболее полно представлены все разновидности кресал, здесь же найдена незавершенная отливка бронзовой

рукояти⁵ — прямое свидетельство местного их изготовления. Вне пределов Прикамья кресала найдены почти исключительно в северных районах, причем в Восточной Европе преимущественно в финно-угорской среде. Кроме того, они найдены в Финляндии, Швеции и Норвегии. На Запад кресала попали путем торговли. Таковы основные положения Л. А. Голубевой. Они представляются достаточно обоснованными, и я обратилась к этому материалу вновь лишь для того, чтобы уточнить содержание композиции на рукоятях одной группы кресал. Толкования ее, существующие в литературе, на мой взгляд, ошибочны.

При всем разнообразии изображений на рукоятях их можно разделить на 5 групп: 1. Одно животное, очень стилизованное, иногда чуть скифоидное (козел, зверь тигровой породы, заяц); 2. Два сопоставленных животных (медведи); 3. Части животных — сопоставленные головы на длинных шеях; 4. Два всадника, едущие в разные стороны; 5. Две хищные птицы и бородатый мужчина между ними. Птицы касаются клювами его головы, но не терзают его (рис. 1).

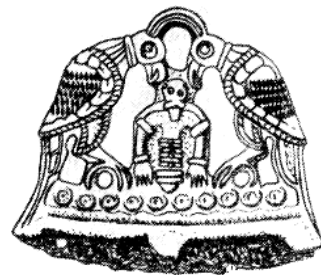

Рис. 1. Кресало. Мало-Аниковский могильник б. Пермской губ

1 Ешевский С. Заметка о пермских древностях. — В кн.: Пермский сборник, кн. 1. М., 1859.
 2 Appellgren-Kivalo H. Kansalaisuomääräyksistä muinaistieteessä. — In: Suomen Museo, t. XX, 1915. Helsinki, 1915, S. 1–27, Abb. 49–53.
 3 Kleve N. Finländska fornsaker. 2. Eldstål med bronsfäste. — In: Finskt Museum, XXXVI, 1929. Helsingfors, 1930, S. 51–60, Abb. 1–16.
 4 Голубева Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятями. — СА, 1964, № 3, с. 115–132, рис. 1–7.

5 Голубева Л. А. Указ. соч., с. 126 и рис. 5.

В настоящей заметке нас будут интересовать кресала только последней, пятой группы. Таких кресал найдено 10, из них 9 — в Прикамье, 1 — в Киеве⁶. За исключением данной группы кресал, все остальные «бессюжетны»: стоит козел, припал на передние лапы заяц, кусает себя за хвост какой-то зверь, встали на задние лапы два медведя и т. д. И только в композицию с птицами и человеком вложено какое-то более сложное содержание. Необычность этой композиции для Прикамья была давно замечена исследователями. Высказывалось много предположений относительно ее содержания. В частности, Х. Аппельгрэн-Кивало считал, что в основе изображения на кресалах лежит композиция, известная в буддийском искусстве, — богиня между двух священных слонов⁷. Н. Клеве соглашался с ним, считая, что трансформация слонов в птиц вполне возможна⁸. Л. А. Голубева отвергла подобное толкование сюжета. Действительно, нужно иметь богатую фантазию, чтобы превратить женщину в бородастого мужчину, а слонов — в птиц. Но все же Л. А.

Голубева допускала, что «в основе сюжета лежит восточный мотив, воплощенный в известных круглых подвесках X в.» с изображениями, как и на кресалах, человека и двух птиц⁹ (рис. 2). Два года спустя Л. А. Голубева раскрыла, как она полагает, содержание композиции на кресалах. Дело в том, что вне связи с кресалами этими подвесками заинтересовался П. Лундстрём и пришел к выводу, что на них изображен Александр Македонский в полете на грифонах¹⁰. Л. А. Голубева согласилась с таким толкованием и перенесла его на рукояти кресал. Таким образом, Л. А. Голубева считает, что на кресалах (и на подвесках) изображена сцена полета Александра Македонского¹¹. По моему убеждению, такое толкование сюжета ошибочно.

Рис. 2. Подвеска. Г. Пренцлау, ГДР¹²

В легенде о полете говорится, что к корзине, в которой находился Александр Македонский, привязали двух грифонов. В каждой руке у Александра было по копью с куском мяса на острие. Грифоны стремились к мясу и подняли Александра Македонского в небо. Средневековые скульпторы, живописцы, ювелиры, обращаясь к этой легенде, точно воспроизводили все подробности. На кресалах же нет ни корзины, ни копий с мясом; вместо грифонов — птицы, к тому же со сложенными крыльями, а не раскрытыми для полета. Кроме того, Александр Македонский умер, когда ему было неполных 33 года (356–323 гг. до н. э.), и я не помню случая, чтобы он был изображен бородастым старцем, как на кресалах. Другими словами, между

6 Л. А. Голубева насчитала 11 таких кресал. Из-за нескольких ошибок в библиографии одно из кресал было, видимо, принято ею за два разных (Пермь и область Перми). Даю выверенную и несколько дополненную литературу по каждому из 10 кресал. 1) Мало-Аниковский могильник. Голубева Л. А. Указ. соч., с. 128 и рис. 6, 2; 2) Пермь. Kleve N. Op. cit., fig. 3 (у Голубевой ошибочная ссылка на: Appelgren-Kivalo H. Op. cit., fig. 51. — Пожвинский могильник); Голубева Л. А. Указ. соч., с. 128 и рис. 6, 1; 3) Мало-Аниковский могильник. — ОАК за 1894 г., с. 28, рис. 21; Appelgren-Kivalo H. Op. cit., fig. 52; Голубева Л. А. Указ. соч., с. 128, рис. 6, 3; 4) Плеховский могильник. Оборин В. А. Плеховский могильник на Каме. — КСИИМК, вып. 36, 1951, с. 200–201, рис. 62, 2; Голубева Л. А. Указ. соч., с. 128; 5) Пожвинский могильник. Ешевский С. Указ. соч., с. 139, табл. 6/№; Aspelin J. R. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. II. Helsingfors, 1877, fig. 541; Appelgren-Kivalo H. Op. cit., fig. 51 (у Голубевой ошибочная ссылка на: Kleve N. Op. cit., fig. 3. — Пермь); Голубева Л. А. Указ. соч., с. 128; 6) Редикорский могильник. — Древности камской чуди. МАР, № 26. СПб., 1902, табл. XXII, 3; Appelgren-Kivalo H. Op. cit., fig. 53; Голубева Л. А. Указ. соч., с. 128 (в сноске 65 ошибочная ссылка на рис. 6, 6, находящийся в другой работе: Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере. — СА, 1962, № 3, рис. 6, 6 (кресало с «Черемисского кладбища»). — (область Перми, — видимо, такого кресала не существует). Голубева (Огнива..., с. 128) ошибочно ссылается на: Kleve N. Op. cit., fig. 3 — кресало из Перми, которое она уже учла раньше, см. наш № 2); 7) Салдырьский могильник. Голубева Л. А. Огнива..., с. 128; 8) Могильник «Черемисское кладбище». Голубева Л. А. Археологические памятники, с. 62 и рис. 6, 6; она же. Огнива..., с. 128; 9) Киев, курган с труположением (у Голубевой ошибочно — с сожжением). Беляшевский Н. Курган-могилан на территории Киева. — АЛЮР, 1903, № 6, с. 359–360, табл. XIX, 3; Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, с. 193, рис. 39, 1, 2, погребение 118; Голубева Л. А. Огнива..., 128; 10) Чердынский уезд. Голубева Л. А. Огнива..., с. 128, рис. 6, 4.

7 Appelgren-Kivalo H. Op. cit., fig. 49, 50.

8 Kleve N. Op. cit., S. 52.

9 Голубева Л. А. Археологические памятники..., с. 62.

10 Lundström P. The man with the captive birds. — In: Acta Archaeologica, t. XXX, N 293. København, 1960, p. 190–198.

11 Голубева Л. А. Огнива..., с. 129–130.

12 В редакции 1976 г. подпись такая: «подвеска с изображением Одина (?) из кургана у села Васильки Суздальского района».

легендой и изображением на кресалах больше несоответствий, нежели сходства.

Я хочу предложить иное толкование сюжета на рукоятках кресал. В «Младшей Эдде» (в «Видении Гюльви») есть хорошо известный текст: «Два ворона сидят у него (Одина. — Г. К.) на плечах и шепчут на ухо обо всем, что видят или слышат. Хугин и Мунин — так их прозывают. Он шлет их на расвете летать над всем миром, а к обеду они возвращаются. От них-то и узнает он все, что творится на свете. Поэтому его называют богом воронов»¹³.

Может ли изображение на кресалах соответствовать приведенному тексту? Думается, что может, хотя между текстом и изображениями на рукоятках тоже есть кое-какие расхождения. Известно, что Один был одноглазым, что он носил синий плащ и низко надвинутую шляпу. Таким его видели люди, когда он появлялся среди них, когда был в пути. На кресалах ни плаща, ни шляпы нет, поскольку он принимал возвращавшихся воронов у себя в жилище. Кроме того, прилетавшие вороны шептали Одину обо всем, что видели, в уши. Уши — существенный момент в мифе об Одине, и если бы художник надел ему шляпу, она закрыла бы уши. Кстати, на лучшем кресале данной серии — Мало-Аниковском — под клювами изображены какие-то раковинки — подобия ушей (рис. 1). Несоответствие есть еще и в том, что Один на кресалах изображен не одноглазым, а с двумя глазами. Может ли это послужить поводом для отказа от предложенного толкования сюжета? Думаю, что нет. Бросается в глаза, что в сказании об Одине мастера больше всего заинтересовали именно вороны. Он изобразил их очень крупно, значительно крупнее, чем это полагалось бы по сравнению с человеком. Точная передача аномалии в лице Одина могла заинтересовать его значительно меньше. К тому же при сравнительно грубой отливке и небольшом размере поделки эта подробность могла получиться просто непонятной, а то и незаметной. Кроме того, в приведенном отрывке из «Младшей Эдды» ни об одноглазии Одина, ни о его плаще и шляпе ничего не говорится, а камский мастер мог быть

не в курсе всех тонкостей скандинавской мифологии и не знать ничего, кроме поразившего его мифа о двух вещих воронах, которых он и решил «увековечить в бронзе».

Но как мог скандинавский миф дойти до мастера, жившего за тридевять земель от Скандинавии? Комментируя карту распространения всех видов кресал с бронзовыми рукоятками, Л. А. Голубева указывает, что «через посредничество весиряд изделий прикамского происхождения, в том числе и огнива, став объектом торговли викингов, попадал на Запад: больше всего в Финляндию... меньше в Швецию и еще меньше в Норвегию»¹⁴. Торговля — только один из каналов, по которому миф об Одине мог стать известным в Прикамье. Могли быть, конечно, и другие пути, которые археология не улавливает. Ни одного кресала с Одином в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике пока не найдено. Здесь известны кресала только двух других видов — с головами на длинных шеях и со всадниками. Относятся они ко второй половине X — началу XI в., следовательно, они синхронны кресалам с Одином (вторая половина X в.).

Известны ли еще изображения Одина с его воронами и, в частности, есть ли они в Скандинавских странах? Т. Арне допускал, что Один с воронами изображен на бронзовых пластинках, которыми окован по нижнему краю один из шлемов Вендельского могильника (погребение 1, около 700 г.)¹⁵. Пластинки квадратные, на каждой изображены всадник и два летящих ворона. Всадники как бы едут навстречу друг другу к наноснику шлема. Вороны при всадниках, без сомнения, не Один. Всадник молод, конь под ним обычный четвероногий, а не восьминогий, как у Одина. Кроме того, многократное повторение фигуры всадника, целый орнаментальный фриз из Одинов вряд ли соответствовал бы тому высокому положению, которое Один занимал в пантеоне северных богов. В фигурах всадников следует видеть просто воинов, отправившихся на какое-то трудное и опасное дело. Считалось хорошим предзнаменованием, если воинов в пути сопровождали вороны Одина. Так, в саге

¹³ Младшая Эдда. Л., 1970, с. 37. Вслед за приведенным текстом в «Младшей Эдде» помещена строфа 20 из «Речей Гримнира» в «Старшей Эдде», в которой коротко говорится о двух воронах, летающих над миром. — «Старшая Эдда». М.—Л., 1973, с. 37.

¹⁴ Голубева Л. А. Огнива..., с. 132 и рис. 1.

¹⁵ Stolpe H., Arne T. J. La nécropole de Vendel. Stockholm, 1927, p. 13, Pl. V, 2, Pl. VI, 1.

о Ньяле рассказывается, что Хагни, сын Гуннара, и Скарпхедин, сын Ньяля, поехали отомстить за смерть Гуннара: «Два ворона всю дорогу летели за ними»¹⁶. Примерно такая сцена и изображена на пластинках вендельского шлема.

Выше мы упоминали о маленьких подвесках, которые Л. А. Голубева по сюжету сближает с кресалами (рис. 2). К сожалению, в литературе вокруг этих подвесок много путаницы. Л. А. Голубева дает почти полный список находок, обычно привлекаемых к разговору о подвесках с человеком и двумя птицами. Они найдены «во Владимирских и Гнездовских курганах с трупосожжениями, в Салтове, а также в Швеции (Бирка, погребения 552, 762, 791, о-в Эланд) и Германии»¹⁷. Список составлен Л. А. Голубевой без ссылок на источники. Если его раскрыть и немного дополнить, то получим следующую картину:

- 1) Курган Седневской группы¹⁸;
- 2) Гнездовский клад или курган с сожжением¹⁹;
- 3) Васильки Владимирской губ. или Владимирский курган с сожжением²⁰;
- 4) Бирка, погребение 55220;
- 5) Бирка, погребение 76221;
- 6) Бирка, погребение 79122;
- 7) о-в Эланд²¹;
- 8) Скеггеста, приход Барва, Зёдерманланд²²;
- 9) Германия²³;

16 *Исландские саги. М., 1956, с. 57*

17 *Голубева Л. А. Огнива..., с. 129.*

18 *Самоковасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908, с. 202; Гуцын А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936, с. 33–34, 56, рис. 5 (ошибочно курганная группа названа Седловской); Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. — СА, 1961, № 2, с. 135 (повторена ошибка Т. Арне в написании имени халифа Алнассира; следует писать Ан-Нассир. Повторена ошибка А. С. Гуцына в названии Седневских курганов).*

19 *Arne T. J. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, p. 165; Гуцын А. С. Указ. соч., с. 33–34, табл. III, 13; Журжалина Н. П. Указ. соч., с. 135; Голубева Л. А. Огнива..., с. 129 (курган с сожжением — ошибка).*

20 *Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, вып. 15, СПб., 1905, с. 107, рис. 5; Arne T. J. Sveriges förbindelser med Östern under vikingatiden. Ett arkeologiskt bidrag. Fornvännen, 1911, S. 37, fig. 183; он же. La Suède..., p. 165, fig. 304; Lundström P. Op. cit., p. 195; Журжалина Н. П. Указ. соч., с. 135; Голубева Л. А. Огнива..., с. 129 (сожжение — ошибка).*

21 *Lundström P. Op. cit., p. 193, fig. 2; Голубева Л. А. Указ. соч., с. 129.*

22 *Arne T. J. Sveriges förbindelser..., S. 37, fig. 182; он же. La Suède..., p. 164, fig. 303; Lundström P. Op. cit., p. 195.*

23 *Jung E. Altgeweihte Stätten. — «Archäologische Beiträge zur deutschen Rechtsgeschichte und Glaubensgeschichte. Mannus», Bd. VI, Ergänzungsband. Leipzig, 1928, S. 337–338, Abb. 5, z. Пренцлау в ГДР; Lundström P. Op. cit., p. 195; Голубева Л. А. Огнива..., с. 129.*

10) Верхнее Салтово²⁴.

Таков круг памятников, которыми пользуются исследователи, интересующиеся подвесками с человеком и двумя птицами. Если учесть, что в Бирке в погребении 552 найдено 7 бляшек, а в Салтове — 5, то в нашем распоряжении могло бы оказаться 20 бляшек. Однако это далеко не так. Из 20 бляшек 14 не имеют никакого отношения к бляшкам с человеком и птицами. Они попали в список Л. А. Голубевой по недоразумению. Это поясные накладки и подвески с совершенно иными композициями, которые Т. Арне, Х. Арбман и П. Лундстрём привлекали в качестве вспомогательных материалов для того, чтобы доказать восточное происхождение или наличие восточных элементов у подвесок с птицами и человеком. На бляшках, привлеченных в качестве подсобных, и в позах, и в одежде персонажей есть, действительно, черты искусства Востока: на фигурках — одежда с длинными рукавами и шароварами, сидят они на поджатых ногах (Бирка, погребения 552, 791, о-в Эланд). Ничего «восточного» на подвесках с человеком и птицами нет. Восточная дымка наведена на них шведскими археологами. К сожалению, некоторые советские археологи как-то бездумно присоединились к мнению скандинавских исследователей, а кроме того, создали невероятную путаницу, соединив вместе совершенно разнородные вещи. Подвесок с человеком и птицами всего 6:

1. Из курганной группы близ Седнева бывшей Черниговской губ. Черниговского у., курган 1, сожжение;
2. Из Гнездовского клада 1868 г.;
3. Из с. Васильки бывшей Владимирской губ.;
4. Из могильника Бирка, погребение 762, детское, в гробу, в яме под курганом;
5. Из могильника Скеггеста, приход Барва, Зёдерманланд, Швеция, погребение;
6. Из г. Пренцлау в ГДР.

Таким образом, 3 подвески найдены в Восточной Европе и 3 — на Западе. Все они относятся к X в. и совершенно одинаковы по композиции. Как говорилось выше, Н. П. Журжалина видит на подвесках халифа Ан-Нассира, Л. А. Голубева — Александра Македонского. Особняком

24 *Arne T. J. La Suède..., p. 165; Lundström P. Op. cit., p. 195; Голубева Л. А. Огнива..., с. 129.*

стоит мнение Э. Юнга, который в изображении на подвеске из г. Пренцлау увидел Одина с воронами Хугином и Мунином²⁵. Л. А. Голубева считает, что на подвесках и кресалах изображена одна и та же сцена. Содержание ее она толкует по-своему. Э. Юнг увидел Одина на подвесках, а я — на кресалах. Видимо, связь между этими двумя группами вещей действительно существует. Следует, однако, оговориться: связь эта не идет дальше сюжета, композиции же совершенно различны, и возникли эти две группы памятников, видимо, в разных местах и независимо друг от друга. Так или иначе, но в дополнение к кресалам мы можем указать еще одну группу вещей, передающих миф об Одине и его воронах. К сожалению, мы пока не можем сказать, где сделаны подвески — в Восточной Европе или где-то западнее. Шведские археологи не считают их своими. Рамки из жемчужинок вокруг некоторых подвесок (Гнездово, Седнев) действительно, выглядят не «по-северному». Этого, однако, мало, чтобы считать подвески восточноевропейскими. Но одно уже сейчас ясно: изображений Одина вместе с его воронами очень мало.

И подвески, и кресала с Одином и воронами относятся к X в. Считается, что «Младшая Эдда», в которой миф об Одине и воронах изложен более подробно, чем в «Старшей Эдде», составлена Снорри Стурлусоном примерно в 1222–1225 гг., что он записал в ней мифы более древние, бытовавшие до записи в устной традиции. Но к какому времени восходит сложение мифов, установить пока не удалось. То же самое относится и к песням «Старшей Эдды». М. И. Стеблин-Каменский считает, что даже «сама возможность их датировки остается недоказанной»²⁶. Не имея

желания попасть в число пострадавших при определении исходных, древнейших дат устных песен и мифов «Эдды», я делаю более скромную попытку определения не исходной, а «промежуточной» даты одного из мифов «Видения Гюльви», записанных в «Младшей Эдде». Поскольку и кресала, и подвески в X в. воспроизводят миф об Одине и его воронах, следует признать, что в X в. этот миф уже существовал. Это, конечно, не очень много, поскольку не определяет времени рождения мифа в устной традиции, не датирует другие мифы «Видения Гюльви». Не новинкой является и сама дата для «Младшей Эдды». Интерес датировки части текста «Видения Гюльви» через кресала заключается в том, что эта дата опирается не на теоретические построения, а на реально существующие вещи и потому очень устойчива. ❖

Источник: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Под ред. Н. Л. Членовой. М.: «Наука», 1977. С. 156–162.

Первоначальную редакцию с некоторыми отличиями см. в: Средневековая Русь. М.: «Наука», 1976. С. 135–140.

OCR: *Speculatorius*

²⁵ Jung E. Op. cit., S. 338.

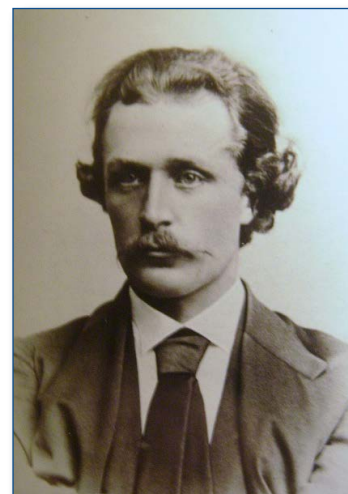
²⁶ Старшая Эдда. Редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблина-Каменского. М.—Л., 1963, с. 206–207.

Яльмар Стольпе — энтомолог, вместо насекомых открывший могилы викингов

Анастасия ТИШУНИНА

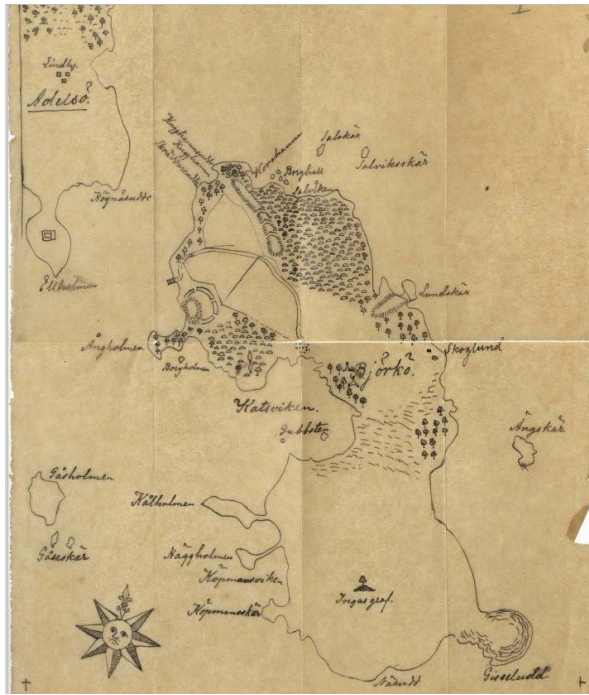
23 апреля 1841 года в шведском городе Евле (Gävle) родился археолог Яльмар Стольпе (полное имя — Knut Hjalmar Stolpe). Именно ему мир обязан главными археологическими находками в Бирке на острове Бьёркё — одной из этих находок, например, является знаменитая могила женщины-воительницы, похороненной с полным комплексом элитного вооружения, известная как Bj 581. Однако археологией биография Яльмара Стольпе отнюдь не исчерпывается. В жизни этого замечательного человека нашлось также место и биологии, и этнографии, и созданию музея, и даже кругосветному путешествию.

Но сперва, как это часто бывает, интересы его лежали совсем в иной области. В 1860 году Яльмар Стольпе, младший из четырёх детей министра юстиции Карла Юхана Стольпе, поступил в Уппсальский университет на специальность «зоология и ботаника». Больше всего в то время молодого человека увлекало изучение насекомых. Собственно, именно в качестве энтомолога он и посетил Бирку впервые в октябре 1871 года. Его задачей в той поездке было изучение янтаря, поскольку в затвердевшей смоле, из которой состоит янтарь, часто сохраняются различные насекомые. Остров Бьёркё ещё в Эпоху викингов был известен поразительным количеством янтаря, и этот факт вызывал удивление учёных, поскольку в окрестностях озера Меларен его быть не должно. Стольпе хотел выяснить, мог ли янтарь появиться в этих местах естественным путём или

же его завезли туда люди. Но вскоре он обнаружил, что береговая линия острова может предложить исследователям гораздо больше интересных находок, чем янтарь. Всего за несколько дней молодой исследователь обнаружил так много древних артефактов, что отправил королю прошение о финансировании раскопок. Его собственные рассказы о том, как первые находки он совершил, просто тыкая в землю тростью, приобрели позже почти легендарный статус.

Довольно быстро археология стала основным направлением деятельности Стольпе. На материале, полученном в результате раскопок в течение первого года работ, в марте 1872 года Стольпе защитил диссертацию под названием «Биологические и археологические исследования на острове Бьёркё в озере Меларен» (как видно из названия, и о первоначальной цели своей поездки он не

Карта острова Бьёркё из дневников Стольпе, 1888 г.

забывал). Диссертация, впрочем, получилась очень небольшого объёма и получила среднюю оценку. В академических кругах было немало людей, относившихся к его деятельности скептически — многие считали, что Стольпе недостаточно подкован в археологии. Однако с помощью отца Стольпе сумел привлечь на свою сторону ряд высокопоставленных и влиятельных людей из мира науки и политики, и по решению правительства на него была возложена ответственность за дальнейшее археологическое исследование Бирки и острова

Бьёркё. Ему также предложили должность доцента археологии в Лундском университете, на которую он согласился, однако занять её так и не успел из-за напряжённого графика работ. В течение следующих восьми лет, 1872–1879 гг., а также в период 1888–1890 и 1895 гг., Стольпе каждый год проводил в Бирке непрерывно по несколько месяцев. В целом его работа по раскопкам растянулась более чем на двадцать лет. Во многом именно благодаря исследованиям Стольпе Бирка и остров Бьёркё приобрели такое важное значение для шведской археологии.

В основном исследователя интересовали захоронения. Всего в общей сложности Стольпе обнаружил и изучил 674 могилы в Хемландене — так называется участок площадью примерно в 20 гектаров, где сосредоточено большое количество захоронений. Яльмар Стольпе изучил почти половину — чуть более 42% — всех могил Хемландена. К примеру, в 1930-х годах известный учёный и автор фундаментальных трудов Хольгер Арбман исследовал лишь 3. За последние десятилетия только два археологических исследования затронули могилы в Хемландене: частично в 2000-м году, когда сотрудники Стокгольмского музея осматривали и восстанавливали повреждённую в ходе более ранних раскопок могилу, а также в 2013–14-х гг., когда Исторический музей проводил новые исследования двух могил, которые были ранее изучены Стольпе лишь поверхностно. Хемланден до сих пор остаётся крупнейшим на территории Швеции могильником Эпохи викингов.

Во многих частях Хемландена могилы расположены очень близко друг к другу. Археологические исследования показали, что могилы более позднего периода нередко (преднамеренно или неосознанно) размещались поверх старых захоронений.

*Зарисовка могильного кургана
авторства Я.Стольпе*

Стольпе также раскопал 196 могил возле Борга — вала, служившего частью защитной системы Бирки. Вал имеет длину около 350 метров, а в некоторых местах почти 3 метра в высоту.

Стольпе вёл подробные записи о своих открытиях среди могил — его записные книжки сегодня хранятся в Топографическом архиве в Стокгольме. Там же хранятся тщательно составленные им планы многих могил и подробные зарисовки (Стольпе был одарён художественно и, помимо археологических рисунков, писал ещё и портреты). За двадцать лет он собрал гигантский объём материала. В большинстве могил сохранилось много предметов быта и вооружения. Среди находок Стольпе были мечи, ювелирные украшения, посуда и фрагменты одежды.

Ещё одним открытием Стольпе стала традиция камерных могил в Бирке — такой тип захоронений встречается и в других местах Швеции, но совсем не в таком большом количестве и концентрации, как в Бирке. Предполагается, что на эту особую традицию оказали влияние культурные веяния из Западной Европы, о чём также свидетельствуют находки в могилах. В этих захоронениях были найдены шкатулки и привезённые из других стран стеклянные сосуды и кубки. Помимо людей, там также были найдены останки лошадей. Многие люди, похороненные в этих могилах, так или иначе принадлежали к аристократии или элите общества, — в этом сходятся на сегодняшний день все исследователи. Яльмар Стольпе исследовал 111 таких камерных могил. Из его записей известно, что эти захоронения в основном сосредоточены в двух областях: к северу от Борга и в самых западных частях Хемландена.

В таких камерных могилах хоронили как мужчин, так и женщин, а в некоторых случаях — детей и совсем молодых людей. В некоторых могилах были найдены и мужчина, и женщина, поэтому они представляют собой так называемые двойные могилы, в то время как другие предназначались только для одного человека. В целом распределение между полами почти равномерное. Большинство исследованных могил датированы ранней Эпохой викингов, а именно IX веком.

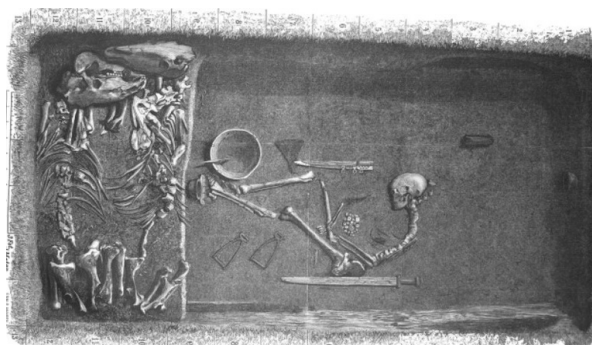

Рисунок могилы Vj 581

Исследователи, пристально изучавшие дневники и отчёты Стольпе, отмечают, что темпы работы, похоже, сильно росли с годами. Подсчёты количества исследованных могил, соотношённые с числом рабочих дней, показывают, что в отдельные сезоны раскапывалось в среднем чуть более двух могил в день. К этому следует добавить ещё и то, что сам Стольпе нередко отсутствовал и оставлял работу своим подчинённым.

Исследователи обращали внимание и на тот факт, что в рабочих инструкциях Яльмара Стольпе не упоминался динамит и какая-либо связанная с его использованием техника безопасности. О том, как его лучше использовать, чтобы не слишком сильно повреждать захоронения, исследователь, похоже, не задумывался. Известно, что уже на втором году работе в Бирке Стольпе реквизирует динамит, чтобы с его помощью избавляться от крупных валунов, а в 1879 году было реквизировано рекордное количество взрывчатки. В годовых отчётах Стольпе писал, что ему много раз приходилось взрывать валуны метрового размера, чтобы расчистить входы в могилы. Прежде всего, эта проблема, по-видимому, касалась именно камерных могил. Из записей Стольпе следует, что многие камерные гробницы

на момент открытия были заполнены большими камнями и блоками. Например, о знаменитой могиле Vj 581 Стольпе записал в 1878 году следующее: «Могила была, как обычно, заполнена большими камнями, из которых один, глыба около 2,5 м. в диаметре, лежал посреди могилы и заполнял большую её часть, его необходимо было взорвать». Тот факт, что Стольпе и его помощники много раз использовали динамит во время исследований могил, конечно, вызывает удивление у современного читателя, но он вполне вписывается в археологические традиции того времени. Современное толкование причины, по которой камерные гробницы были заполнены камнями, заключается в том, что, по всей видимости, камни и блоки первоначально образовывали надстройки гробниц, которые позже обваливались. Если это так, то, значит, могилы с самого начала вовсе не были невидимыми подземными сооружениями, а наоборот, были отмечены каменными насыпями или пирамидами из камней.

Однако не только Эпоха викингов интересовала Яльмара Стольпе. В течение всей жизни он сохранял живой интерес к изучению традиционных культур всего мира, а археологические изыскания всё больше превращались в средство добычи финансирования этого интереса. Параллельно с исследованиями в Бирке Стольпе в 1878–1879 годах начал свою карьеру в этнографии, и за эти годы он совершил несколько ознакомительных поездок в этнографические музеи Европы, где зарисовывал экспонаты, каталогизировал коллекции и покупал артефакты для собственной коллекции. Во время одной из таких поездок он надолго остался в Лейдене (недалеко от Дорестада в Голландии) — его заинтересовало сходство между материалами находок Дорестада и Бирки. По словам самого исследователя, больше всего его интересовали узоры и орнаменты аборигенных народов.

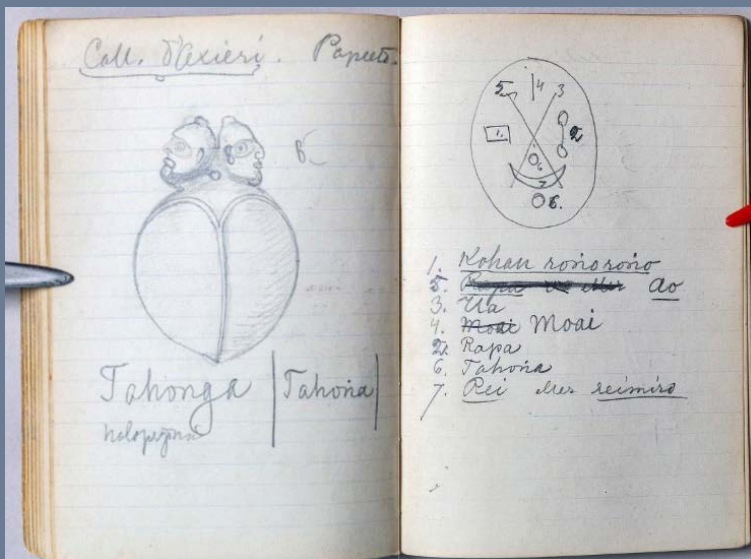
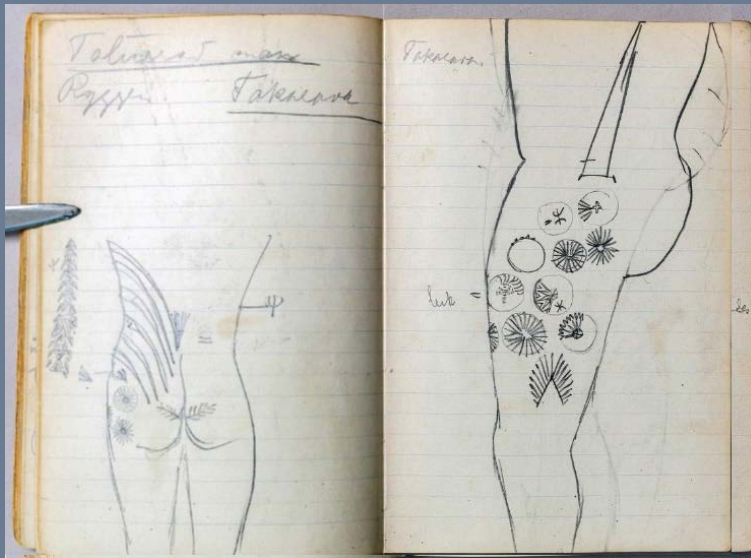
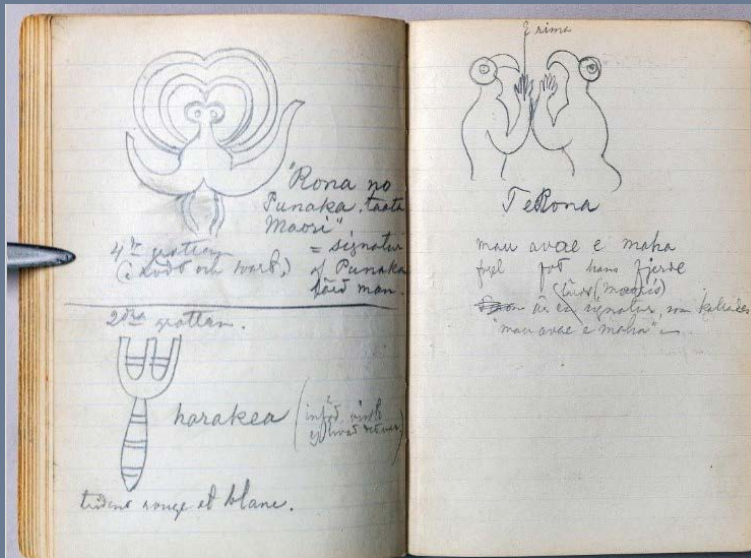
В 1877 году на заседании Шведского общества антропологии и географии была впервые озвучена идея создания отдельного этнографического музея в Стокгольме. В то время небольшие этнографические коллекции имелись в фондах разных музеев. С этого момента и вплоть до

конца XIX столетия Стольпе направлял всю свою энергию на реализацию идеи создания этого этнографического музея. В том же году Шведское общество антропологии и географии решило провести этнографическую выставку. Стольпе был назначен ответственным за организацию этого проекта, и уже год спустя, в 1878 г., во дворце Арвфурстен («Дворец наследного принца») в шведской столице для публики открылась Всеобщая этнографическая выставка. Основная цель выставки заключалась в обзоре имеющихся в стране этнографических материалов и создании их каталога. На выставке было представлено примерно 10 000 объектов, и все они были учтены в каталоге. Вторая же цель выставки заключалась в том, чтобы пробудить интерес к созданию специального этнографического музея в Швеции. Однако эта цель была полностью достигнута лишь намного позже (в 1930 г.), когда Этнографический музей получил собственное помещение в Стокгольме.

Корабль «Ванадис», картина Якоба Хегга, 1862 г.

В 1883–1885-х гг. Стольпе в качестве этнографа принял участие в кругосветном путешествии на корабле «Ванадис» (с радостью отметим эту отсылку к скандинавской мифологии!). Маршрут путешествия пролегал через Южную Америку, острова Тихого океана, Японию, Китай, Таиланд и Индию. В ходе экспедиции было приобретено множество (примерно 7500) костюмов и предметов быта, которые впоследствии составили основу коллекции Этнографического музея. По поручению Шведской академии наук Стольпе также проводил антропологические исследования местного

Зарисовки предметов быта и татуировок жителей Таити. Из дневников экспедиции «Ванадис»

Яльмар Стольпе (в центре) с участниками раскопок в Перу, 1884 г.

населения: например, фотографировал представителей разных народов и измерял их черепа. В Перу он провёл археологическое исследование индейского захоронения — несколько черепов, а также предметов быта и мумий были отправлены в Швецию.

Экспедиция на «Ванадис» и Всеобщая этнографическая выставка, организованная Стольпе, стали для него настоящим прорывом и принесли признание в международных академических кругах в качестве этнографа. В родной Швеции же Яльмар Стольпе и был, и остался наиболее известен как археолог-самоучка.

Главная мечта исследователя осуществилась уже в XX веке. В 1900 году в рамках Королевского музея был наконец создан этнографический отдел (который, собственно, и стал впоследствии Этнографическим музеем), а Яльмар Стольпе был назначен его директором. Однако счастье от исполнения мечты продлилось сравнительно недолго: исследователь умер в своём доме в Стокгольме в конце января 1905 года.

Жена исследователя Эмми Стольпе (урождённая Хольмгрен) очень хотела похоронить его как викинга — прямо среди других могил в Бирке. Однако осуществить эту идею ей не удалось, и вместо этого Яльмара Стольпе похоронили на обычном церковном кладбище Сольна в пригороде Стокгольма.

Источники:

1. *Arbman, H. 1941. Hjalmar Stolpe som fornforskare.*
2. *Erikson, B. G. 2015. Kungen av Birka. Hjalmar Stolpe — arkeolog och etnograf.*
3. *Gräslund, A-S. 1980. Birka IV. the Burial Customs. a study of the graves on Björkö.*
4. <https://historiska.se/>
5. *Оцифрованные дневники Яльмара Стольпе: Hjalmar Stolpes grävda böcker & anteckningar | Historiska Museet*

Фото Хемландена: Jonathan Olsson

Первый день лета по древнескандинавскому календарю

Василий БАРИНЦЕВ

ДОРОГИЕ друзья, не удивляйтесь, если 14 апреля (27 апреля по новому стилю) я поздравляю вас с Днём Рождения. Дело в том, что, согласно скандинавской традиции, возраст всего живого отмеряется по количеству прожитых зим, соответственно, в каждый Первый день лета каждый прибавляет к своему возрасту одну прожитую зиму (то есть один год), поэтому «мне столько-то лет» будет буквально «ek em ... vetra» — «я есть (стольких-то) зим [возрастом]». Таким образом, ваш возраст по скандинавской традиции равен количеству прожитых вами зим, а точнее — количеству прожитых вами Первых дней лета, а реальная (фактическая) дата рождения при этом не учитывается. Более того, существует даже скандинавская традиция дарить друг другу подарки в Первый день лета. Обратите внимание, что в календаре Первый день лета (условный аналог коллективного Дня Рождения) находится строго напротив Первого дня зимы (условного аналога Нового года). Эти праздники делят год на два полугодия — зимнее и летнее, причём в древности полугодие считалось более значимой единицей времени, чем год. По этой причине существует альтернативная гипотеза, согласно которой Первый день лета представляется как своего рода аналог Нового года. Вероятнее всего, что первоначально Новым годом всё же был Первый день зимы, однако со временем Первый день лета набрал большую значимость и в итоге стал самым главным из праздников традиционного скандинавского календаря.

По старой скандинавской традиции Первый день лета может считаться началом года. Этот древний праздник известен из самых ранних скандинавских документов и, согласно древнему скандинавскому календарю, он приходится на четверг между 9 и 15 апреля по старому стилю. В этот день начинается лето — большое и радостное событие после долгой северной зимы.

Для тех, кто был в Скандинавии в конце апреля, когда погода, как правило, совсем не летняя, происходящее может показаться странным и даже фундаментально ошибочным толкованием понятия «лето». Тем не менее у этого безумия есть логичное объяснение: выбор даты объясняется древней традицией. Раньше у скандинавов был другой календарь, и эта дата взята из древнескандинавского календаря, которым

пользовались издревле. В нём было традиционно предусмотрено только два сезона — лето и зима. Лето по этому календарю начиналось в один из апрельских четвергов. Некоторые фестивали и праздники, в том числе и Первый день лета, по-прежнему вычисляются по древнескандинавскому календарю. Римский двенадцатимесячный календарь стал применяться мирянами не ранее конца XVIII века.

Длинные тёмные зимы казались слишком суровыми для населения этого северного региона, с нетерпением ожидавшего светлых летних дней. Первый день лета и поныне отмечается во второй или третий четверг апреля по старому стилю, знаменуя собой долгожданное пробуждение природы и начало календарного года. С началом лета в древности начинался и сам год, летоисчисление шло по прожитым

зимам. Не случайно люди измеряли возраст не в годах, а тем, сколько зим вы пережили, например: «Мальчику исполнилось семь зим».

Безусловно, современные скандинавы не переживают зимние месяцы таким же образом, однако радость, которая приходит с более длинными днями и лучами солнца, всё также является серьёзным психологическим фактором. Именно поэтому они упорно настаивают на праздновании Первого дня лета в апреле, даже если в это время будет идти снег!

Неудивительно, что обычаем было дарить летние подарки вместо нынешних новогодних. Такая традиция соблюдается по аналогии с современным Новым годом, ведь в древности именно Первый день лета означал начало очередного года.

Самые ранние упоминания обычая делать подарки на Первый день лета относятся к XVI веку. До XIX века летние подарки дарили чаще, чем йольские — эта скандинавская традиция гораздо старше йольской, и летние подарки считались важнее. Обычно это были подарки от родителей — детям, от мужа — жене и наоборот, или от хозяина — слуге. Несмотря на то, что с распространением праздников с подарками (дни рождения, Йоль и т. д.) этот обычай стал менее известен, скандинавы до сих пор неизменно обмениваются в этот день пожеланиями «счастливого лета» и благодарят за прошедшую зиму (*Gleðiligt sumar ok þökk fyrir vetrinn!*). В некоторых семьях до сих пор принято дарить «летние подарки». В наши дни родители обычно покупают своим детям небольшие подарочки. Обычно подарки имеют отношение к подвижным играм, например, мяч, скакалка или велосипед.

Так что же подразумевает этот праздник? Хотя в скандинавских сагах изредка упоминаются празднества в начале лета, нет прямых доказательств общественных собраний в этот день до XVIII века. В большинстве случаев Первый день лета отмечается особенно щедрым угощением для всех домочадцев. На северо-западе Исландии пекут к этому дню специальные летние лепёшки — большие лепёшки из ржаной муки, на которых собирается различная еда.

В то же время Первый день лета означал ещё и начало сезона сельскохозяйственных работ. Поэтому, хотя лето в Скандинавии в любом

случае начинается позже первой недели апреля, в старых сельскохозяйственных общинах в числе традиций, кроме прочего, обычно совершают обряд символического начала работ летнего периода, к примеру, разбрасывая на полях немного удобрений — для хорошего урожая. Это — единственная работа, которая делается в этот всеобщий праздник. Больше никакие сельскохозяйственные работы, кроме абсолютно неотложных, не выполняются. Домашним животным также дают почувствовать лето, на несколько часов выгоняя их из загонов и сараев поразмять копыта, если позволяет погода.

Возможно, скандинавы слишком суеверны, и существует множество народных примет и традиций, связанных с Первым днём лета. Например, если температура в ночь перед Первым днём лета ниже нуля, говорят, что лето будет таким же холодным, как зима. Тем не менее, согласно распространённому скандинавскому народному поверью, это считается хорошим предзнаменованием — «если в первый летний день лето и зима замёрзнут вместе» (*«Ef sumar ok vetr frjósi saman boði þat gott sumar»*), т. е. если был мороз в ночь перед Первым днём лета, поскольку летний урожай будет богатым, а животные будут здоровы. Поэтому скандинавы оставляют на ночь миску или тарелку с водой в укромном месте на улице, чтобы узнать, опускалась ли температура ниже точки замерзания, и надеются, что к утру вода замёрзнет. Услышать звуки барабана в Первый день лета — очень хороший знак, поскольку это означает, что до следующей зимы снежных бурь больше не будет. Однако, если вы заметите воробья рядом с вашим домом, погода станет снова холодной.

Перелётные птицы считаются в Скандинавии вестниками лета, например, кроншнеп и золотистая ржанка. Несмотря на то, что Первый день лета отмечается официально, многие местные жители говорят, что оно начинается с прилётом первой золотистой ржанки. На исландском языке эта птица называется «Лоа» (*Lóa*). Хотя золотистая ржанка может прилететь до выпадения последнего снега, лето единодушно считается наступившим, когда показывается кроншнеп или бекас.

Первый день лета является также первым днём месяца Харпа (*harpa*) согласно старому

скандинавскому календарю. В старом календаре было шесть месяцев с очень короткими днями (зима) и шесть месяцев без ночи (лето), поэтому, хотя климат в конце апреля во многих регионах Скандинавии не очень похож на летний (в четырнадцатилетнем случае в период с 1949 по 2015 год средняя температура в Рейкьявике была ниже нуля), Первый день лета знаменует удлинение дней и окончание суровой зимы. Происхождение названия Харпа неясно; возможно, оно имеет отношение к неприятной весенней погоде, но традиционно его истолковывают как имя молодой девушки. В то время как месяц Торри (Þorri) был мужчиной, а Гои (Góí) — женщиной, Харпа иногда называлась их дочерью. По другой версии Харпа считается женским именем одной из забытых богинь. И так как название месяца Харпа повсюду связывали с именем девушки, неудивительно, что Первый день лета стали связывать с девушками. Если предыдущие два месяца посвящались супругу и супруге соответственно, то встреча первого летнего месяца всецело принадлежит незамужним девушкам. В первый день месяца Харпа, также известный как День девушек (yngismeyjardagr), парни должны поздравлять девушек, быть особенно вежливыми и внимательными к ним и, пользуясь возможностью, намекать на свою привязанность той девушке, которая им нравится больше всех. Девушки отвечают тем же в День парней (yngismannadagr), первый день месяца Einmánaðr. День Святого Валентина (14 февраля) был неизвестен скандинавским влюблённым, но День девушек и День парней выполняли почти те же функции.

В некоторых деревнях Скандинавии сложились особые традиции, связанные с незамужними девушками. Например, в некоторых местностях каждый день месяца посвящается одной из незамужних девушек (по установленному порядку, зависевшему от места проживания). Погода в этот день служила поводом для «шпилек» в адрес темперамента девушки. Другая забава состоит в том, что девушки вытягивают имена неженатых парней, которые должны прийти в первый день следующего месяца — Одинокого Месяца.

Народ не забывал и о незамужних и, увы, немолодых: старший холостяк деревни «получал» первую незамужнюю девушку, пришедшую

в гости. На следующий день то же самое касалось второго по старшинству и так далее.

С Первым днём лета связан весёлый обычай предсказывать судьбу по летней луне (т. е. полнолуние после весеннего Йоля). Посмотрев на первое полнолуние лета, нужно помолчать и ждать, пока к тебе обратятся. То, что будет услышано, предскажет хорошее или плохое. Широко известна история про молодую девушку, которая недавно была помолвлена. Она увидела летнюю луну, а когда села на ветхий стул, кто-то сказал ей: «Осторожно, он ненадёжен». Тем же летом возлюбленный её бросил.

Хотя Первый день лета, конечно, не религиозный праздник, люди в Скандинавии праздновали этот день, служили мессу и читали Библию вплоть до середины XVIII века, пока церковь не обнаружила эту практику. В 1744 году это было запрещено королевским указом, поскольку Первый день лета не является официальным церковным праздником.

Стоит отметить в заключение, что Первый день лета — это ещё и детский праздник. Веками в этот день дети из соседних хуторов и поселений часто собирались вместе, чтобы поиграть, и при этом им, как правило, разрешалось гулять на соседних фермах и играть со своими сверстниками, а не работать. С начала XX века этот день, прежде всего, посвящён детям: в начале XX века в Первый день лета начали устраивать организованные праздники для детей, и в 1921 году в Рейкьявике был проведён первый официальный День детей. Сегодня в честь Первого дня лета в Исландии устраиваются уже организованные мероприятия для детей — с различными соревнованиями, играми, конкурсами и др.

В соответствии с принятым Альтингом законом № 88 от 24 декабря 1971 года, Первый день лета в Исландии объявлен государственным праздником и является выходным днём. С тех пор Первый день лета является также «днём флага» (fánadagr) — официальным праздничным днём, когда на зданиях государственных учреждений поднимается государственный флаг. В современной Исландии в этот день в разных местах по всей стране проходят красочные фестивали, парады, ярмарки, спортивные соревнования, семейные игры и другие праздничные события и организованные развлекательные

мероприятия. Этот ежегодный государственный праздник сопровождается различными гуляниями и развлечениями на открытом воздухе почти во всех населённых пунктах. Скаутское движение отмечает этот день скаутскими собраниями и парадами. В городах и деревнях под руководством ассоциации скаутов проходят парады с оркестрами и флагами. Кроме того, общины и небольшие поселения делают различные семейные торжества, как правило, с упором на интерес для детей. Семьи обычно готовят барбекю, едят мороженое и другие летние лакомства. Хватайте скандинавский хот-дог и мороженое на десерт, и вы уловите самую суть праздника!

Как мы уже установили, скандинавы начинают своё лето с определённой даты, не обязательно совпадающей с теплом или солнцем. Единственное, в чём можно быть уверенным, это то, что продолжительность светового дня в конце

апреля будет намного больше, чем в предыдущие месяцы. Природа оживает: трава становится ярко-зелёной, а водопады более мощными. Скандинавия летом — не тропический рай, но по-своему великолепна. Совет: всегда будьте готовы к дождю и ветру и надевайте соответствующую погоде одежду.

В русской традиции Первый день лета не имеет соответствий, так как он отмечается в соответствии с переходящей (подвижной) датой традиционного скандинавского календаря.

Интересные факты об исландском лете

- *Летом исландские лошади сбрасывают свою зимнюю шерсть и в летние месяцы выглядят совсем иначе, чем зимой.*
- *Полуночное солнце — это знаменитое природное явление, которое наблюдается в июне и июле в Исландии. Одним из пунктов вашего списка желаний должно значиться — «Увидеть полуночное солнце»!*

Юлия
АНТОНОВА-АНДЕРССОН

Руническое королевство

Канал автора: <https://t.me/sweden4u>

Девять остановок. Девять памятных мест, свидетельствующих о проводившихся тингах, строительстве переправ, паломничествах в Иерусалим и границах владений. Места славы, гордости, величия и власти. Всё это — руническое королевство.

Тихая гладь озера Валлентуна изредка вздрагивает от дуновения лёгкого ветерка... За спиной, в каких-то двадцати метрах, стоит величественный рунический камень, за которым открываются остатки древнего тинга. В этом месте волей неволей погружаешься в мысли о далёком прошлом, о тех временах, когда отважные викинги постепенно превращались в смиренных христиан. Мы в самом сердце шведской истории. Мы — в Руническом королевстве.

Эти края уникальны. Нигде в мире нет такого скопления рунических надписей, как здесь, вокруг озера Валлентуна (Vallentuna) недалеко от Стокгольма.

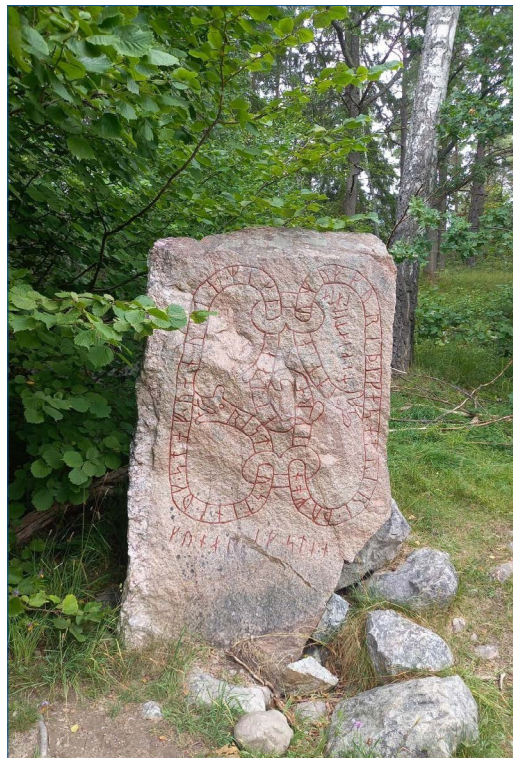
С присущей им лаконичностью они повествуют о людях, чьи жизни трагически обрывались в чужих странах, и чьи судьбы вполне достойны оказаться на страницах романа...

Руническое королевство — это дорога длиной почти 35 километров, вдоль которой расположено девять остановок и около трёх десятков рунических надписей, к каждой из которых дано подробное пояснение. Чисто теоретически путь можно проделать на машине, автобусе и велосипеде. На практике самое удобное — автомобиль. Автобусы придётся несколько раз сменить (подгадывая при этом расписание), а отдельной велодорожки вдоль всего маршрута нет: частично придётся ехать по довольно загруженной автотрассе.

Ворота Рунического царства официально распахнулись в сентябре 2006 года: к тому моменту у первой остановки, «моста Ярлабанке», установили информационные щиты и соорудили стилизованную под эпоху викингов детскую площадку.

На первый взгляд может показаться, что Руническое королевство — это просто огромное количество древних камней, стоящих где-то у дороги, в поле или вмурованных в стены средневековых церквей. Мол, подобный туристический маршрут можно было организовать где угодно — благо, подобных памятников старины в Швеции предостаточно.

Однако с каждой остановкой понимаешь всё отчётливее: здесь идёт речь о настоящем путешествии во времени. Постепенно перед глазами всплывают остатки переправ и дорог, по которым люди ходили тысячи лет назад, реконструированный тинг, а обрывочные тексты складываются в удивительные описания переплетений судеб богатейших людей, некогда обитавших в этих краях. Яркий пример тому — история Эстрид Сигфастсдоттер...

Часть первая. История одного захоронения

«Эстрид велела установить камни в память об Эстене, своём муже, который отправился в Иерусалим и скончался в Греции¹».

Казалось бы, самая обыкновенная фраза на рунических камнях, упоминающая усопшего и заказчика памятного монумента. Но эта надпись особенная: Эстрид — не просто влиятельная женщина эпохи викингов. Она — основательница великого рода, достигшего наибольшего могущества при жизни её внука Ярлабанке. Она — одна из первых крещёных женщин в Швеции, чьё тело благодаря современным технологиям удалось идентифицировать. Она — та, о жизни которой известно больше, чем о жизни некоторых выдающихся викингов.

О существовании многочисленных рунических камней в местечке Брубю-бру (Broby bro) в муниципалитете Тэбю (Täby) недалеко от Стокгольма знали давно, но сама Эстрид долгое время оставалась «одной из жён/дочерей/сестёр тех, кто совершал подвиги» либо славился своим богатством.

¹ Под Грецией подразумевается Византия.

Всё изменилось во время дорожных работ в 1995 году, когда наблюдавшие за ними археологи обнаружили несколько захоронений XI века — периода, когда эпоха викингов подходила к концу.

Один из скелетов особенно заинтересовал экспертов: перед ними оказалась погребённая пожилая женщина со сломанной, но сросшейся рукой, порядком скрюченная, со следами воспаления дёсен.

Местность рядом с захоронением Эстрид

Но удивило исследователей не это: в загробный мир с ней отправились дары, среди которых были гирьки для весов. До этого гирьки — да и весы — находили исключительно в захоронениях мужчин, поскольку именно те занимались торговлей. Подобные атрибуты историки издревле считали символом власти.

Гирьки гирьками, но вскоре возникла ещё одна загадка: из найденных в окрестности захоронений женским было лишь одно. Неподалёку лежали скелеты мужчины и ребёнка. Ну а рядом с гробницей стояли рунические камни, возведённые некой Эстрид и её родственниками.

Вывод напрашивался сам собой: вероятно, в земле покоилась именно она — женщина, не раз упомянутая по всей округе и потому считающаяся одной из наиболее влиятельных персон своего времени. Женщина, одна из первых в этих краях принявшая христианство. Женщина, чей род обладал огромным влиянием. Женщина, пережившая двух супругов и родившая, вероятно, более десяти детей. Женщина, которая возвела больше рунических камней, чем какая-либо иная представительница прекрасного пола тех времён. Женщина, получившая не вымышленное, а реальное имя. Эстрид Сигфастсдоттер.

Близкие Эстрид оставили такое количество рунических камней, что по ним стало возможно воссоздать не просто генеалогическое древо целого рода, но и в какой-то степени проследить его историю. На многих присутствуют кресты или упоминается Господь — а значит, возводили их люди верующие. Ну, или, по крайней мере, поддерживавшие новую религию.

В общей сложности Эстрид упоминается в шести рунических надписях, но вкупе с археологическими находками и сведениями о родственниках, почерпнутыми из текстов на других камнях, историкам удалось реконструировать её жизнь, хотя, конечно, утверждать, что все детали полностью соответствуют действительности, невозможно.

Эстрид родилась на хуторе Сноттста, что располагался в Маркиме (Markim) в нынешнем муниципалитете Валлентуна (Vallentuna). Семья была многодетной, что доказывает один из рунических камней в тех краях: *«Инга возвела эти камни в честь Рагнфаста, своего мужа. Он был братом Гюрид и Эстрид»*, — вероятнее всего, «нашей» Эстрид.

В те годы Швеция ещё не была полностью христианизирована. В противовес Бирке и Старой Упсале — чисто языческим поселениям — возник город Сигтуна, где с 995 года правил Олоф Шётконунг. Это был центр нового королевства с единым богом и единым монархом.

Женат Олоф Шётконунг был на Эстрид Ободритской — историки не исключают, что в её честь была названа и наша Эстрид, появившаяся на свет около 1020 года. Быть может, в этом выразилось желание её отца Сигфаста выслужиться перед королём, тем более что Сигфаст был одним из ближайших советников правителя. Вполне возможно, он также был крещён, поскольку поддерживавшие короля лица, вероятнее всего, должны были положительно относиться к новой религии.

В подростковом возрасте Эстрид вышла замуж за Эстена, и пара поселилась на хуторе Соста в нынешнем Брубю-бру. У Эстрид и Эстена родилось несколько детей, и первым, судя по всему, стал сын Гаг, умерший в возрасте пяти-десяти лет и захороненный по христианскому обычаю. В его честь семья воздвигла камень — первый из известных, на котором фигурирует имя Эстрид. *«Эстен и Эстрид водрузили камни в честь Гага, своего сына»*.

Спустя десять лет Эстен отправился в паломничество в Иерусалим — быть может, молиться за душу усопшего ребёнка. Поехала ли с ним Эстрид — неизвестно. Из той поездки Эстену не было суждено вернуться: он умер где-то «в Греции», как гласит надпись на втором заказанном Эстрид камне. Его она поставила на небольшом кургане, насыпанном в память об усопшем.

Теперь Эстрид вдова. Ей приблизительно тридцать лет, и у неё на руках несколько детей — как минимум три сына²: Ингефаст, Эстен и Свен.

Поднимать их в одиночку, будучи даже зажиточной женщиной, было сложно, и очень скоро Эстрид повторно выходит замуж — на сей раз за вдовца Ингвара. Она переезжает на его хутор Харг (Harg), что расположен почти в десяти километрах от Состы; старое подворье же остаётся на попечение одного из её сыновей, Ингефаста.

Постепенно у Эстрид с Ингваром появляется потомство: три сына — Сигвид, Ингвар и Ярлабанке.

В возрасте пятидесяти лет Эстрид вновь становится вдовой и заказывает надпись на камне в честь усопшего супруга, а заодно и его сына, который к тому моменту также уходит в мир иной: *«Эстрид возвела эту переправу в память об Ингваре, своём супруге, и Рагнвальде, его сыне»*. Рагнвальду Эстрид, вероятно, была приёмной матерью.

После смерти мужа Эстрид возвращается на свой прежний хутор Состу, где живёт со старшим сыном Ингефастом и его семьёй. Вскоре, однако, Ингефаст и его брат-полукровка Ингвар умирают:

«Хеминг и Ярлабанке они велели расчистить дорогу и сделать переправу в память о своём отце, а Эстрид в память о своих сыновьях Ингефасте и Ингвальде. Да хранит Господь их души».

«Йорун велела сделать переправы в честь своего супруга, а Хеминг и Ярлабанке в честь Ингефаста, Эстрид в честь Ингвара, очень хорошего молодого человека».

2 Предпожительно у Эстрид были ещё и дочери, но из-за традиции не упоминать на рунических камнях девочек о них ничего не известно.

После смерти Ингефаста заправлять в Состе начинают внуки Эстрид, с которыми она остаётся до конца своих дней — а скончалась она в возрасте 60–75 лет.

Поскольку Эстрид жила в эпоху смены религий, обряд захоронения сочетал старые и новые традиции: её тело не сожгли, как это полагалось у викингов, а положили в полый ствол — по сути, деревянный гроб — лицом на восток. При этом по какой-то причине усопшей оставили дары, что не характерно для христианства: нож и ларец с тремя гирьками, серебряным колечком для мешочков и двумя серебряными монетами. Одна из них, отчеканенная между 1025 г. и 1040 г., из швейцарского Базеля — города, расположенного недалеко от монастыря Райхенау.

Этот бенедиктинский монастырь являлся известным местом ночлега пилигримов на пути в Иерусалим, и Эстрид оказалась одним из его постояльцев. Эту интереснейшую деталь узнали только в 2005 году, когда в монастырских архивах обнаружили её имя.

Конечно, существует вероятность, что речь идёт о её тёзке, но есть тут одно примечательное совпадение: рядом с её именем значатся имена «Эстен» и «Свен» — а ведь именно так звали её сыновей! Историки тут же сделали вывод: когда-то Эстрид совершила паломничество. Делала ли она это с детьми, или же речь шла о путешествии её первого мужа, в которое супруги в таком случае взяли одного из сыновей, Свена, наверное, навсегда останется неразгаданной тайной... ♦♦♦

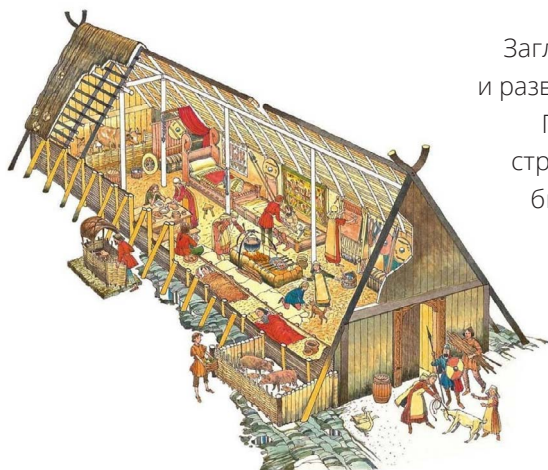
Филип ЛЮФОЛЬК
Перевод со шведского:
Анастасия ТИШУНИНА

Как длинные дома формировали жизнь древних скандинавов

Перевод первоначально опубликован
в сообществе «Библиотека викинга»
https://m.vk.com/biblioteka_vikinga

Введение

Длинный дом был не только убежищем для викингов, но и центром их сообщества — местом, где все аспекты повседневной жизни пересекались под общей крышей. Это был мир древних скандинавов, строивших эти интересные здания. В данной статье мы рассмотрим дома викингов как многофункциональные пространства, определявшие саму суть древнескандинавского общества.

Загляните в длинный дом викингов: как жили, работали и развивались древнескандинавские семьи.

Представьте себе, что вы живете в длинном узком строении, сооружённом и спроектированном так, чтобы выдерживать суровые скандинавские зимы, где центральный очаг и открытый огонь обеспечивают теплом и светом всю семью. Такова была реальность семей викингов, которые жили в длинных домах — в сердце их социума. Эти уникальные архитектурные сооружения не только служили жилыми и рабочими помещениями, но также в значительной степени отражали культуру и верования викингов.

Длинные дома викингов обычно имели прямоугольную форму с изогнутыми стенами. Их внешний вид напоминает нам борта длинного корабля. Открытая планировка позволяла создавать многофункциональные помещения. Большой центральный очаг использовался для приготовления пищи и обогрева, а приподнятые платформы вдоль стен служили спальными местами и кладовыми для жильцов. В зимние месяцы для скота и корма даже выделялось место под этими скамьями, а, возможно, также наверху на чердаках. Управление дымом было важнейшим аспектом проектирования длинного дома: надлежащая вентиляция обеспечивалась путём верного размещения костров и дымовых отверстий. Интересно, что в длинных домах викингов не было дымоходов, какие мы видим в современных домах. Вместо этого они делали отверстия в каждом конце дома прямо под коньком крыши. Эти отверстия позволяли дыму выходить с помощью естественной тяги. В древнескандинавском языке их название звучало как «vindauga», что буквально переводится как «глаз ветра», и в конечном итоге превратилось в английское слово «окно» (window). Помимо дверей эти «окна» были единственными проемами в стенах длинного дома.

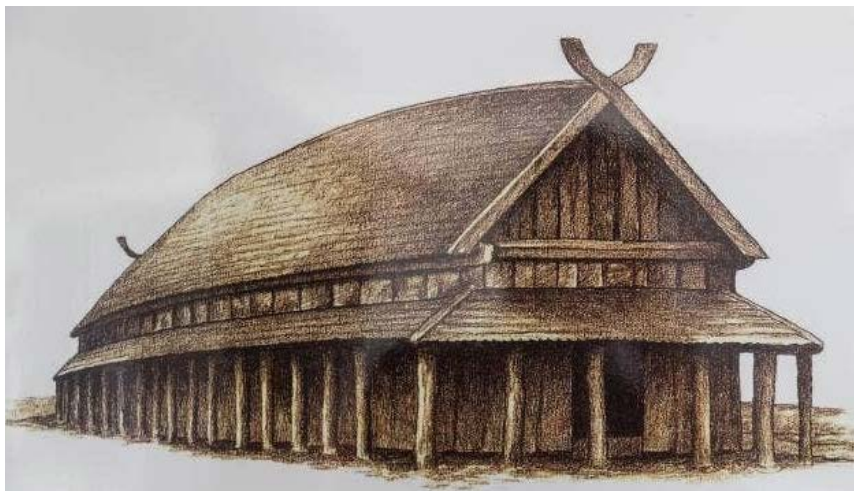
Интерьеры длинных домов викингов часто были скудными, с минималистичной и простой мебелью, такой как ящики для хранения вещей или сундуки, складные столы и простые постельные принадлежности. Более зажиточные семьи могли иметь гобелены, ковры и постельное белье более высокого качества, чтобы продемонстрировать свой статус. Естественный свет проникал через дымовые отверстия и щели между стенами и крышей, а дополнительное освещение обеспечивали костры и масляные лампы.

Жизнь в длинном доме викингов означала проживание больших семей в тесноте. Сельскохозяйственные работы требовали раннего подъёма по утрам, окружающая среда была шумной, возможность уединиться была весьма ограничена. Несмотря на эти неудобства, сообщества викингов процветали. Большинство древних скандинавов проживало в небольших деревнях, состоявших из 6–7 хуторов. На каждом хуторе занимались сельским хозяйством и разводили скот.

Размышляя об архитектуре длинных домов и образе жизни в них во времена эпохи викингов, интересно задуматься о том, как эти уникальные сооружения формировали жизнь тех, кто в них жил. Как бы изменилась наша современная жизнь, если бы мы сейчас переняли некоторые аспекты тогдашнего образа жизни?

Взглянем поближе на материалы и методы, используемые скандинавскими строителями.

Что общего между древесиной, дерном и соломой? Они были основным материалом, используемым при строительстве длинных домов эпохи викингов. Эти сооружения были не только вместительными и достаточными для жизни нескольких семей, но и демонстрировали изобретательность древнескандинавских строителей.

Длинные дома викингов различались по размеру: от 15 до 75 метров в длину, в зависимости от статуса и достатка владельца. У более богатых семей были более сложные длинные дома, иногда с дополнительными комнатами или хозяйственными пристройками. Основными строительными материалами были дерево для столбов, дерево, солома или дерн для крыш, а стены сооружались из глины или досок.

В районах с дефицитом древесины, таких как Исландия, были более распространены дома из дерна. Крыши также могли быть покрыты настилами, а стены облицованы глиной для утепления. Вероятно, для прокладки между досками в стенах использовался мох, чтобы обеспечить дополнительную сохранность тепла.

Крышу поддерживали внутренние столбы. Из-за суровых погодных условий эти конструкции требовали постоянного ремонта и подновления, чтобы обеспечить их долговечность.

И дом, и мастерская, и место для собраний

Шумный эпицентр общественной жизни, где семьи жили, работали и собирались, чтобы отпраздновать важные события, — в этом заключалась суть длинного дома эпохи викингов, который служил центром хуторов и играл жизненно важную роль в быту северян.

По своей сути длинный дом представлял собой семейное жилище, дающее своим обитателям кров и тепло. Однако он был гораздо большим, чем просто дом: здесь были и мастерская, и складское помещение, и зал для собраний. В длинных домах пировали, справляли праздники, творили религиозные обряды, что символизировало крепость и единство всего рода.

Несмотря на стереотип о викингах как о свирепых воинах, большинство древних скандинавов жили простой крестьянской жизнью, занимаясь земледелием. Длинные дома играли важную роль в этом образе жизни, поскольку они были центром хуторов. Животные часто содержались в стойлах прямо под крышей дома, если не было отдельных пристроек для них, что еще раз подчеркивает многофункциональный характер длинных домов.

Помимо своей роли жилых и рабочих помещений, длинные дома также были важными местами для приема гостей и отмечаемых обрядов жизненного цикла: например, свадеб и похорон. Из саг и эддических песен нам известны правила и советы по встрече гостей, правила поведения в гостях, что указывает на важную роль гостеприимства в культуре викингов.

Когда мы размышляем о разнообразных ролях, которые длинные дома играли в эпоху викингов, то задаёмся вопросом, как эти здания влияли на моральные принципы тех, кто в них проживал. Быт в длинных домах, несомненно, воспитывал чувство общности, и уроки, которые мы можем извлечь из истории, ценны — они могут улучшить наш современный быт, создать более сплочённую и гармоничную среду.

Взгляд на социальную жизнь элиты скандинавского общества

Освещенный зал, в котором слышны смех и звон кубков, где блестят золотые украшения, отражая блики огня, — таков был пиршественный зал, также известный как медовый зал — священное пространство для аристократии викингов.

Пиршественные залы представляли собой большие пространства без стен, предназначенные для приема гостей и служившие центром общественной жизни общества. Они были резиденцией конунгов и ярлов, а также местом, где правители могли официально принимать посетителей и наблюдать за своими подданными. Такие залы занимали центральное место в обществе викингов, в них воплощались идеалы братства, верности и гостеприимства.

Основными функциями пиршественного зала были политическая и религиозная: правитель отвечал за организацию пиров и раздачу наград подданным ради поддержания и укрепления власти. Пиршества и принесение клятв верности были важными социальными ритуалами, а пиво было самым распространенным алкогольным напитком в эпоху викингов, мёд же в основном предназначался для элиты или использовался в жертвоприношениях.

Залы были богато украшены яркими цветами, резьбой и гобеленами, изображающими сюжеты из мифов и культурного наследия. Золотые украшения, которые носили ярлы и гости, блестели в свете костра, внося роскошь в атмосферу праздников. Общество викингов было динамичным, порой даже опасным, ведь между теми, кто находился наверху, и теми, кто пытался продвинуться вверх по социальной лестнице, существовало постоянное напряжение.

Старое название таких пиршественных залов, возможно, звучало как «salg», а родственные ему слова на разных языках означали «зал» или «большая комната». Скандинавская мифология также содержит многочисленные примеры залов, куда могут прибыть мёртвые, например, знаменитая Вальгалла.

Использование пиршественных залов устарело с приходом христианства, и после смены религии не было построено ни одного подобного зала.

Заключение

Как мы обнаружили, длинные дома викингов — это больше, чем просто жилища; они играли центральную роль в жизни и системе ценностей древних скандинавов. Эти постройки обеспечивали убежище, тепло и были средоточием общественной жизни, создавая чувство принадлежности и единства. Хотя наши современные жилые помещения значительно изменились со времен эпохи викингов, мы все еще можем многому научиться у древних строителей. Приняв идею многофункциональных пространств и создав среду, способствующую установлению социальных связей и единства, мы можем улучшить наши собственные дома, черпая вдохновение в замечательных длинных домах викингов, которые когда-то стояли в центре древнескандинавской жизни.

Херманн ПАУЛЬССОН
Перевод с английского :
И.В. СВЕРДЛОВ

Оди́нческое в «Саге о Гисли»

Hermann Pálsson, 26.05.1921–11.08.2002,
исландский учёный и переводчик, много лет
преподававший в Эдинбургском
университете

ОДНА из центральных тем «Саги о Гисли» — разлад между главным героем и его братом Торкелем, что согласуется с оди́нческим духом, пронизывающим сагу в целом. «Один — плохой друг», *illr er Óðinn at einkavin*, — прямо сказано в «Саге об Одде-Стреле». Задача настоящей статьи — вскрыть и иные моменты в «Саге о Гисли», которые могут быть связаны с культом Одина.

«Сага о Гисли»¹ повествует об исторических событиях, произошедших на западе Исландии в середине X в. Считается, что она была написана на три века спустя. Сага дошла до нас в двух версиях — более пространной и местами испорченной (известна по спискам NY. KGL. SMI. 1181 fol. и AM 149 fol.; в дальнейшем — П) и краткой, сохранившейся полностью (AM 556a, 4°; далее — К). В каком отношении стоят дошедшие до нас версии и их утраченный протограф, вопрос остается открытым, хотя и высказывалось аргументированное суждение, согласно которому П ближе к оригиналу, чем К². На данный момент достаточ-

но отметить, что П содержит некоторые оди́нческие детали, отсутствующие в К. В основном мои выводы строятся на материале версии К.

Неизвестный нам автор саги опирался не только на устную традицию, но и на письменные свидетельства, восходящие к началу XII в. К таковым могла относиться составленная Ари Мудрым Торгильссоном (1068–1148 гг.) краткая биография Снорри Годи Торгримссона (963–1031 гг.). Снорри Годи — один из ключевых персонажей «Саги о Людях с Песчаного Берега», он также участвует, хотя и на вторых ролях, в событиях, описанных в «Саге о Людях из Лаксдаля»³ и других. Вскользь о нем упоминает и «Сага о Гисли». Ее кульминация — смерть отца Снорри Годи Торгрима от рук Гисли сына Кислого, заглавного героя саги, шурина Торгрима и дяди Снорри по матери. Сам Снорри родился после гибели отца.

Известно, что, помимо рассказа о Снорри Годи, Ари Торгильссон записал и ряд хронологических подробностей, касающихся предков Снорри. Основным информантом Ари здесь была дочь Снорри Турид. Насколько мы можем об этом судить, Ари узнал от нее следующие даты (они сохранились в «Исландских Анналах»):

1 Следует упомянуть следующие издания саги: *Tvær sögur af Gísla Súrssyni* / Ed. Konráð Gíslason. København, 1849; *Gísla saga Súrssonar* / Ed. Finnur Jónsson. København, 1929; <...> Русский перевод см.: *Исландские саги. Ирландский эпос*. М.: 1973. С. 23–80.

2 *Guðni Kolbeinsson og Jónas Kristjánsson. Gerðir Gíslasögu (Gripla III (1979)).* P. 128–162.

3 Русский перевод см.: *Исландские саги*. М.: 1956.

- Торольв Бородатый с Мостра (прадед Снорри) — умер в 918 г.
- Торстейн (дед Снорри со стороны отца) — умер в 938 г.
- Торгрим (отец Снорри) — родился в 938 г., умер в 963 г.
- Торбьёрн (дед Снорри со стороны матери) — прибыл в Исландию в 952 г.
- Снорри Годи — родился в 963 г., умер в 1031 г.
- Турид (дочь Снорри) — родилась в 1025 г., умерла в 1112 г.⁴

В «Саге о Гисли» повествуется о трагедии, разыгравшейся в семье иммигрантов из Норвегии, прибывших в Исландию около 952 г., т. е. примерно через двадцать лет после окончания заселения острова. Несмотря на то, что в ее основу легли реальные исторические события, в ней есть и известная доля авторского вымысла — как это и следует ожидать, когда имеешь дело со столь искусно выстроенным рассказом. Как часто указывалось, композиция саги роднит ее с героическими песнями «Старшей Эдды». Не менее, однако, примечателен интерес саги к древним обычаям. «Сага о Гисли» — окно в мир языческих обрядов, иные из которых прямо связаны с культом Одина. По моему мнению, прежние исследования необоснованно занижали масштабы распространения этого культа в Исландии⁵. Легендарный герой Бёдвар Бьярки в ходе своей последней битвы бросает интригующее замечание: хотя он и его соратники теснят противника, Одина что-то не видно, — он, впрочем, подозревает, что бог войны скрылся где-то в рядах врагов («Сага о Хрольве Жердинке», гл. 51).

Если в сагах о древних временах Один часто является людям — каждый раз под новой личиной и новыми именами, — то в сагах об исландцах он действительно упоминается редко. Однако внимательный читатель во многих случаях может ощутить его незримое присутствие. В сагах, где главные события разворачиваются в Исландии или где главные герои оттуда родом, недостаточно искать одиноческое на поверхностном уровне; чаще всего эти мотивы залегают глубже.

4 См. Barði Guðmundsson. *Tímatál annála um viðburði sögualdar* // Barði Guðmundsson. *Uppruni Íslendinga*. Reykjavík, 1959. P. 29–39. Первоначально опубликовано: *Andvari*. 1936.

5 См. Turville-Petre G. *Um Óðinsdýrkun á Íslandi*. // *Studia Islandica*, XVII. Reykjavík. 1958; *idem*. *Myth and Religion of the North*. L.: 1964. P. 65 sq.

Поединки

В своей «Эдде» Снорри Стурлусон советует тем, кто желает получить помощь богов в поединке, взывать к Уллу: однако в других исландских источниках свидетельств о существовании подобной практики не имеется. Более того, поединки связаны именно с культом Одина. Держаться такого мнения заставляет нас целый ряд причин. Во-первых, известны такие его имена, как *Sigtýr*, «бог победы», *Sigfaðir*, «отец победы», *Sigrhöfundr*, «зачинщик победы», *Gagnráðr*, «повелитель победы». Ясно, что в его власти было даровать победу любым воинам, в том числе тем, кто сражался на поединках. Во-вторых, Один прямо упоминается в связи с некоторыми из этих последних, например, с предводителем викингов Фрамаром из «Саги о Кетиле Лососе». Один сделал его неуязвимым для оружия, и Фрамар, пока был молод, всегда одерживал победы. Но во время его сражения с Кетилем Лососем из леса прилетел орел и сорвал с него одежду. Это был знак, что Один оставил викинга, и тут же выяснилось, что меч Кетилия сильнее до сих пор защищавших Фрамара Одиновых чар.

В-третьих, в «Саге о Гисли» и в некоторых других сагах фигурируют берсерки, которые вызывают на поединки ни в чем не повинных перед ними людей. Как вытекает из следующего отрывка из «Саги об Инглингах» (гл. 6), берсерки также связаны с Одином: «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками»⁶. В «Саге о Греттире» (гл. 2) при описании знаменитой битвы в Хаврсфьорде говорится об одном из врагов Харальда: «Тот был берсерк великий и бесстрашный. Яростно бились и те и другие. Тогда по слову конунга бросились вперед его берсерки. Их звали «волчьи шкуры», не брало их железо, и ничто не могло устоять перед их натиском»⁷.

События первой главы «Саги о Гисли» происходят в Нордмёре в Норвегии. В ней рассказывается

6 Русский перевод: Снорри Стурлусон. *Круг Земной*. М., 1980.

7 Русский перевод: *Сага о Греттире*. Новосибирск. 1976.

о трех братьях — Ари, Гисли и Торбьёрне. Ари женится на женщине по имени Ингибьёрг, но наслаждаться семейным счастьем им было суждено недолго:

«Жил человек по имени Бьёрн Бледный. Он был берсерк. Он разъезжал по стране и вызывал на поединок всякого, кто ему не подчинялся. [...] Бьёрн предлагает Ари на выбор: хочет, пусть бьется с ним на одном островке в Сурнадале — назывался островок Столбовым, — а не хочет, пусть отдает ему свою жену. Тот сразу же решил, что уж лучше биться, чем обоих, и себя, и жену, позорить».

По версии П, Бьёрн был искусен в колдовстве, и никакое оружие этого берсерка не брало. Эти черты еще более сближают его с Одним и делают значительно более серьезным противником, чем Бьёрн версии К. Образ Бьёрна Бледного стереотипен. Бьёрна можно сравнить с Льотом Бледным из «Саги об Эгиле»⁸ и некоторыми другими саговыми берсерками.

В последовавшем поединке Ари был убит, а берсерк объявил, что как победитель возьмет себе хутор Ари и его жену. Тогда Бьёрна вызывает на бой Гисли. Ингибьёрг, вдова Ари и невестка Гисли, говорит тому, что у ее раба Коля есть меч, который зовется Серый Клинок: «Так попроси, пусть он тебе его одолжит. Потому что есть у этого меча такое свойство; он несет победу всякому, кто берет его в битву». Судя по этому чудесному свойству, меч был некогда заколдован Одним, «богом победы». Раб отдает меч Гисли, хотя и неохотно, и тот убивает берсерка.

После этого раб требует свой меч обратно, но Гисли отказывается его вернуть и предлагает взамен деньги, свободу и другие вещи. Раб, однако, ничего, кроме меча, не желает и, не получив его, бросается на Гисли, нанося ему смертельную рану. «Но и Гисли разит его по голове Серым Клинком, и удар был так силен, что меч сломался, и череп раскололся, и настигла обоим смерть».

В столкновении, с описания которого начинается «Сага о Гисли», гибнут четверо — два захватчика, берсерк и Гисли, возжелавшие им не принадлежащего, и две жертвы, Ари и раб, попытавшиеся защитить свою собственность. Однако для саги как целого роль этих четырех персонажей

бледнеет в сравнении с той, что досталась Серому Клинку, настоящему победителю во втором поединке.

Торбьёрн наследует все имущество, принадлежавшее отцу и погибшим братьям. Он женится, и у него рождается трое сыновей — Торкель, Гисли и Ари — и одна дочь, Тордис. Она красива и умна, и ее поистине одиноческий удел — быть причиной распрей среди мужей. За ней ухаживал некий молодой человек, которого в этом поддерживал Торкель. Торбьёрну же и Гисли он не нравился. Однажды Гисли неожиданно для всех убивает этого человека. «С тех пор дружба между братьями пошла врозь». Торкель не желает больше жить дома и отправляется к некому Скеggi Драчуну, близкому родичу человека, которого убил Гисли. Торкель подбивает того отомстить и затем жениться на Тордис. Это можно понять только в том смысле, что Торкель в отместку за смерть своего друга желает смерти собственному брату⁹.

Одно из пагубных воздействий Одина на род людской — раздоры между близкими родичами. Отец не соглашается выдать Тордис за Скеggi. При этом выясняется, что к ней сватается человек по имени Кольбьёрн, и Скеggi вызывает его на поединок. Кольбьёрн на это соглашается, но в назначенный день его охватывает страх, и он решает остаться дома. Гисли называет его трусом и сам отправляется на поле боя. Однако прежде, чем он успеет прийти, Скеggi очерчивает круг для Кольбьёрна, но не видит ни его самого, ни того, кто пришел бы его заменить. Был у Скеggi работник по имени Рэв. Так он велел Рэву сделать деревянные фигуры наподобие Гисли и Кольбьёрна. — И пусть один стоит позади другого, и пусть этот срам навсегда остается здесь им в поношение».

Различимое здесь обвинение в гомосексуальной связи считалось наихудшим оскорблением. В этой связи излишним будет напомнить, что определение *argr* могло означать как «трусливый», так и «сексуально извращенный». Согласно мифу, и Один, и Локи, по всей видимости, были повинны в содомском грехе.

⁹ Далее, по тексту саги, Гисли убивает еще одного друга Торкеля, Торгрима. Перед тем он просит Гейрмунда снять засовы с трех дверей в Морском Жилье. Реакция Гейрмунда свидетельствует о сложных отношениях братьев: «Здесь не будет опасности для твоего брата Торкеля?» Не думал ли юноша, что Гисли способен на братоубийство?

Гисли одерживает верх в поединке, и Торкель возвращается вместе с ним домой, и они снова дружны, как раньше.

Заколдованное оружие

Серый Клинок, приносящий победу, напрямую связан с Одином, богом победы, версия П, в отличие от К, делает на этом особый акцент. Само имя меча не лишено очевидных одилических коннотаций, ибо известно, что серый — излюбленный цвет этого божества. Одно из имен Одина — «Седобородый», и его знаменитый конь Слейпнир «был серой масти и о восьми ногах, и нет коня лучше у богов и людей». Серый Клинок — не обычное оружие. Он наделен способностью приносить победу и ломается в случае, если будет направлен против того, кому принадлежит по праву. В версии К ничего не говорится об истории меча до того, как он попал к рабу Колю. Существенно иная ситуация в П, где раб представлен попавшим в плен человеком знатного рода, который становится затем воспитателем Ингибьёрг, и это уже значительно более подходящая фигура для обладания таким сокровищем, нежели обыкновенный раб.

Стоит также заметить, что наделенное магической силой оружие в других сагах нередко получает свои необыкновенные свойства от карликов или от колдунов, причем последние связаны с Одином. Он умел и затуплять оружие. По версии П, меч Серый Клинок был так заколдован, что мог разрубить что угодно, даже железо, и что его лезвие не тупилось: кроме того, сказано, что его выковали карлики — как и копье Одина Гунгнир. Совершенно неудивительно, что далее в саге из обломков Серого Клинка выковывают другое оружие, которому предназначено сыграть важную роль (об этом ниже).

Приходит на память и другой меч, дарованный Одином своему знаменитому потомку Сигмунду сыну Вельсунга. В своей последней битве Сигмунд, уже старик, неожиданно столкнулся лицом к лицу с каким-то одноглазым незнакомцем, который замахнулся на него копьем. Незнакомец был в нахлобученной шляпе и синем плаще. Конунг нанес ему удар своим мечом; меч ударился о копье и разломился надвое. Конунг проиграл битву и был тяжело ранен. Когда

сражение закончилось, его молодая жена пришла на поле брани и нашла его еще живым. «Я не позволю себя лечить, — сказал он, — не хочет Один, чтоб мы обнажали меч, раз сам он его разбил: бился я в битвах, пока ему было угодно»¹⁰. Затем он говорит своей жене, что она родит сына, который отомстит за него. Он также просит сохранить обломки меча, потому что из них можно выковать доброе оружие. Впоследствии один карлик и в самом деле выковывает из них меч Грам, который хорошо послужил сыну Сигмунда, Сигурду — убийце Фафнира.

Побратимство

После серии неприятностей с сыновьями Скегги, Торбьёрн с женой решают покинуть Норвегию и отплыть в Исландию. С ними отправляются трое их детей, Тордис, Гисли и Торкель (Ари остается в Норвегии). Семья поселяется на хуторе Морское Жилье в Ястребиной Долине, Торбьёрн и его жена вскоре умирают. Дела же детей на первых порах идут хорошо: Тордис выдают замуж, ее братья женятся. Их новые родичи — Торгрим, муж Тордис, и Вестейн, брат жены Гисли Ауд, — становятся им добрыми друзьями. Хутор Морское Жилье отдают Торгриму в приданое за Тордис, а братья переезжают в Холм, усадьбу по соседству. «И стоят Морское Жилье и Холм ограда к ограде. Вот живут они бок о бок, и между ними прочная дружба» (гл. V). Четвертый член возникшего содружества, Вестейн, купец и мореход, живет на своем хуторе в Ястребиной Долине неподалеку от них.

На местном тинге четверо друзей из Ястребиной Долины ведут себя вызывающе — «все ходят в крашенных одеждах». Один мудрый человек предрекает, что «не пройдет и трех лет, как не будет у них единомыслия, у тех, кто теперь держится вместе». Когда друзья узнают о пророчестве, Гисли предлагает предотвратить такой поворот событий и говорит, что, на его взгляд, «самое лучшее, если мы свяжем нашу дружбу более крепкими узами и примем, все четверо, обет побратимства».

«Им это показалось разумным. Вот идут они на самую стрелку косы и вырезают длинный пласт дерна, так, что оба края его соединяются с землей,

¹⁰ Русский перевод: Сага о Волсунгах // Корни Иггдрасиля. М., 1997.

ставят под него копье с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник крепится к древку. Им, Торгриму, Гисли, Торкелю и Вестейну, надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов. Но когда все они подали друг другу руки, Торgrim и говорит:

— Хватит с меня того, что я подам руку Торкелю и Гисли, моим шурыям. Но у меня нет обязательств перед Вестейном.

И он отдергивает руку.

— Ну что ж, и другие поступят так же, — говорит Гисли и тоже убирает руку. — Я не буду связывать себя с человеком, который не желает связывать себя с моим шурином Вестейном» (гл. VI).

Это самое детальное описание обряда заключения побратимства в ранних исландских источниках. Как следует из рассказа, долг мести был важным составным элементом побратимства, что вполне естественно, если учесть, что месть за брата считалась непреложной обязанностью. Один, как мы знаем, особенно покровительствовал тем, кто выполнял долг мести, — неудивительно, что Даг сын Хёгни принес ему жертву, прежде чем отправиться мстить за отца и брата (см. ниже). Следует также напомнить, что Один и коварный Локи были некогда побратимами.

Неудачное побратимство делает четверых героев еще более уязвимыми для опасности. Незавершенный ритуал — мрачный предвестник недоброго конца, но пока в саге нет указаний на то, какое именно несчастье постигнет четверку. Судьба все дальше разводит друзей на две пары — с одной стороны Гисли и Вестейн, с другой — Торкель и Торgrim. Охлаждение между братьями Гисли и Торкелем усугубляет ситуацию. Торкелю случилось подслушать разговор между своей женой Асгерд и женой брата Ауд, из которого ему становится ясно, что Асгерд изменила ему с Вестейном. Тогда Торкель решает разделить имущество и перебраться жить к Торгриму. Вместо того чтобы связать себя нерушимыми узами, эти четверо достигли только того, что сделали скрытую неприязнь явной.

Жертвоприношения и колдовство

Следующее значительное событие в саге происходит незадолго до наступления зимы (она следовала сразу за летом, так как исландцы различали только два времени года). «Тогда у многих людей было в обычае справлять приход зимы пирами и жертвоприношениями». И то же время оказывается удобным для осуществления мести. Торgrim и Торкель созвали на праздник гостей: среди них был некто Торgrim Нос. «Он был силен в ворожбе и волшбе и был колдун, каких мало — ...Торgrim был искусным кузнецом, и рассказывается, что оба Торгрима и Торкель идут в кузницу и там запираются. Вот достают они обломки Серого Клинка, который при разделе выпал Торкелю, и Торgrim делает из него копье. К вечеру копье было готово. На нем были насечены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь» (гл. XI).

С того момента, как Торкель подслушал разговор жены и невестки, прелюбодей Вестейн не пропадает из поля зрения читателя. В этой связи уместно задаться вопросом, зачем Торкелю и Торгриму понадобилось новое оружие? Очевидно, это следует связать с тем, что предшествовало изготовлению копья, и поскольку единственным существенным событием являлось открытие Торкелем неверности своей жены, логично было бы предположить, что копье выковано с конкретной целью убить Вестейна.

Опасаясь за друга, Гисли посылает людей предостеречь Вестейна, с тем чтобы тот остался дома и не ездил к нему. Но посланники находят Вестейна слишком поздно, когда он уже в пути: «Я бы повернул обратно, если бы вы нагнали меня чуть раньше. Но теперь текут все воды к Фьорду Дюри, и я поскачу туда же, да и тянет меня туда» (гл. XII). В узел связываются здесь судьба, любовь и смерть. Гибель Вестейна кажется столь же неизбежной, сколь неизбежно падение быстрых потоков с гор во фьорд.

Есть и другие знаки, говорящие о том, что жизнь героя в опасности. Вестейн живет у Гисли. И вот однажды ночью «на дом налетел такой вихрь, что с одной стороны сорвало крышу. А вслед за этим с неба хлынул такой ливень, что никто и не упомнит подобного».

Если читать между строк, то трудно отделаться от мысли, что этот ужасный ливень был

наведен вышеупомянутым колдуном. В самом деле, версия П не оставляет в этом сомнений: «Говорят, что это Торгрим Нос наколдовал тот ливень и бурю своей ворожкой и волшеббой, и все для того, чтобы можно было напасть на Вестейна, когда бы Гисли не было рядом, потому что они не верили, что справятся с ним, если Гисли будет дома»¹¹. Убийство Вестейна описано кратко. Все, кроме Вестейна и его сестры Ауд, бросились из дому убирать сено. «Вот незадолго до рассвета кто-то входит неслышно и идет туда, где лежит Вестейн. Тот в это время не спал. Но, прежде чем он что-либо заметил, в грудь ему вонзилось копье, проткнув его насквозь. И, почувствовав удар, Вестейн сказал так:

— Прямо в сердце.

И человек этот тотчас ушел, а Вестейн попытался встать и, вставая, упал у лавки мертвый».

Убийство Вестейна выглядит ритуальным — для нас повод вспомнить, что человеческие жертвы приносились главным образом Одину. Прежде всего, обращает на себя внимание оружие убийства. То, что сломанный меч был перекован в копье, — существенное обстоятельство, ведь именно копье Гунгнир было любимым оружием Одина. Когда Даг сын Хёгни искал способ отомстить за отца, он принес жертвы Одину, чтобы тот дал ему для этой цели свое копье. Этим копьем Даг пронзил своего шурина, и тем же способом убили Вестейна, а впоследствии и Торгрима. С другой стороны, Сигурда Убийцу Фафнира пронзили мечом. «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде убийце берсерков» (гл. 18) сообщает нам, что поговаривали, будто бы «Один пронзил некогда Асмунда копьем». Но, пожалуй, самое знаменитое человеческое жертвоприношение Одину описано в «Саге о Гаутреке», где главный герой Старкад колет конунга Викара тростинкой, которая превращается в копье и убивает ничего не подозревающую жертву.

Судя по всему, в результате жертвоприношений, связанных с кануном зимы, сила Одина

возрастала, так что он становился могущественнее других богов. Среди древненорвежских источников самое подробное описание жертвенного пира дает «Сага о Хаконе Добром» Снорри Стурлусона (гл. 14): сначала пили кубок Одина, чтобы конунгу сопутствовала слава и победа, потом пили кубок Ньёрда, затем кубок Фрейра, чтобы в стране был мир и процветание. Вопреки тому обстоятельству, что обе версии «Саги о Гисли» ассоциируют Торгрима с Фрейром, а в П его даже называют «годи Фрейра», оба убийства были совершены в духе Одина, и Фрейр не имеет к ним никакого отношения.

Торгрим Нос присутствовал в кузне исключительно как колдун — и это нам напоминание о том, что Одина звали *galdrs faðir*, «отец заклинаний», — ковал же другой Торгрим, шурина Гисли. Как ни странно, версия К не содержит даже намека на то, кто мог быть убийцей Вестейна. Напротив, П прямо указывает, что убил Торгрим годи Фрейра.

Через год после гибели Вестейна Торгрим решает устроить праздник в честь прихода зимы и принести жертвы Фрейру. На этот пир он приглашает своего брата Бёрка Толстяка и многих других могущественных людей. Весь этот год Гисли бережно хранил в сундуке окровавленное копье, которым убили его друга. И вот теперь в канун зимы он отправляется исполнить свою месть. Ночью он выходит из дому, на нем синий плащ, а в руках копье Серый Клинок. Он добирается до Морского Жилья и входит в дом, где спят его сестра и ее муж Торгрим. Гисли протянул руку в темноте и дотронулся до груди своей сестры — она спала с краю.

«Тордис сказала:

— Почему у тебя такая холодная рука, Торгрим? — и разбудила его.

Торгрим сказал:

— Хочешь, я повернусь к тебе?

Она-то думала, что это он положил на нее руку. Гисли пережидает немного и согревает руку у себя под рубахой, они же оба засыпают. Тогда Гисли тихонько касается Торгрима, чтобы тот проснулся. Торгрим думал, что это Тордис его разбудила, и повернулся к ней. Тут Гисли одной рукой срывает с них одеяло, а другою насквозь пронзает Торгрима Серым Клинком, так что острие засело в дереве. Тордис закричала:

¹¹ У Торгрима Носа была, кстати, сестра, тоже колдунья, и она тоже умела повелевать погодой: «Она несколько раз обходит дом против солнца и, задрвав голову, тянет носом воздух со всех сторон. И вот стала погода меняться, подымается сильный буран, а потом наступает оттепель, снег на горе подмывает потоком, и на хутор Берга обрушивается лавина. Там погибло двенадцать человек. Следы этого обвала видны и по сей день».

— Люди, все, кто есть здесь, просыпайтесь! Торгрима убили, моего мужа!»¹² (гл. XVI).

Гисли быстро уходит и добирается до своего дома без приключений. Убийство Торгрима, месть, и убийство Вестейна: оба они происходят по одной схеме — одно и то же орудие убийства, одни и те же время суток и время года. В обоих случаях людям сначала неизвестно, кто убийца.

После похорон Торгрима за дело принимается его брат Бёрк: «Бёрк платит Торгриму Носу и просит его наворожить, чтобы не было ниоткуда помощи убийце Торгрима, хоть бы люди и пожелали помочь ему, и чтобы не было ему в стране покоя. Дали ему за ворожбу десятилетнего быка. Вот Торгрим принимается колдовать и, приготовив себе все, как обычно, сооружает помост и совершает колдовской обряд со всем возможным непотребством (*ergi*) и злобою» (гл. XVIII). Обращаться к колдовству, желая погубить врага, считалось верхом трусости и малодушия. Тем не менее полагали, что достичь таким образом желаемого результата, в принципе, возможно, — не в последнюю очередь потому, что тут не обходится без *galdrs faðir*, «отца для заклинаний», Одина.

Похороны

После обоих ритуальных убийств сага сообщает нам нечто относительно ритуала погребения. Когда хоронят Вестейна, Торгрим замечает, что покойного полагается обувать «в башмаки Хель, чтобы в них он вошел в Вальгаллу» (гл. XIV). Это значит, что мертвые должны добираться до Вальгаллы пешком; на это указывает и «Сага о Гаутреке».

Для Торгрима Гисли берется насыпать курган: «Потом они приготавливают все к погребению и кладут Торгрима на корабль. Вот насыпают они курган по древнему обычаю, и осталось только закрыть его. Тогда Гисли идет к речному устью, берет там огромный, как скала, камень и взваливает его на корабль. Кажется, подалась под камнем каждая досочка, и корабль весь затрепал» (гл. XVII). Ритуал погребения в ладье свидетельствует о веровании, согласно которому мертвому может понадобиться корабль, чтобы добраться до Одина.

¹² Как часто указывалось, ритуальное убийство Хельги Асбьярнарсона в «Саге о сыновьях Дроглауг» напоминает убийство Торгрима. Есть и другие аналогии, см. мою статью: *Death in Autumn. Tragic Elements in Early Icelandic Fiction // Bibliography of Old Norse-Icelandic Studies 1973. Odense, 1974. P. 7–39.*

Бёльверк

Можно указать и на другие моменты саги, навеянные одиноческим духом. Из главы XII мы узнаем о любопытной истории, приключившейся с Вестейном. На одном хуторе двое людей «повздорили из-за какой-то работы, пустили в ход косы и поранили друг друга». Неожиданно появляется Вестейн — он проезжал мимо — и мирит их, так что оба остаются довольны.

Всерьез дерущиеся косами выживают редко. Эти двое выжили и рассказали о случившемся. Навряд ли это реальный эпизод. Более правдоподобно, что данная история, как не раз указывалось, есть отражение одного одиноческого мифа. Снорри Стурлусон в своей «Эдде» рассказывает о поездке Одина к великану Суттунгу за медом поэзии. На своем пути он встречает девятерых рабов, косивших сено на лугу. Он предлагает им поточить их косы, и они соглашаются. Им кажется, что теперь им косится гораздо легче, чем раньше, и они хотят купить у Одина его точило. Тогда он подкидывает точило вверх, и рабы пытаются его поймать, но вместо этого перерезают друг другу косами горло¹³.

Один представляется косцам Бёльверком, т. е. «злодеем»: это имя замечательно ему подходит и в иных ситуациях. Так, Даг сын Хёгни, рассказав своей сестре, что убил ее возлюбленного мужа, пытается обелить себя, возлагая вину за страшное происшествие на Одина (Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга, строфа 34):

«Один повинен
в этом несчастье,
меж нами руны
раздора посеяв»¹⁴.

Похоже, разрывать узы, связывающие роды, друзей и сообщества, — одна из функций Одина. Едва он начинает сеять раздор, как ни что, включая самую крепкую дружбу, не может устоять перед подвластными ему силами разрушения. В «Песни о Харбарде» Один открыто заявляет (строфа 24): «Я... князей подстрекал, не склонял их к миру».

¹³ Русский перевод см.: Младшая Эдда. Л.: 1970.

¹⁴ Русский перевод этой и нижеупомянутых песней Старшей Эдды см.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: 1976.

Валькирии

В главе XXII саги Гисли описывает двух женщин, являющихся ему во сне: «Одна добра ко мне и всегда дает хорошие советы, а другая всегда говорит такое, от чего мне становится еще хуже, чем раньше, и пророчит мне одно дурное. А сейчас снилось мне, будто бы я подошел к какому-то дому и вошел туда. И будто бы я узнал во многих, кто сидел там, своих родичей и друзей. Они сидели возле огней и пировали». Этот эпизод заставляет вспомнить сцену из «Саги о людях с Песчаного Берега» (гл. 11), в которой речь идет о событиях, произошедших вскоре после того, как утонул Торстейн Трескоед: «Однажды весенним вечером пастух Торстейна отправился загонять домой скот с северной стороны Хельгафелля; и вот он видит, что холм открылся, внутри ярко горят костры, и люди там говорят громко и сильно пьяны. Тогда он затаился, чтобы разобрать их слова, и он слышит, что там приветствуют Торстейна и его спутников: и еще было сказано, что Торстейн должен занять почетное место напротив своего отца».

То, что умершие предки проводят время за едой и питьем внутри холма, не имеет, конечно, никакого отношения к культу Одина, однако дом, который Гисли видел во сне, походит на Вальгаллу. Две женщины из его сна, в свою очередь, напоминают валькирий — помимо прочего, последние должны были приглашать в Вальгаллу воинов, которых хотел видеть у себя их повелитель Один. «И вот однажды ночью снится Гисли, что пришла к нему добрая женщина. Она явилась на сером коне и позвала с собою, в свое жилище, и он согласился. И вот они приезжают к дому, больше похожему на палаты, и она ведет его в этот дом». Нам известен один конь серой масти — это Слейпнир, конь Одина, о котором говорилось выше. Согласно «Речам Хакона» Эйвинда Погубителя Скальдов, Один посылает двух валькирий по имени Гёндуль и Скёгуль выбрать среди конунгов тех, которые будут жить с ним в Вальгалле. А в «Речах Вороны» умирающий Рагнар Кожаные Штаны упоминает некоторых богинь (*dísir*), отправленных к нему Одним с приглашением его в Вальгаллу.

Преступления

Переходя к этической подоплеке, которой не лишена рассматриваемая нами история, нельзя не вспомнить единическую песнь «Прорицание вёльвы» (строфа 37)¹⁵. После красочного описания зловещего чертога на Берегу Мертвых прорицательница обращается мысленным взором к мучениям, которым подвергаются там иные из преступников:

«Шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет».

Взяв в расчет три эти типа преступников, мы констатируем, что все четверо наших героев — Вестейн, Торгрим, Торкель и Гисли — являются их представителями. Рассмотрим теперь каждого героя в отдельности.

Помимо того обстоятельства, что Вестейн — лучший друг Гисли, его специфическая роль в саге — вступить в запретную любовную связь с женой Торкеля, поэтому, как вытекает из «Прорицания вёльвы», Вестейн с полным правом занимает место среди других соблазнительей на Берегу Мертвых.

Есть очевидная переключка между второй полустрофой строфы 38¹⁶ «Прорицания вёльвы» и строфой 115 «Речей Высокого»:

«Чужую жену
не должен ты брать
в подруги себе».

Напротив, в строфе 20 «Песни о Харбарде» Один хвастается тем, что обманывал иных мужей: «Соблазнял я искусно наездниц ночных, отнимал у мужей их».

Впрочем, разумеется, Один не всегда следовал принятым нормам поведения.

Гисли и Торгрим, оба они заслуживают того, чтобы называться *morðvargr*; это слово (компонит, первая часть которого, *morð*, означает «убийство», вторая, *vargr*, — «волк») было юридическим термином, обозначающим убийцу. Хотя обстоятельства обоих убийств примечательно похожи, их мотивы не одни и те же. Убийство Торгрима, как мы

¹⁵ В русском переводе строфа 39.

¹⁶ В русском переводе строфа 39.

видели, представляет собой акт кровной мести. Гисли мстит за смерть своего друга и побратима. Убийство Вестейна — другое дело, ибо Торgrim действовал от имени своего побратима Торкеля, честь которого Вестейн оскорбил. Как было указано выше, убийство Вестейна оказывается ритуальным убийством, но едва ли это спасет убийцу от того, чтобы оказаться в страшном чертоге на Берегу Мертвых.

Древненорвежские и древнеисландские законы различали несколько типов убийств в зависимости от обстоятельств и отношений между убийцей и его жертвой. К самому факту убийства относились по-разному; так, убийство беззащитного человека, особенно после наступления темноты, считалось особенно тяжким преступлением, относящимся к классу *morð*. Если преступник пытался скрыть совершенное убийство, то это увеличивало тяжесть его вины. Примечательно, что одно из таких «тайных убийств», как говорят саги, совершил сын Одина Сиги. Когда стало известно, что Сиги не только убил невиновного человека и закопал его труп в сугроб, но еще и солгал, рассказывая, как было дело, его объявили вне закона, и ему пришлось бежать в далекую страну и начинать там жизнь заново; правда, в этом последнем ему помог отец («Сага о Вельсунгах», гл. 1).

А что же Торкель? Может быть, он тот единственный из четверки, кто избежит мучений на Берегу Мертвых? Нет оснований думать, что у него были интимные отношения с чьей-либо женой, раз он не сумел уследить даже за своей собственной. Поскольку мы почти уверены, что Вестейна убил Торgrim, Торкель не попадает и в категорию *morðvargr*. Не является ли он, в таком случае, «поправшим клятву»? Тот факт, что сыновья Вестейна избрали Торкеля объектом мести за отца, косвенно указывает на его причастность к убийству. Но если они знали настоящего убийцу, ими должно было двигаться и нечто иное.

Из описания заключения побратимства с большой вероятностью следует, что Торкель и Вестейн успели стать побратимами до того, как ритуал оказался непредвиденным образом прерванным. В таком случае. Торкель взял на себя обязательство не только мстить за Вестейна, но и, покуда жив, не предпринимать ничего, что могло бы нанести ущерб Вестейну. Если же Торкель являлся сообщником Торгрима, то он, несомненно, нарушил эту

клятву: а мы помним, что он был одним из трех участников ритуального изготовления оружия, оборвавшего жизнь его побратима.

Самым знаменитым клятвопреступником древней германской литературы был Один («Речи Высокого», строфа 110):

«Клятву Один
дал на кольце,
не коварна ли клятва?
Напиток достал он
обманом у Суттунга
Гуннлёд на горе».

Возможно, Один — клятвопреступник и в «Прорицании вельвы», строфа 26:

«Крепкие были
попраны клятвы,
тот договор,
что досель соблюдался».

Валькирия Сигдрива предупреждает Сигурда Убийцу Фафнира («Речи Сигдривы», строфа 23):

«Клятв не давай заведомо ложных; злые победы у лживых обетов, и проклят предатель».

Попранные клятвы — расхожий мотив героического эпоса. Даг сын Хёгни (см. выше) убил Хельги несмотря на то, что принес ему и его родичам клятву верности; за это его прокликает родная сестра, которую он этим убийством сделал вдовой («Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга»). Точно так же Гудрун дочь Гьюки обвиняет своих братьев, что они преступили клятвы, убив ее мужа («Первая песнь о Гудрун», строфа 21). Клятвы, принесенные Атли Гуннару, не помешали ему убить своего шурина («Песнь об Атли», строфа 31 и далее). В трагической «Пряди о Сёрли» Хедин и Хёгни становятся друзьями и побратимами; но Фрейя, подстрекаемая Одним, заставляет Хедина совершить против Хёгни страшные преступления. Так друзья становятся заклятыми врагами. ❖

Женщины в эпоху викингов.

Смерть, жизнь после смерти
и погребальные обычаи

Кристина СПАТАКИН
Перевод: Алексей ГЛАЗАЧЕВ

Глава 3.5 Контакт с мёртвыми

Считалось, что ушедшие продолжают своё посмертное существование в тесной связи с ныне живущими поколениями. Существовала прочная связь между живыми и умершими, и в порядке вещей было помочь своим живущим родственникам, поделившись с ними знаниями из загробного мира. В литературных источниках приводится несколько примеров установления контакта с умершими. Таков случай с Одином, который спускается в Хельхейм, чтобы вызвать мёртвую провидицу из её могилы¹. Добравшись до могилы, Один произносит заклинание оживления трупа, пока та неохотно не поднимается. То, что путь от её смерти обратно к жизни необычайно труден, подчеркивается собственными словами провидицы:

*Снег заносил меня,
дождь заливал
и роса покрывала,
давно я мертва.*

(А.И. Корсун)

Весьма интригующе, что могила провидицы находится в Хельхейме, и ещё более интригующе то, что ей пришлось совершить такое ужасное путешествие, чтобы вернуться к жизни. Если считалось, что люди продолжают свое существование после смерти в царстве смерти, то почему она была там мертва, и почему её там нужно было оживлять? Более того, если говорят, что она вышла из своей могилы, то почему её могилу

поместили в Хель, когда мы знаем, что могила обычно располагалась рядом с жилыми постройками семьи покойника? Конечно, история происходит в мифологической обстановке, но это все равно не объясняет расположение могилы в Хель; зачем ей там понадобилась могила? С другой стороны, простое замечание о том, что ей пришлось совершить трудное путешествие, подразумевает, что место, где она жила, будучи мертвой, и место, где она встретила Одина, не были одним и тем же. Жила ли она в царстве, еще более отдаленном, чем Хель? Вопросов множество, и без дополнительных доказательств трудно дать правдоподобные ответы.

¹ Смотри «Сны Бальдра» — Перевод А.И. Корсуна:
<https://norroen.info/src/edda/baldr/ru.html>

Интересно, что она смогла дать Одину то, что он искал, — знания о судьбе своего сына, знания о будущем. Похожий случай произошел с Гроа, которую разбудил её сын Свипдаг, чтобы он мог научиться определенным заклинаниям, которые защитят его от опасности во время будущих поисков². Свипдаг призывает свою умершую мать у врат мертвых, у её могильной груды камней. Слова Гроа подтверждают идею о том, что её последним пристанищем была эта могила, а не отдаленное царство смерти:

*Что за зловещую судьбу ты обрел,
Что кличешь свою мать,
Что дремлет в земле,
И мир живых отринула?*

(А. Глазачев)

*Чем удручен ты, сынок мой единственный?
В чём приключилась печаль?
Что ты зовешь меня, прахом покрытую,
Чуждую весям живых?*

(С. Свириденко)

Гроа передает знания своему сыну, обучает его различным заклинаниям, которые помогают во время его путешествий: чарам, защищающим от бесцельных блужданий, от рек Хельхейма, от врагов и оков на конечностях, от штормов на морях и холодов, от призраков христианских женщин; она также учит его последнему заклинанию о том, как набраться ума на случай, если ему вдруг придется соревноваться мудростью с великаном.

Нам следует помнить, что это стихотворение встречается только в рукописях, ни одна из которых не датируется ранее семнадцатого века. Специалисты объединяют это стихотворение с другим, Словом о Фьэльсвинн (Fjlsvinnsmál), под единым названием «Речи Свипдага» (Svipdagsmál), потому что они затрагивают общую тему: историю любви между Свипдагом и Менглед. Тем не менее стихи считаются позднего происхождения из-за широкого использования кеннингов и их романтического духа, отсутствия каких-либо ссылок на них в более ранних документах, частых ошибок в мифологии и т.д. Хотя ни в эддических поэмах,

ни в «Эдде» Снорри нет ссылок на эту историю, Снорри упоминает Гроа как колдунью, жену Аурвандила Смелого, которая пела заклинания над Тором, так что точильный камень, воткнувшийся в его голову после битвы с Хрунгниром, начал выходить³.

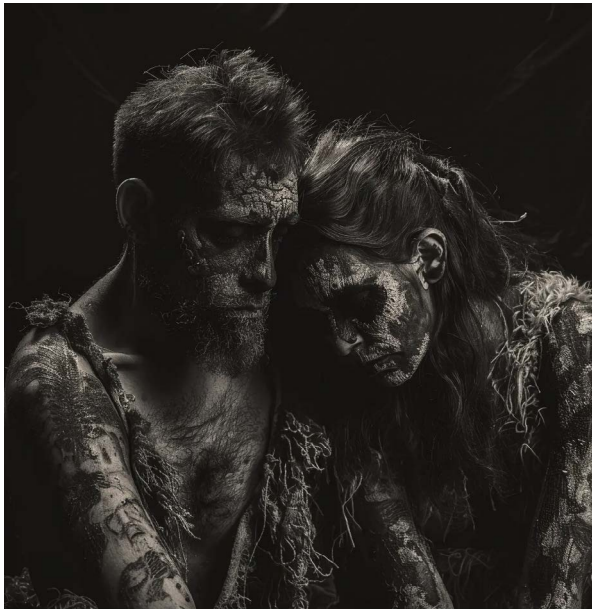
В одной из эддических поэм говорится, что сама Фрейя разбудила великаншу Хюндлу, опять же для того, чтобы получить знания о своём протеже (по некоторым данным — любовнике) Оттаре⁴. Детально о могиле Хюндлы не упоминается, скорее всего, это скальная пещера. Тем не менее стихотворение во многом напоминает рассказ из «Снов Бальдра»: точно так же, как провидица, великанша пробуждается ото сна, чтобы поделиться знаниями, и точно так же, как провидица, она становится безумной, когда узнает истинную личность своего собеседника. Очевидно, что к умершим женщинам можно было обращаться за советом, чтобы получить знания о будущем. Они могли передавать мудрость, которая была недоступна даже богам (Одину и Фрейе). Местом, где могло происходить такое общение с умершими, была могила, рассматриваемая, вероятно, как символический порог между миром живых и миром мертвых.

Тот факт, что такое общение было возможно на мифологическом плане, важен и должен быть объяснен. Согласно Мирче Элиаде, миф повествует

² Смотри «Заклинание Гроа» — Перевод С. Свириденко: <https://norroen.info/src/edda/grogaldr/rus.html>

³ Смотри «Язык поэзии» <https://norroen.info/src/snorra/3bi.html>

⁴ Смотри «Песнь о Хюндле», перевод А.И. Корсуна: <https://norroen.info/src/edda/hyndlu/ru.html>

о первичном событии, имевшем место *ab initio* (от начала)⁵. Миф — это история того, что происходило *in illo tempore* (в то время); миф рассказывает священную историю о том, как нечто было совершено, как оно начало существовать. Учитывая, что для человека тех времен пространство мифа воспринималось реальным, миф, рассказывающий священную историю, был мифом, рассказывающим о том, что произошло *на самом деле*. Таким образом, миф раскрывал абсолютную

сакральность, поскольку он рассказывал о творческой деятельности богов. Миф стал затем парадигмой для всей человеческой деятельности, потому что только миф был способен раскрыть реальное. Другими словами, подражая богам, человек мог, находясь в своей реальности, оставаться в сфере священного — «так делали Боги, так теперь поступают люди».

Применяя эту теорию к вышеупомянутым примерам общения с умершими, можно объяснить веру в способность мертвых передавать знания живым. Следуя заветам Одина, люди могли устанавливать общение с умершими посредством определенных ритуалов. Посредством этого люди повторяли действия богов, например, когда Один спустился в царство Хель, чтобы узнать информацию о будущем своего сына. Подражая Одину, можно было установить связь с умершими и получить важные знания для живых. Посредством ритуалов люди заручались помощью своих умерших предков и таким образом обеспечивали преемственность родственной группы. В этом контексте немаловажно отметить, что мертвые, пробуждающиеся от своего «сна», чаще всего являются женщинами. ⋮

Иллюстрации созданы нейросетью Midjourney.

⁵ Смотря Eliade, Mircea 1987: *The Sacred and the Profane. The Nature of Religion*, (trans.) Williard R. Trask, A Harvest Book, Harcourt Inc., San Diego, New York & London. В русском переводе: Мирча Элиаде. Священное и мирское. Москва, МГУ, 1994

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод: ESGAL

Дорога в Хель

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40–44 номере «Северного ветра».

Поминальный пир

Из содержания всех саг становится ясно, что важным способом оказания чести умершему является проведение поминок в его память; и для живых, и для мёртвого, так как тот присутствовал на празднике, было важно, чтобы сын принял наследство своего отца. Снорри описывает практику такого праздника:

В то время был обычай, что, когда справляли тризну по конунгу или ярлу, тот, кто её устраивал и был наследником, должен был сидеть на скамеечке перед престолом до тех пор, пока не вносили кубок, который назывался Кубком Браги. Затем он должен был встать, принять кубок, дать обет совершить что-то и осушить кубок; после этого его вели на высокую скамью, которую раньше занимал его отец, тем самым он вступал в наследство после отца¹.

Представляется вероятным, что существует связь между этим подъёмом на высокую скамью и спуском конунга с престола на вершине кургана, описанным в *Круге Земном* (Heimskringla), когда Хроллауг «скатился на сиденье ярла»²; смысл сидения на кургане будет обсуждаться позже³.

Конечно, величайшим праздником для всех подданных была передача титула конунга; но уважаемые люди Исландии могли устраивать

поминки по своему усмотрению; в *Саге о людях из Лососьей долины* (Laxdæla Saga, XXVII) есть описание детально продуманного поминального пира, устроенного сыновьями Хёскульда по своему отцу, проведённого по замыслу Олафа, который был уверен, что отцу следует оказать подобающую честь. Пригласили всех известных людей, и в саге сказано, что собралось почти одиннадцать сотен гостей и что не было подобной тризны в Исландии со времён сыновей Хьялти, о которых *Книга о Взятии Земли* (Landnámabók) сообщает⁴, что на ней было свыше четырнадцати сотен гостей. Важных гостей всегда провожали с подарками. Пир мог быть проведён сразу после положения в курган, как два описанных в *Саге о Гисли* (Gisla Saga)⁵, или, как в случае тризны Хёскульда, несколько месяцев спустя. Если не было наследовавших покойному детей, тризну мог провести брат, и в процитированном выше отрывке из *Саги о людях из Сварвадардаля* (Svarfdæla Saga)⁶ интересно обнаружить, что таков был священный долг по крайней мере одного из братьев.

Что же тогда явилось исходным мотивом этого обычая? Звучала ли там идея, что благополучие мёртвых зависит от проведения тризны по ним? Мы знаем, что в честь покойника говорились висы, в знаменитой сцене из *Саги об Эгиле* (Egils Saga, LXXVIII) дочь Эгиля предполагает,

1 Ynglinga Saga, XXXVI.

2 Heimskringla: Haralds Saga Hárfagra, VIII.

3 См. стр. 72/105 ниже.

4 Lndn. III, 9, p. 145.

5 Gisla Saga, XIV, XVII, XVIII.

6 См. стр. 26/36 выше.

что отец должен написать поэму и прочитать её на тризне по своему сыну. Так была создана поэма *Утрата сыновей* (Sonatorrek), и она содержит чёткие указания на некую будущую жизнь вместе с богами. Высказывалось предположение, что за этим может стоять влияние христианского учения о бессмертии, так как Эгиль, безусловно, должен был общаться с христианами в своих путешествиях⁷. Это действительно может быть так; с другой стороны, интересно отметить, что в эпизоде из *Саги о Хаконе Добром* (Hákonar Saga Góða, XXXII) Снорри говорит о похоронах конунга: «На его могиле сказали то, что по обычаю язычников говорят, провозжая в Валгаллу». Можно также отметить, что темой *Речей Хакона* (Hákonarmál) и *Речей Эйрика* (Eiríksmál) — скальдических стихов X века — является пришествие конунгов в Валгаллу; могло ли это быть поздним развитием некогда устоявшейся традиции, и если так, то выражено ли влияние христианства в стихах Эгиля в сдержанности, с какой он отражает тему будущей жизни, либо в кратких намёках на неё? В то же время можно вспомнить изложенное в *Саге о Людях с Песчаного Берега* (Eyrbyggja Saga, LIV) поверье о счастливом предзнаменовании: если утопленники появлялись на собственных поминках, то был знак, что их хорошо приняла Ран.

Среди знати, а в более поздние времена — среди **всего** населения, похороны совершенно не выглядят угнетающими людей, например, свадебный банкет в доме Ауд в *Саге о людях из Лососьей долины* (Laxdæla Saga, VII) превратился в погребальный пир в её честь. Такое чествование видится привилегией того, кто оставил наследникам богатство или высокий статус, либо особо любимого почившего сына или брата, у которого нет наследников. О бедных и незнатных людях с небогатым имуществом подобных записей нет.

⁷ N. Kershaw. *Anglo-Saxon and Norse Poems* (Cambridge, 1922), p. 133.

В описании поминальных пиров и почестей, оказываемых умершим, есть некоторые противоречия, которые проявились в литературе. В Исландской практике пир, видимо, считался последним знаком уважения, оказываемым тем, кто обитал в могиле, поскольку таким было ведущее представление о судьбе всех, лежащих в курганах. Порой описываются такие эксцентричные обычаи на похоронах, как вынос трупа через пролом в стене вместо двери, например, при погребении старого Скаллагрима в *Саге об Эгиле* (Egils Saga, LVIII) или Торольва в *Саге о Людях с Песчаного берега* (Eyrbyggja Saga, XXXIII), которые демонстрируют несколько грубоватый метод для обеспечения уверенности, что труп не найдёт дорогу обратно в дом и не станет навещать живых, будучи уложенным в могилу. С лёгкостью можно найти параллели среди различных народов на ранней стадии цивилизации; их сколько угодно, например, в коллекции верований о мёртвых Фрэзера *«Вера в бессмертие и почитание умерших»*. Такое представление о смерти вполне согласуется с картиной трупа, стерегущего в кургане свои сокровища. Но когда мы обнаруживаем написанное о конунге Норвегии X века, что на похоронах он был «отправлен в Валгаллу», ясно, что здесь иная концепция — близкая к идее будущей жизни, которую нам придётся связать с поклонением Одину в Швеции. Созданные в X веке на смерть исторических конунгов Норвегии *Речи Хакона* (Hákonarmál) и *Эйрика* (Eiríksmál) невозможно легко согласовать с верой в продолжение существования мёртвых в могиле. Даже если учесть поэтическое воображение и задачу красочного художественного восхваления умерших, трудно постичь, как можно создать и принять картину ухода в другой мир, царство Одина, если в реальности у людей, для которых сочинялась поэма, в те времена либо на недавней памяти не было такого понятия.

Заключение

Данных материалов в целом недостаточно, чтобы убедить нас в однозначной связи конкретного обычая с какой-либо определённой верой; нельзя сказать, что погребальные корабли — доказательство одной веры в будущую

жизнь, кремация — другой, и так далее. Понятно, что в Скандинавии смешались разные верования и обряды, и очень маловероятно, что когда-либо единовременно существовало некое последовательное и ясное вероучение о захоронении

трупов и осмыслении этого. В разных странах, где преобладала устная традиция, одновременно распространялись различные верования, и религиозное подспудно заставляет нас быть к этому готовыми; острова Полинезии, например, представляют собой отличный пример.

Но всё же, я думаю, можно выделить несколько концепций, которые базируются строго на рассмотренном нами материале. Одна из них — что умерший продолжает существовать в курганной могиле, как в доме, и что ему можно принести жертвы и поместить с ним в курган предметы, так что он сможет использовать их, пока там живёт. В таком представлении мертвец сам по себе не страшен; разве что если он при жизни был грозой для других людей — тогда он, скорее всего, станет вмешиваться в их жизнь и после смерти. Эта вера, как видно из данных литературы, бытовала в Исландии в конце языческого периода, когда общепринятым способом утилизации мёртвых было погребение в кургане; а другие обычаи, такие как подготовка обуви для мертвеца, помещение его в корабль или сожжение тех, кто «ходит» после смерти, держались только на памяти о предшествующих верованиях без какого-либо реального смысла за ними.

Как тогда быть с другими верованиями, которые смутно помнили в Исландии? Среди них мы должны отметить практики кремации мёртвых. Если мы кратко пробежимся по их упоминаниям в литературе, результат будет интересен. Снорри объясняет происхождение практики убеждением, что сожжённые со всем своим имуществом уходили, чтобы присоединиться к Одину в Валгалле. Он иллюстрирует это обрядами из похоронных церемоний Одина и Ньёрда и тех из ранних конунгов шведов, о которых слышал. Известно также, что Хаки и Сигурд велели сжечь себя на кораблях, отправленных в море, и о Сигурде говорили, что ветры и пламя унесли его в царство Одина. О Бальдре, сыне Одина, также говорится, что он был сожжён после смерти. В описаниях сожжений Брюнхильд с Сигурдом и Сигню есть упоминания о другой жизни, где влюблённые будут вместе. Следует вспомнить, что интерпретация Линдквистом некоторых неясных стихов *Перечня Инглингов* (Ynglingatal), сопоставленная со списком шведских конунгов, хорошо согласуется с концепцией, обнаруживаемой в только что

перечисленных эпизодах; он считает, что в ряде случаев изначальный текст относится к церемонии кремации и что пламя описывается в качестве посредника, уносящего умершего к Одину, хотя Снорри и даже Тьодольф не в полной мере это осознают. Материал, как в целом складывается впечатление, говорит о наличии более ранней концепции, чем посмертная жизнь в могиле: жизнь после разрушения тела продолжается в каком-то другом месте, когда жизненный принцип — душа, если угодно, — освобождена от тела путём сжигания. Такая вера кажется неотъемлемой частью историй, на которые мы ссылались выше; и это подтверждается отношением русов X века к сожжению их вождя, описанному очевидцем. Два разных понятия, которые, видимо, стоят за жертвоприношением, вписываются в обе эти концепции. Практикующим кремацию недостаточно просто смерти, чтобы освободить бессмертную ипостась, следовало уничтожить и материальное тело, и материальные блага; и факт, что в Исландии сжигали тех, кто не успокаивался в могиле, вполне может оказаться последним отголоском этой веры.

Литературная традиция в *Саге об Инглингах* (Ynglinga Saga) поддерживает связь между этими верованиями о трупосожжении и поклонением Одину. Она также предполагает, что эти убеждения были связаны, в частности, с лицами королевской крови, поскольку они сохранились именно в обычаях, касающихся князей и военачальников. Показательно представление Одина в литературе как бога конунгов и знати, в отличие от Тора, чьи черты ближе к простым людям. В скальдических стихах он видится принимающим конунгов в своих палатах; в *Песне о Харбарде* (Hárbarðsljóð, ст. 24) сказано, что павшие в битве люди благородных кровей принадлежат Одину, тогда как Тору — род трэлей (рабов); и точно так же в удивительном и живом рассказе о совете богов в *Сагах о Древних временах* (Fornaldar Sögur)⁸ делается такое же различие между ними, ибо помимо дарования поэтического вдохновения и победы в бою Один награждает своего протеже Старкада навыком получения благосклонности знатных людей, тогда как Тор, чтобы не отставать, в ответ лишает того доброго отношения простонародья.

⁸ Gautreks Saga, VII. Cf. Chadwick, *Heroic Age* (Cambridge, 1912), p. 395f.

Заметим также, что шведские конунги согласно источнику, которым пользуется Снорри, ведут происхождение от Одина. Из литературы складывается впечатление, что представление о кремации покойников никогда не было широко распространено в Скандинавии, однако оно было энергичной, возможно, фанатичной верой в ограниченном кругу и, оставив свой след в некоторых наиболее впечатляющих литературных сюжетах, исчезло, позволив иным концепциям о посмертной жизни в могиле и мире под землёй развиваться их собственными путями и способами, которые нужно будет обсудить в дальнейшем, когда мы подойдём к вопросу о культе мёртвых и вере в перерождение.

С другой стороны, кажется, что практика погребальных кораблей никогда не представляла в Скандинавии какого-то единого выдающегося верования. Возможно, в эпоху Великого переселения народов идея путешествия на корабле в земли мёртвых имела какой-то реальный смысл, и, как нам кажется, свидетельства археологии дают некоторые основания полагать, что данное представление пришло на Север в гораздо более ранние времена, в конце бронзового века; такая концепция обнаруживается и в литературной традиции. Но выглядит гораздо более вероятным, что в эпоху викингов погребальные ладьи появились в Скандинавии и были восприняты в качестве практики, потому что погребение или кремация в корабле легко связалась с уже существующими представлениями. Как мы видели выше, веру в жизнь в ином мире после уничтожения материального тела и имущества можно

очень легко расширить до веры в необходимость путешествия в страну мёртвых. Более того, когда мы встречаем идею о ветре, раздувающим пламя и ускоряющем путь мёртвых в иной мир, легко увидеть, как она, связанная с практикой использования судна в качестве гроба, может в результате найти свою дорогу в литературу в таком ритуале, как при смерти Хаки; вероятно, помимо Снорри были и другие, кто счёл эти эксцентричные идеи о будущем мире за гранью понимания, когда взялся записывать их в более поздние времена. К тому же вера в загробную жизнь в могиле, где мертвец всё ещё ценит имущество, делает естественным сохранение судна за человеком, который только им в жизни и владел. Понятия о необходимости смерти жены, если умирает муж, и о предоставлении мёртвому колесницы и лошадей или обуви, по-видимому, принадлежали первоначально к концепции жизни в ином мире, а затем были перенесены на следующую идею продолжения жизни в земле, к которой могли быть легко адаптированы. Конечно, практика убивать королеву, связываемая с конунгами Швеции X века, вряд ли сохранилась бы, если б не оставалась горячая и живая вера в продолжение жизни отдельно от тела.

Но в этом месте представляется необходимым отойти от материалов о похоронных обычаях, чтобы начать новое исследование — идей, связанных с будущей жизнью, которые обнаруживаются в литературе, и особенно — связанных с Одином, к чему мы неизбежно придём.

Продолжение следует...

Урсула ДРОНКА (с)
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)
[https://
northern.thesaurusdeorum.com](https://northern.thesaurusdeorum.com)

Хар: имя Одина

ХАР — имя Одина, не встречающееся в других эддических песнях, но часто <рис 1> употреблявшееся в скальдической поэзии X века в кеннигах пива/меда и битвы: *at Hárs líði*, «ради влаги Хара» («Перечень Халейгов» 1/2); *at Hárs veðri*, «ради бури Хара» (там же, 1/7); *Laufa veðr ... lifköld, Hárs drifu*, «бури мечей ... студящие жизнь, [в] метели Хара» («Недостаток золота» 10/3–4); *rómu / Hárs við Högna skúrir*, «в реве / Хара против ливней [стрел] Хёгни» (там же, 34/2–3). Из всех этих случаев только в строке 11/4 «Недостатка золота» размер требует двусложной формы (возможно, **Haárs?*); обращает на себя внимание попытка одного переписчика использовать двусложный вариант (*Skjald A 1.125*), но недостающий слог может быть восполнен и за счет предлога. Однако в более поздних скальдических текстах двусложная форма требуется чаще (см. также LP s.v. *Höárr*, хотя там же отмечено, что это имя всегда пишется через *á*: *Hárs*). В ПВ 21/5 опять-таки требуется двусложная форма. Единственное зафиксированное значение слова *hárr* — «седовласый» (ср. др.-англ. *hār*, др.-верх.-нем. *hēr* с дополнительным значением «благородный, великолепный»). Этот эпитет хорошо согласуется с эддическим образом Одина, которого называют *inn aldni*, «старый», *Hárbarðr*, «Седая Борода», *fimbulpulr*, «Великий Тул (Мудрец)», подразумевается «убеленный сединами мудрости» (ср. «Речи Высокого» 134: *at hárum pul*, «над седым стариком»; «Речи Фафнира» 34: *inn hára pul*, «тула седого»).

С другой стороны, в афористической традиции Старшей Эдды отчетливо сформировалось имя Одина с корнем *Há-*, означающее «высокий»: *Hár* или *Hávi* (сильная и слабая формы имени прилагательного). *Hár* встречается только в списке имен Одина в «Речах Гримнира» 46 (ср. также *Jafnhár*, «Равновысокий», в строфе 49), но *Hávi* предстает в «Речах Высокого» (*Hávamál*) как альтер эго Бельверка (*Bölverkr*, «Злодей») — коварной, трикстерской ипостаси Одина, в доме которого — *Háva höllo í*, «в чертоге Высокого» — можно постичь многие тайны и получить мудрые советы («Речи Высокого» 111/7–8; ср. иронию, скрытую в строках 109/3–5¹).

С Одином как действующим лицом под именем *Hárr*, *Hár* или *Hávi* в именительном падеже мы не сталкиваемся (*Hávi* встречается только в «Списках имен» IV jj 4). Это его «притяжательные» имена, в контексте указывающие на связь Одина с поэзией, войной и мудростью. В культовой традиции новое имя божества могло возникнуть в любой момент — будь то вследствие синкретического слияния с другими божествами, ради выделения какой-либо определенной ипостаси или функции или для замещения какого-нибудь старого ритуального имени, значение которого забылось со временем и стало неясным. Этой последней ситуацией и может объясняться комплекс имен Одина с корнем *Há-*, как предположил Деттер в 1894 году². Один был одноглазым, вследствие чего его часто называли «слабым глазами» (*Bileygr*) или «слепым» (*Helblindi*, *Gestumblindi*). Древнегерманское слово со значением «слепой», произошедшее напрямую от латинского *caecus*, «слепой»,

1 Великаны приходят *Háva höllo í*, «в чертог Высокого», т.е. Одина, спросить о судьбе Бельверка (похитителя меда поэзии), по-видимому, не догадываясь, что это одно и то же лицо. — Примеч. перев.

2 Detter, F., «Hárr». // PBB 18 (1894), 202–203.

сохранилось в готском *haihs*, «одноглазый»; в древнескандинавском ему должно было соответствовать *hár* (ср. готск. — *faihs*, др.-сканд. — *fár*, «окрашенный»).

Вполне возможно, что это базовое имя, связанное с основополагающей характеристикой солярного божества (каковым был один из прототипов Одина), вдохновило поэтов на игру слов и использование таких омонимов, как *Hárr*, «Седовласый» и *Hár/Hávi*, «Высокий», обозначающих другие свойства бога Хара, слепого на один глаз. Стоит отметить, что «высокое» — естественный и чисто технический эпитет солнца: *Mun nú vera sólin svá há, at Ásbjörn vinr yðarr mun mega hanga?*, «Не достаточно ли высоко встало солнце, чтобы можно было повесить Асбьёрна, вашего друга?» («Сага об Олаве Святом», 126). Таким образом, имя *Hávi* в «Речах Высокого» может быть не менее древним, чем *Hár*, «Слепой», и служить указанием на солярную всеохватность Одина, на универсальную сферу его влияния, которая включает в себя и высокую, и низкую мудрость, отраженную в этой эддической песни. Со своего престола Хлидскьяльв он обозревает все миры — а из-под своего глубокого капюшона различает крохотного паучка, у которого «живот над коленом» («Загадки Гестумблинди»). Так что едва ли скандинавы дожидались христианской эпохи, чтобы дать Одину имя *Hávi*.

В самой ранней рукописной версии («Младшая Эдда», рукопись U) в двух скальдических текстах, процитированных выше, — «Перечня Халейгов» 8/2 и «Недостатка золота» 35/3 — вместо *Hárs* употреблен вариант *Hás*. Не исключено, что здесь это генитив единственного числа от *Hár*, «Слепой». Как объяснение более распространенной формы *Hárs* и гипотетической двусложной формы *Haárs*, которую требует стихотворный размер в одном из известных случаев, Деттер предположил, что за ними стояло составное имя со значением «Слепой/Одноглазый Воин», которое он реконструировал как **haiha-hariR*. Второй компонент — со значением «воин» — с уверенностью восстановить сложно, поскольку рунической формы его не сохранилось, а во всех возможных аналогах реконструкции препятствует синкопа (ср. *Einarr* от **aina-harjaz*³).

Источник: «Прорицание вёльвы.

Книгу можно купить вот здесь:

<https://thesaurusdeorum.com/product/ursula-dronke-proriczanie-vyolvvy-tekst-analiz-kommentarii/>

3 AEW, s.v.

4 Полезный анализ проблемы см.: See, K. von, «Probleme der altnordischen Spruchdichtung».

Эдред ТОРССОН
Перевод: Дмитрий ДАММЕР

A Book of Troth

Мы продолжаем печатать перевод исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29-44 номерах «Северного ветра». Текст печатается с сокращениями.

Глава XXVII

Работа в клане

Истинный клан может основать группа людей, которые желают чтить богов и богинь Севера. Описанных в этой книге ритуалов и практик более чем достаточно для основания клана.

Из этой главы вы узнаете о церемониях основания клана и о том, как эффективно открывать и закрывать собрания клана. Каждый клан — хирд и гирд — вправе сам разрабатывать необходимые ритуалы. Мы всячески приветствуем подобный подход и предлагаем здесь лишь общие рекомендации.

У каждого клана должен быть свой священный объект. Если кланом управляет жрец или жрица, чаще всего таким предметом выступает кольцо либо камень, или иной символический объект, означающий целостность клана. Этот объект устанавливают на алтаре всякий раз, когда клан собирается или проводит работу. На этом объекте также эффективнее всего приносить клятвы. Очень хорошо, если у клана есть свое имя, вымышленное либо относящееся к его географическому расположению (например, клан Остина).

Основание клана

Чтобы основать клан, следует получить общее благословение богов и богинь. На этапе Наставления глашатай объявляет, что целью ритуала является основание нового клана, после чего он произносит все, что считает нужным сказать о клане

и его членах. В том числе глашатай произносит: «Этим алтарем и (называет священный знак клана) мы объявляем о появлении нового клана» (произносит имя клана).

Открытие собрания клана

Естественно, клан может собираться по разным поводам и в разных случаях, в том числе не проводя формальных благословений или *sympel*. Однако для сохранения сакральности происходящего краткое благословение все равно необходимо. Собравшиеся осеняют себя знаком молота, глашатай обращается к северу в позе руны Тиу и произносит:

*«Богам высшим слава, спешащим к нам с севера.
К вам мы взываем, о духи волшебные,
Деяния наши ныне собой освятить.
Словам этим Тиу внимает,
Хрофт силу дает,
Тунар оберегает,
Фрейя и Фрей вольную мысль даруют!»*

(В этот момент ритуала присутствующим раздают священный напиток и все прославляют богов. Открытие всегда завершают следующей фразой: «*Да будут мудры слова наши и крепок наш дух!*» или «*По праву мы собрались здесь, в благости Трота ныне расходимся мы по домам в здравии и мудрости.*».)

Клятва клана

Каждая клятва формулируется для каждого клана индивидуально, и приносить ее следует на священном знаке клана. Если клан возглавляет годи или гидья, клятву приносят на его/ее кольцо. Ниже мы приводим пример клятвы клана Остина примерно 1980 года:

«На этом кольце я клянусь именами всех богов и богинь высоко вознести знамя ворона, всеми силами помогать росту и благополучию клана и всех членов его. Клянусь именами Туу и Водана!»

Наставление глашатая

(Особое напутствие новому члену клана, выражающее надежды глашатая в отношении этого человека и его предназначения в клане)

Личная клятва

(Новый член клана сочиняет этот текст и произносит его вслух, выражая свою волю в отношении клана, объясняя выбор именно этого клана и обещая принести ему пользу).

После этого происходит благословение или symbel для прославления нового члена клана.

Глава XXIX

Великие благословения в трот

Колесо Года

Великое Благословение на Зимние Ночи (13–15 октября)

Благословение Дисов

Алтарь устанавливают стандартным образом. Ритуал проводит женщина-старейшина клана либо гидья («жрица»); ритуальным напитком служит эль или пиво.

Освящение

Алтарь осеняют знаком молота, после чего глашатай произносит: «Этим знаком алтарь освящен для работы. Подобно тому, как Хеймдалль стережет мост Биврёст, так и этот алтарь огражден от всего нечистого».

Чтение

Прорицание Вельвы из Старшей Эдды.

Наставление

Глашатай встает, простирает руки в стороны и произносит:

*«Слава вам, Иды священные, Алтарные Дисы!
Наш клан берегите.
Могучие древние матери,*

*Мысли наши к себе обратите,
Пусть смех ваш звучит в эти зимние ночи!»*

Зов

Глашатай опускает руки, поворачивается к собравшимся и произносит:

«Сегодня мы празднуем Зимнюю Ночь и к дисам нашего клана взываем. Много имен у них, великих матерей рода нашего, что вдохновляют нас на смелые деяния и помогают рождать земле нашей!

О иды, жены чудесные, к вам мы взываем:

*Йоди лошадей,
Хьорди меча,
Вальди павших,
Вигди битвы,
Асди асов,
Ирмунди боя,
Херди хозяев!»*

Зарядка

Вновь обратившись лицом к алтарю (на севере), глашатай наливает эль в рог или другой сосуд для питья и, подняв его вверх, произносит:

«Этот эль, с почтением смешанный, даруем мы вам, о могучие матери!»

Осушение рога

После этого рог вручают каждому из собравшихся. После того, как половина содержимого рога выпита, глашатай выливает оставшуюся

часть в благословляющую чашу. Когда участнику вручают рог, он/она осеняет напиток знаком молота и произносит пожелание на грядущий год.

Благословление

Когда процесс передачи рога завершен, глашатай становится перед алтарем и, осеняя знаком молота центр чаши, произносит:

«Этот эль освящен дисами клана и нашего рода».

Глашатай трижды обходит алтарь по часовой стрелке, окропляя его элем с помощью веточки вечнозеленого дерева, произнося:

«Во имя всех дисов ушедших и идов прекрасных!»

Затем глашатай окропляет членов клана, вслед за ними остальных добрых людей традиции Трот. Если кто-то из собравшихся не имеет отношения к Троту, окроплять их не нужно.

Подношение

Глашатай берет с алтаря чашу, указывает ею на север и выливает содержимое чаши на землю со словами:

*«Мужчины и женщины священные матери,
Чудесные Одина дочери,
Для вас этот эль!»*

Окончание

Глашатай вновь возвращается на свое место перед алтарем, обращается на север с поднятыми руками и произносит:

«От этих ночей к Двенадцатой Ночи Йоля стены между мирами дисов и людей становятся тоньше — пусть же мудрость этих женщин чудесных станет сегодня известна всем! Пойдем же вперед и обретем счастье, ибо год еще юн!»

Благословение Альвов

Кроме Благословения Дисов в Зимние Ночи также совершают Благословение Альвов. Процедура в целом идентична описанной выше, кроме пунктов 3, 4, 5, 8 и 9.

3. *«Мы приветствуем Альвов священных,
Берегущих наш клан,
Старцы могучие, мысли наши к себе обратите!»*

4. *«Сегодня празднуем мы Зимнюю Ночь и взываем к древним альвам нашего клана. Много имен у вас, о старейшины рода, ведущие нас к великому знанию и полям плодородным.*

О, Светлые Альвы вверху и Темные Альвы внизу — к вам мы взываем!

К нам вы спуститесь на луче своем свыше! Поднимитесь к нам из глубин!»

5. *«Эль этот, с почтением сваренный, приносим мы вам, чудесные духи земли и воздуха, вам, о прекрасные альвы!»*

8. *«Этот эль посвящен альвам клана!
Всем альвам прекрасным, тем, кто во тьме обитает,
И тем, кому близок свет!»*

9. *«Всем альвам прекрасным и мудрым старейшинам,
Духам чудесным земли,
Этот эль мы приносим!»*

«От этих ночей к Двенадцатой Ночи Йоля стены между мирами дисов и людей становятся тоньше — пусть же знание светлое и темные грезы станут доступны всем в эти дни! Пойдем же вперед и обретем счастье, ибо год еще юн!»

Продолжение следует...

Ричард ФЕЙХИ,
Университет Нотр-Дам
Перевод:
Ульф ГУННАРССОН

Грендель, ужасный людоед из «Беовульфа»

Страничка переводчика:
https://vk.com/svart_ulfr

Одно из самых известных чудовищ Средневековья, Грендель, ужасный людоед из «Беовульфа», часто рассматривается как средневековый вампир, несмотря на то, что древнеанглийские поэмы, похоже, не были широко известны в викторианскую эпоху, когда роман ужасов стал набирать популярность.

Хотя первое издание «Беовульфа» было подготовлено в 1815 году Гримуром Йонссоном Торкелином, который перевел поэму на латынь (ранее, в 1786, он побывал в Англии и сделал с поэмы список), ее влияние на готическую литературу довольно сомнительно.

Некоторые стихи из «Беовульфа» были переведены на современный английский язык в 1805 году, а в XIX веке было создано девять полных переводов, в том числе перевод Уильяма Морриса, но только после начала XX века появилось множество переводов, что сделало «Беовульфа» доступным для публики и привело к росту интереса к древнеанглийской поэзии, который и помог «Беовульфу» утвердиться в качестве центрального произведения литературы данного периода.

Тем не менее, когда лорд Байрон, Джон Полидори, Джон Стэгг и Брэм Стокер вносили свой вклад в развитие стереотипов, на которых строятся современные представления о вампирах, они сознательно и открыто обращались к наследию «Темных веков». Часто эти авторы ссылались на неопределенные древние предания и легенды, пытаясь связать свои сюжеты

с мифологически (если не исторически) достоверным прошлым, в котором возможны чудовища и магия. Эти возможности распространяются и на настоящее, поскольку готические монстры проникают из глубины веков в современность, чтобы преследовать смертных. Вампиры, как и многие другие чудовища, обычно понимаются как анахронизм, способный существовать сейчас только потому, что он существовал «когда-то», не завися от современных представлений и реалий.

Многие из викторианских авторов обращаются к Средневековью, чтобы создать своих монстров — вампиров, иногда даже прибегая к историческим персонажам, таким как Влад III (более известный как Влад «Цепеш»), вдохновивший на написание «Дракулы» Брэма Стокера. Но вряд ли бы кто-то стал заимствовать напрямую героя древнеанглийской поэмы.

Так почему же Грендель считается вампиром? Есть ли какие-либо доводы, подтверждающие этот тезис?

Хотя по поводу фигуры Гренделя не утихают жаркие споры, и многие не видят никакого сходства между средневековым чудовищем и викторианским вампиром, есть один отрывок, который служит основным источником для ассоциации Гренделя с вампирами.

Вот он:

*И там, в палатах,
завидев стольких
героев-сородичей,
храбрых воителей,
спящих по лавам,
возликовал он;
думал, до утра
душу каждого,
жизнь из плоти,
успеет вырвать,
коль скоро ему
уготовано в зале
пышное пиршество.
(После той ночи
Судьба не попустит —
не будет он больше
мертвить земнородных!)
Зорко высматривал
дружинник Хигелака
повадки вражды,
стерег недреманный
жизнекрушителя:
чудище попусту
не тратило времени!
Тут же воина
из сонных выхватив,
разъяло ярое,
хрустя костями,
плоть и остов
и кровь живую
впивало, глотая*

*теплое мясо;
мертвое тело
с руками, с ногами
враз было съедено.*

© Перевод с древнеанглийского
В. Тихомирова

Чаще всего акцент делается на каннибализме Гренделя, упомянутом в отрывке. Немногие современные адаптации «Беовульфа» — от «Пожирателей мертвых» Майкла Крайтона (1976) до «13-го воина» Джона Мактирнана (1999), основанного на адаптации романа Крайтона, до «Беовульфа и Гренделя» Стурлы Гуннарссона (2005), «Беовульфа» Роберта Земекиса (2007) или даже адаптации поэмы каналом Cartoon Network в сериале «Время приключений» («Дикая охота») (2018) — не придают особого значения тяге Гренделя «blod edrum drincan» «пить кровь из вен», несмотря на то, что поэма описывает этот вампирический акт в жутких подробностях.

Хотя в большинстве адаптаций «Беовульфа» больше внимания уделяется поеданию плоти, а не питью крови, параллели между вампирами и Гренделем не остались незамеченными, и он порой упоминается в классификации типов вампиров — например, когда речь идет о свирепом и звероподобном Гангреле, известным связью с «внутренним Зверем», ассоциирующимся со средневековой Скандинавией и жадным до горячей крови героем популярной ролевой игры «Vampire: the Masquerade». Кроме того, связь Каина с вампиризмом часто выводится из

его роли прародителя Гренделя и всех чудовищ из «Беовульфа».

Гренделя, возможно, не следует считать «настоящим» вампиром в техническом понимании этого термина. Более того, характеристика Гренделя в «Беовульфе», очевидно, не повлияла на представления о вампирах, сложившиеся до того, как древнеанглийские поэмы стали общеизвестными. Тем не менее образ чудовища, преследующего людей по ночам, появляющегося из темноты и, самое главное, высасывающего кровь из вен своей жертвы, характеризует Гренделя как «близкого родственника» современных вампиров, которые разделяют его любовь к темноте, часто обладают способностями к перевоплощению и точно так же питаются человеческой кровью.

Из всех ужасающих сцен «Беовульфа», активизирующих то, что Майкл Липидж назвал «психологией страха», ни одну нельзя сравнить со сценой приближения Гренделя из ночи, сквозь болото, и появление его в Хеороте. Переводы и адаптации «Беовульфа» подходят к Гренделю по-разному — от подчеркивания его монструозности как «великана» и «тролля» до более гуманистических трактовок, которые фокусируются на его статусе «несчастливого человека».

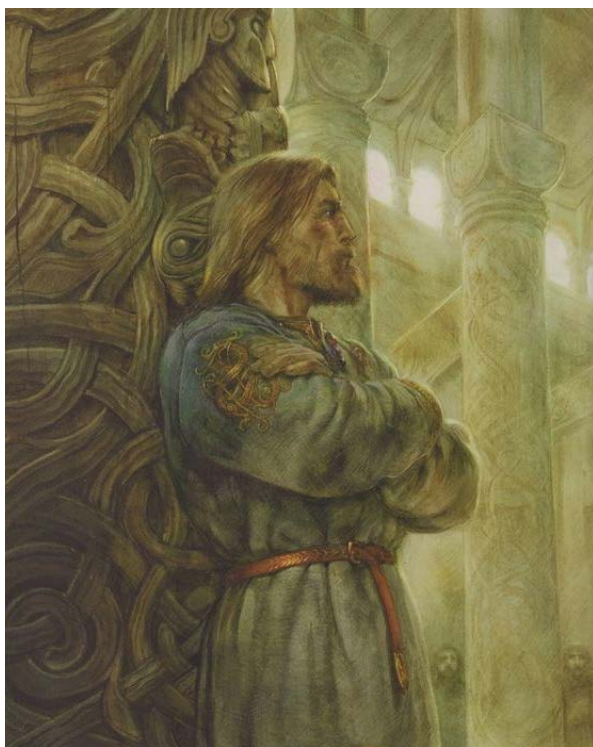

Эта сцена подробно исследована в научной литературе, и Кэтрин О'Брайен О'Кифф отмечает, что, когда монстр наконец входит в зал, со стороны очевидцев возникает потенциальный «ужас узнавания», когда они идентифицируют Гренделя как человека.

В этой статье мы сосредоточимся на древнеанглийском поэтическом языке и на том, как Грендель меняет форму по мере приближения к Хеороту, подходя к чертогу все ближе и преобразаясь в соответствии с пространством, в котором он обитает. Я рассмотрю три основных этапа его приближения, о которых сигнализирует трижды повторенный глагол *com* «он пришел» (703, 710, 720), и поразмышляю над тем, как Грендель описывается на каждом этапе своего путешествия.

В первом отрывке говорится, что Грендель *com on wære niht* «пришел темной ночью» (702), и он характеризуется как *sceadugenga*, то есть «shadow-walker» (703): либо «идущая тень», либо «тот, кто идет в тени» (оба варианта возможны в зависимости от поэтического контекста). Его движение описывается как *scridan* «скольжение» (703), что еще больше подчеркивает его образ как чудовищной тени. Позже, когда Грендель назван *synsaða* — либо «неумолимый», либо «грешный опустошитель» (707), в зависимости от того, как интерпретировать полисемичный древнеанглийский *syn*, — чудовище описывается как утаскивающее людей во мрак, что делает Гренделя ужасом в ночи, фигурой, окутанной тьмой. Действительно, когда Грендель появляется из ночной темноты, рассказчик описывает его как таящегося в тенях монстра, который охотится на людей и преследует их после заката.

Во втором отрывке, когда чудовище *ða com of more under misthleorum* «из топей сумерных по утесам туманным» (710) выходит из болота, автор поэмы называет его по имени: Грендель (711). Я представляю себе силуэт чудовища в тумане — возможно, антропоморфный — соответствующий его описанию *manscaða*, которое обыгрывает полисемию древнеанглийского *man*, означающего либо «преступник», либо «человек». Аллитерация в строке 712, по-видимому, подчеркивает возможность интерпретации *manscaða* и как «губителя людей», и как «губителя в обличье человека», поскольку

manscaða аллитерирует с предполагаемой добычей монстра, *mappa sunn* «родом людским» или «человечеством» (712).

Туман, поднимающийся с болот, продолжает заслонять зрителям обзор, поскольку Грендель *wod under wolcnum* «шагает под тучами» (714), поддерживая напряжение, возникающее в сцене, приостанавливая постижение природы чудовища. Тем не менее на втором этапе путешествия облик Гренделя, кажется, становится более четким: из *sceadugenga*, «ходящего в тени» (703), он превращается в *manscaða* — «злобного, человекообразного, пожирающего людей» (712).

В третьем отрывке монстр врывается в чертог, и зрители наконец-то узнают, что представляет собой Грендель: *ginc dreatum bedæled* «ратобиец злосчастный» (720–21). Во время последнего этапа путешествия человечность Гренделя обнажается, что, как отмечает О'Брайен О'Кифф, позволяет Беовульфу признать в Гренделе человека, после того как чудовище появляется в дверях зала.

На протяжении следующих двадцати строк, помимо Гренделя (720), термин *ginc* повторяется: дважды в отношении гетской дружины в целом (728, 730), один раз в отношении спящего человека, которого пожирает Грендель и которого, как читатель узнает позже, зовут Хондсио (741), и один раз в отношении самого Беовульфа (747). Это

многократное использование *ginc* — «человеческий воин» — подчеркивает, что Грендель выступает своеобразным зеркалом для героя и гетских воинов, характеризующихся в идентичных терминах.

Аналогично, когда Грендель приближается из тени, Беовульф описывается как *bolgenmod* «разъяренный» и гневно ожидающий битвы (709); однако, как только чудовище прибывает в зал, Грендель становится *gebolgen* «исполненным ярости», готовым наброситься на спящих внутри мужчин (723). В этом параллельном описании переплетаются соответствующие эмоции и поведение героя и чудовища.

Взаимодействие между героем и чудовищем продолжается, когда Беовульф и Грендель сражаются, оба называются *gefe renweardas* — «борцами распаленными» (770) — и *heaðodeoge* — «отважными в битве» (772) — во время их эпического поединка, который едва не разрушает зал Хеорота. Объединение героя и чудовища в общность субъекта и объекта соответственно подчеркивает их взаимную близость: пиршественный зал должен противостоять ярости обоих воинов, и каждый из них — страшный, но самоуверенный завоеватель, который намерен одолеть любого врага, с которым столкнется.

Мы знаем, что это последний шанс Гренделя посетить Хеорот, и чудовище, по крайней мере, получает возможность полакомиться человечинной — на этот раз одним из воинов самого Беовульфа. К несчастью для Гренделя, герой вступает с ним в схватку, и после относительно короткой борьбы чудовище оказывается смертельно ранено и отступает, чтобы умереть в своем болотном убежище.

Естественно, за этим следует месть. К несчастью для датчан, и особенно для лучшего тана Хродгара — Эскхере, зрители вскоре узнают, что у Гренделя есть мать, и каждый, кто посягнет на ее отпрыска, должен будет иметь дело с ней... ❖

О новом альбоме группы Týr — «Battle Ballads»

Анастасия ЗИМОВА

12 апреля 2024 года классики фарерского викинг-металла Týr выпустили новый альбом под названием «Battle Ballads» (Боевые баллады). Специально для нашего журнала лидер группы, гитарист и вокалист, а также автор большинства песен Хери Йонсен согласился поподробнее рассказать о некоторых песнях и работе над альбомом.

В целом сразу же можно сказать, что альбом получился именно таким, каким его представляли фанаты в своих ожиданиях. Это мощные металлические хиты с текстами как на английском, так и на фарерском языках. В центре внимания, как всегда, эпоха викингов и её культурное наследие.

Одним из самых заметных хитов альбома стала песня «Dragons never die» (Драконы никогда не умирают). Она также была выпущена в качестве сингла перед выходом альбома. Большинство фанатов по достоинству оценило песню, однако некоторые комментаторы поспешили

SB *Что послужило основным источником вдохновения для создания альбома? Как в плане музыки, так и в плане текстов песен.*

Хери Йонсен:

Фарерские и в целом скандинавские мифы и легенды стали основой для текстов. А вдохновение для музыки черпалось из самых разных источников. В основном это была фарерская народная музыкальная традиция, но не обошлось и без влияния со стороны классиков хэви-металла. Например, мелодий шведского гитариста Ингви Мальмстина.

обвинить группу в попсовости и выразили опасение, что старый Туг закончился. Действительно, это довольно прямолинейная песня без сложных мелодических решений, которыми, например, изобилует ранний альбом группы под названием «Ragnarok», однако после выхода альбома целиком стало ясно, что данная претензия не имеет под собой оснований. В новом альбоме по-прежнему хватает старого доброго прогрессив-металла, а данная конкретная песня сознательно сделана более простой с прицелом на то, чтобы стать концертным хитом. На это явно указывает распевка, которую дружно будут подхватывать фанаты на концертах с первых же нот. Текст же песни и её замысел оказались совсем не так просты, как музыкальная составляющая.

*Long ago and far away a lindwyrm lay
upon his hoard
No spear or sword could scratch a scale
Some gilded tale drew lads and lords
Enticed towards enormous hoards high on gold
And I too would want to try
The lindwyrm I will defy
But one look into his eye
I knew, dragons never die*

*Давным-давно, далеко-далеко,
на кладе лежал дракон.
Ни копье, ни меч не пронзят чешую.
Сказки о золоте манили и богачей, и бедняков.
Соблазн был велик, и я тоже хотел
попытать счастья
И бросить вызов змею.
Но стоило лишь взглянуть ему в глаза,
И я понял: драконы никогда не умирают.*

С Следующий вопрос о песне «Dragons never die». Название удивляет, ведь драконы как раз очень даже умирают в скандинавской мифологии. Побездены и Фафнир, и Йормунганд, и Беовульф удаётся убить дракона... В чём же идея песни?

Хери Йонсен:

Не могу не согласиться с этими аргументами. Моя задумка в отношении текста была совершенно иной. История Сигурда победителя Фафнира не может использоваться как национальный миф. Когда Сигурд убивает Фафнира и забирает золото себе, он превращается в следующего тирана. Затем его, в свою очередь, самого убивают из-за зависти и соперничества. Итак, драконы никогда не умирают в том смысле, что если ты убиваешь дракона и забираешь всё золото себе, то ты сам ничуть не лучше того, кого ты только что убил. В эту историю нужно добавить акцент на жертву ради общего блага, чтобы её можно было использовать в качестве основополагающего национального мифа. Такова моя точка зрения.

Разумеется, альбом не мог обойтись без коронного номера коллектива, а именно фарерской народной баллады в металлической обработке. На этот раз группа выбрала для переработки балладу под названием «Torkils dǫtur» (Дочери Торкеля). Самые внимательные фанаты группы уже могли услышать её на концертном альбоме группы с симфоническим оркестром «A night at the Nordic House» 2022 года, однако там была представлена сокращённая версия — меньше трёх минут и всего с двумя куплетами оригинального текста. Нынешняя версия уже значительно длиннее.

§ Хочу спросить про балладу «Torkils dǫtur». Почему выбор пал именно на эту балладу? Связан ли её сюжет каким-то образом с другой балладой, которую группа исполняла ранее — «Turið Torkilsdóttir» (Турид дочь Торкеля)?

Хери Йонсен:

Конечно, я понимаю, почему может возникнуть такое впечатление, но нет — эти сюжеты не связаны друг с другом, речь идёт о дочерях двух разных Торкелей. В тексте «Turið Torkilsdóttir» рассказывается о дочери Торкеля из «Саги о фарерцах» по имени Турид, что была женой героя Сигмунда Брестиссона. А про того Торкеля, что является отцом дочерей в балладе «Torkils Dǫtur», толком почти ничего не известно, это просто какой-то полупоупендарный персонаж. Причина, по которой я выбрал именно это балладу, заключается в том, что на самом деле я уже очень давно работал с ней, но никак не мог найти ей применение. На моём личном ютуб-канале я несколько раз использовал эту мелодию в качестве интро к видеороликам¹. Потом как-то раз во время гастрольного тура я попробовал спеть её на сцене и затем решил повторить этот номер во время нашего концерта с симфоническим оркестром. И тогда понял, что пора уже записать полноценную версию и включить в альбом.

Самой первой песней с нового альбома, которую группа представила фанатам, стала Axes (Топоры)². Клип на неё был снят на острове Кольтур на фоне потрясающе красивых пейзажей Фарерских островов и довольно древних на вид строений. Согласно археологическим исследованиям, люди заселили этот остров уже в эпоху викингов в IX—X вв.

§ Клип снят в очень красивом месте. Хотелось бы узнать про него подробнее. Это место имеет важное значение для эпохи викингов?

Хери Йонсен:

Кольтур — один из самых маленьких островов архипелага, но уже в эпоху викингов на нём были основаны два поселения. Место съёмок клипа — это одна из наиболее хорошо сохранившихся древних деревень на Фарерских островах. И люди жили там постоянно вплоть до 1996 года. Однако сейчас постоянных жителей на острове нет, он весь является природным заповедником, и на нём находится исследовательская станция.

¹ Например, здесь: [A short update \(youtube.com\)](https://www.youtube.com/watch?v=Ashortupdate)

² Ссылка на видеоклип: [Týr — Axes \(Official Video\) \(youtube.com\)](https://www.youtube.com/watch?v=Tyr-Axes)

Наконец, не обошлось без лингвистических сюрпризов. В финальной песне альбома прозвучал новый для группы язык! К списку языков, на которых группа исполняла песни на протяжении своей истории — а это, напомним, фарерский, английский, датский, норвежский, исландский, — на этот раз добавилась... латынь! В песне под названием «Causa latronum normannorum» (О северных разбойниках) посреди фарерского текста закрался припев на латыни с цитатами из средневекового описания Фарерских островов. Из него складывается довольно неуютная, мрачная и суровая картина:

Illae insulae sunt aliae parvulae; fere cunctae simul angustis distantes fretis, in quibus in centum ferme annis heremita ex nostra Scotia navigantes habitaverunt, sed, sicut a principio mundi, desertae semper fuerunt; ita, nunc causa latronum Normannorum, vacuae anachoritis, plene innumerabilibus ovibus, ac diversis generibus multis nimis marinarum avium. Nunquam eas insulas in libris auctorum memoratas invenimus.

Это другие, малые острова, почти все они отделены друг от друга проливами. На протяжении ста лет на них часто селились отшельники из Ирландии, но как от начала мира эти острова всегда были безлюдными, так и теперь из-за северных разбойников они опустели и изобилуют бесчисленными овцами и неисчислимым множеством разных морских птиц. Мы не встречаем упоминаний об этих островах в других книгах.

Не могу обойти вниманием песню «Causa latronum normannorum», в которой есть фрагмент на латыни. Что это за текст, и почему вы выбрали именно его? Сложно ли было петь на латыни?

Хери Йонсен:

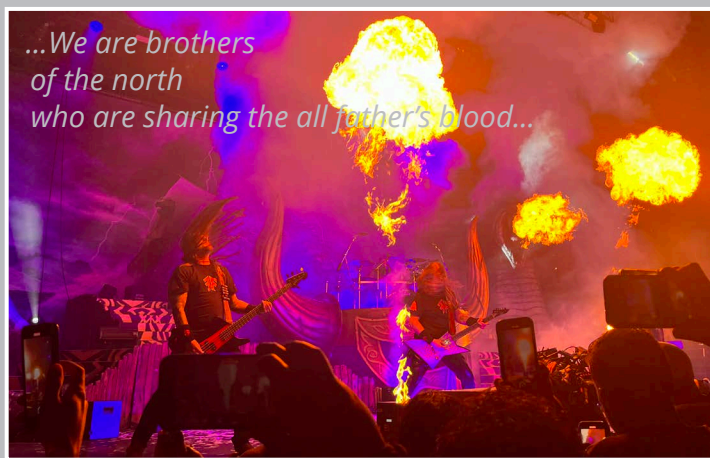
Латинский текст в песне «Causa latronum normannorum» — это цитата из сочинения Дикуила. Дикуил (лат. Dicuillus) — ирландский монах и учёный. В 825 году он написал труд по географии «Описание Земли» (De mensura Orbis terrae), и в этом труде содержится первое письменное упоминание Фарерских островов. В частности, там прямо говорится о морских разбойниках-викингах, заселивших Фарерские острова и изгнавших оттуда кельтских монахов. Мы взяли несколько фраз из этого описания и адаптировали их к мелодии песни. Честно говоря, петь на латыни с фарерским акцентом оказалось довольно легко. Поскольку латынь больше не является ни для кого родным языком, то и критиковать нас, я думаю, некому. Во всяком случае, я постарался сделать свою работу достойно.

Amon Amarth. Live in Anaheim, CA

РАНХИЛЬД

25 мая 2024 года в небольшом калифорнийском городке Анахейм состоялся грандиозный заключительный концерт большого американского тура **Amon Amarth**. Незадолго до начала тура на официальном сайте группы появилось обращение: «Внимание, внимание! Мы готовимся к нашему самому большому и эпическому рейду в истории Северной Америки! Мы превратим ваши города в руины... Ждем вас на концертах, чтобы поднять наши питьевые рога и от души повеселиться как викинги. МЕТАЛЛ ПОБЕДИТ!». Города с честью выстояли, но, надо признать, было действительно жарко. Не являясь последователями Северной Традиции, Amon Amarth дает возможность последователям Северной Традиции собраться вместе и под мощный гроул **Юхана Хегга** восславить наших богов. У нас нет храмов, но есть вот такие концерты, когда больше десяти тысяч человек поднимают свой питьевой рог во славу Тора и Одина. И разрази меня гром, если нас не было слышно в Вальгалле.

HAIL ODIN!

*...Raise your horns!
Raise them
up to the sky!
We will drink
to glory tonight...*

Волшебные исландские сказки

Из сборника Йоуна Ауртнасона

Тексты первоначально опубликованы
на сайте: <https://norroen.info>

Никюр (Предисловие)

Nykur

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ

Редакция перевода, перевод введения и примечания: *Speculatorius*

Однажды дело было так, что бонды из прихода должны были возвести и построить ограду церкви в Барде (другие говорят, в Хольте) во Фльоуте. Рано утром все пришли на эту работу, кроме одного старика; этот человек считался весьма злобным и надменным. Приближался полдень, а старик не приходил, и остальным казалось, что он запаздывает. Около полудня они увидели, что старик идёт и ведёт за собой под уздцы серого коня. Когда старик подошёл, те, кто пришёл раньше, стали бранить его за то, что он опоздал на совместную работу. Старик не проявил горячности и спросил, что ему делать. Сталось так, что его определили в отряд с теми, кто доставлял на двор груз, дёрн и верёвки, и к этому он тоже отнёсся хорошо. Грауни [серый конь] был очень резок и злился на других лошадей, которые караваном возили дёрн, вырывался, стоя позади них, кусал их и лягал, и дошло до того, что перед ним не осталось ни одной лошади. Это показалось перевозчикам большим неудобством, и они сговорились нагрузить его ещё тяжелее, но это ни на что не повлияло. Он шёл с поклажей в полтора

раза тяжелее так же легко, как и раньше, и не прекращал своего прежнего поведения, пока не прогнал всех остальных лошадей, и тогда он остался один. Тогда старик взял этого жеребца, взвалил на него столько, сколько ранее клали на всех остальных лошадей в каждую поездку, и пошёл вместе с ним, и тот тогда был спокоен. Таким образом он на Грауни привёз весь груз на двор. А когда с этой работой закончили, он снял с коня уздечку под только что сложенной церковной оградой и ударил его по заду этой уздечкой, отпуская его. Это не понравилось Грауни, он приподнял задние ноги и ударил обоими копытами в ограду, которую возвели за тот день, и в ней образовалась большая брешь, которую позднее не могли заделать, сколько бы раз ни пытались, пока из неё не сделали ворота для прохода в церковь. А в последний раз жеребца видели, как он резвился, оказавшись на свободе, и не останавливался, пока не добрался до озера Хоульмсватн; тогда все догадались, что это был никюр¹.

«Посланец»

Sending

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ

Редакция перевода: Speculatorius

Женщина сидела на возвышении и занималась своей работой. Она была одна на хуторе, поскольку бонд куда-то уехал, а домочадцы были каждый у себя. Тогда пришёл к ней весьма низкий, но коренастый мальчик. Он спросил, где хозяин, но она не спешила отвечать, ведь мно-

гое заподозрила, а спросила, что тот хочет от него. Мальчик сказал, что должен найти его и найти непременно. Она сказала, что у него не может быть важных дел к нему, ведь он так мал. Мальчик сказал, что может стать больше. Женщина попросила показать это ей. Теперь он начал потихоньку расти, но никак не казался ей достаточно большим, пока не достиг конька крыши бадстовы. Тогда она сказала, что он должен вернуться в прежнее состояние, и затем попросила его показать ей, насколько маленьким он может стать. Он начал непрерывно уменьшаться, пока не стал как воробей. Тогда она взяла склянку и спросила, может ли он настолько уменьшиться, чтобы поместиться в ней. Тогда он превратился в муху и залез в склянку, а она не стала медлить и покрыла её плодной оболочкой. Пришлось парню оставаться там. Когда бонд пришёл домой, жена дала ему склянку и сказала, ему прислали то, что в ней. Он взял склянку и унёс. Никто не знал, что с ней случилось.

У жителей Боргарфьёрда окончание этой истории такое, как здесь говорится.

Когда бонд взял склянку, то обрадовался находчивости своей жены и сердечно поблагодарил её. Затем он отправился со склянкой в кузницу, а бонд был выдающимся кузнецом. Он взял кусок железа, расплющил его и сделал трубку. Внутри этой трубки он поместил склянку вместе с «посланцем» и потом закрыл оба конца у железной трубки. Сделав это, он нагрел железную трубку в горне до кипения и бил своей кувалдой по ней на наковальне. Он продолжал это, пока не счёл, что железная трубка полностью сплавлена и отбита. Тогда он изготовил косу и железо это пустил на её лезвие. Позднее он сам использовал это орудие и считал, что она режет на диво хорошо. Но никому нельзя было прикасаться к этой косе, кроме одного бонда, и он косил ею, пока от неё ничего не осталось. Вот и конец этой истории.

В качестве иллюстраций использованы картины Теодора КИТТЕЛЬСЕНА.

¹ Ср. эту историю с рассказом о происхождении Слейпнира в «Младшей Эдде» («Видение Гюльви», гл. 42), см. также случай с первопоселенцем Аудуном Заикой («Книга о занятии земли», гл. 31).

Сергей ПАГАНКА

Тайна Келлс The Secret of Kells , 2008

Обзор первоначально был опубликован на сайте *Кельтская реконструкция и друидизм — DRUIDISM.RU*

Заметную роль в повествовании играют викинги, показанные как просто некая безликая неостановимая сила. Викингов в фильме невозможно понять, они бурчат на каком-то своём языке, единственное слово, которое можно разобрать, это «золото». Викинги не имеют лиц и особых знаков различия, они просто как безликая волна врагов разрушают всё, до чего доберутся.

Стилистика

Вообще, говоря обо всех работах Тома Мура, часто пишут, что это 2D анимация, зачастую примитивизм, но при этом сложнейшая работа с орнаментами и линиями, переводящая действие куда-то в абстракционизм. Однако автор сам даёт жирнейшую подсказку к своему стилю, переходящему из фильма в фильм. Не зря «Тайна Келлс» является его дебютной работой, и в этом фильме речь идёт об ирландской иллюминации — особой и самобытной технике росписи древних манускриптов. То есть сам по себе мультфильм является одновременно и визитной карточкой, и резюме автора, в котором он буквально говорит: «Смотрите, это не мой авторский стиль, это адаптация старинных техник росписи под мультипликацию». Последний кадр фильма буквально

показывает, что орнаменты и символы, использовавшиеся на протяжении всего повествования на заднем плане, не выдуманы из головы, а взяты из натуральной Келлской Книги. И из мегалитических сооружений тоже. А само повествование говорит об отдельных мастерах, владеющих этой техникой письма. Вероятно, сам Том Мур относит и себя к таким мастерам. Переводя на понятный нам язык — это если бы студия «Мельница» создавала все свои фильмы о Трёх Богатырях в технике хохломы, в тех же цветах и с теми же орнаментами. Я нисколько не умаляю заслуг автора, скорее наоборот. Создавать свой первый фильм с особой техникой рисовки и анимации и в качестве центрального сюжета взять именно эту технику рисовки — гениальный ход, согласитесь.

История

Келлская Книга, как уже можно было догадаться, — реально существующий артефакт. Она написана в IX веке и получила своё название по монастырю, в котором хранилась. Существует несколько версий создания этой книги, Том Мур взял самую популярную — о том, что Келлская Книга сначала создавалась на острове Ионе (недалеко от Шотландии), после чего в незавершённом состоянии была перевезена в аббатство Келлс (графство Мит), где её завершили и длительное время хранили. Лингвисты отмечают, что Книга написана минимум тремя «руками», каждая со

своими характерными особенностями в написании букв и использовании чернил. Действительно, полагают, что создателем Келлской Книги мог быть святой Колум Килле, а впоследствии её уже продолжали монахи из Келлс.

На самом деле это далеко не единственная книга, выполненная в особой технике ирландской иллюминации, такие богатые на иллюстрации книги существовали и до и после неё. Однако Келлскую Книгу считают одной из самых богатейших на росписи среди манускриптов Британских Островов.

Монограмма Хи Ро историческая и из мультфильма.

По сути, Келлская Книга содержит четыре Евангелия, то есть является простой Библией. Ну, то есть как «простой», эта книга создавалась не для праздного чтения, а скорее для богослужений, чтобы лежать на алтаре. Особо праздничная Библия, используемая в ритуальных целях.

Келлскую книгу действительно теряли, у неё действительно был богатый золотой переплёт, который в какой-то момент украли. То есть здесь Том Мур особо не придумал ничего сам, просто шёл по наиболее популярной исторической хронологии книги. И действительно в те времена говорили, что эта книга выполнена так, будто бы её писали сами ангелы. То есть даже восхищения монахов, показанные в фильме, имели под собой историческую подоплёку. Вот, например, какое описание даёт Геральд Камбрийский, валлийский историк и хронист:

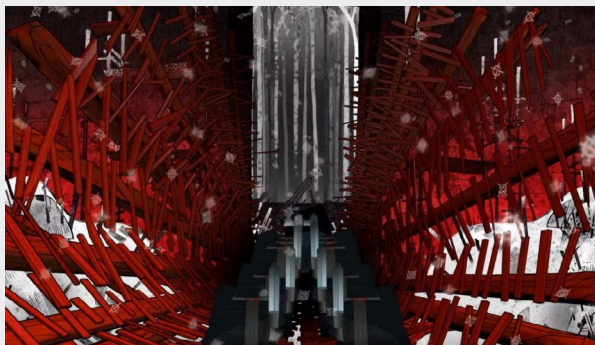
«Эта книга содержит гармонию четырёх евангелистов в соответствии с Иеронимом, почти каждая страница в ней украшена по-разному, разными цветами. В ней ты можешь видеть

лицо Господа, божественно нарисованное, здесь есть мистические символы Евангелистов, каждый с крыльями, с шестью, с четырьмя, с двумя; здесь орёл, там телец, здесь человек, а там лев, и великое множество других фигур. Посмотри на них поверхностным взглядом, и ты подумаешь, что это подчистки, а не узор. Прекраснейшее искусство рядом с тобой, но ты можешь не заметить его. Ты обнаружишь лабиринты линий, таких тонких и изящных, полных переплетений и связей, с цветами такими свежими и живыми, что ты можешь сказать, что это — работа ангела, а не человека».

Принято считать, что это описание относится либо к самой Келлской Книге, либо к подобному, но не сохранившемуся артефакту, так как само по себе описание довольно точное, однако Геральд либо ошибся с местом, где он встретил эту книгу (он пишет, что увидел её в Килдаре), либо он не ошибся с местом, и то была другая книга.

Исторический контекст

Заметную роль в повествовании играют викинги, показанные как просто некая безликая неостановимая сила. Викингов в фильме невозможно понять, они бурчат на каком-то своём языке, единственное слово которое можно разобрать — это «золото». Викинги не имеют лиц и особых знаков различия, они просто как безликая волна врагов разрушают всё, до чего доберутся.

На самом деле такое описание вполне может соответствовать положению Ирландии в IX веке. Тогда действительно викинги приносили достаточно много неприятностей своими налётами. Однако зачастую их целью было не только золото.

К примеру, в самом аббатстве можно заметить стоящую в центре высокую башню, и это тоже не выдумка автора. Такие башни ставили во многих поселениях Ирландии того периода. Ведь викинги совершали свои набеги не только за золотом, но и за рабами. Следовательно, одной из основных задач таких поселений было защитить, в первую очередь, людей. Башни построены таким образом, чтобы вход в них располагался достаточно высоко над землёй. Жители во время набега прятались в этой башне, убрали лестницу, и нападающие не могли их там достать. Викинги не стремились держать длительные осады, их задачей было налететь, быстро пограбить и так же быстро отступить. Следовательно, ковырять башню со входом где-то над землёй им просто не было резона. Однако у этих башен есть ещё одна особенность — узкая винтовая лестница против часовой стрелки внутри. Почему именно против часовой? Чтобы, в случае, если неприятель всё-таки проникнет в башню, ему было трудно бить правой рукой, ему просто будет мешать стена. А обороняющийся, стоящий выше, напротив, с правой стороны не был ограничен ни в чём. Таких строений

Реконструкция Аббатства Келлс.

Можно заметить, что башня не в середине, но в общем и целом похоже на мультик.

в Ирландии было более сотни, но до наших дней большая их часть не сохранилась.

Помимо викингов, исторический контекст создаёт ещё молодое в IX веке христианство. С одной стороны, вихрем распространившееся по Ирландии и имеющее на тот момент большой авторитет, с другой стороны, ещё не до конца вытеснившее традиционную веру в обитателей лесов и холмов. Это — время, когда ирландское христианство и ирландское язычество были тесно переплетены, и в голове молодого послушника Бранна вполне могли уживаться и жизнь в Аббатстве,

и продолжение дела святого Колума Килле, и дружба с банши (которую в фильме так никто не называет, но, по сути, это она и есть, «женщина из ши»).

При этом такой исторический контекст имеет двустороннюю связь, показанную в первой же сцене мультфильма, когда Эшлинг говорит, что жила на свете очень долго и видела всякое, однако и сейчас она встречает в мире нечто прекрасное (намёк на Келлскую Книгу). То есть представительница местных, по христианским меркам, демонов сама относится к христианству весьма лояльно.

Иллюминация

Англо-ирландская иллюминация является самобытным искусством. То есть нигде в мире книги не оформляли так, как в Ирландии, более того — до сих пор не особо понятно, откуда такая техника могла в Ирландию прийти. С одной стороны, привычка украшать книги существовала задолго до появления христианства в Ирландии, с другой — вот именно ирландские элементы не имеют преемственности от более ранних манускриптов Византии или Рима.

Иллюминацией занимались отдельные люди. Вообще древние книги в Ирландии создавались разными людьми. Одни писали текст,

другие — заголовки. А иллюминатор исполнял инициалы и рисунки. Разумеется, работа иллюминатора считалась искусством и предполагала определённое мастерство. А в Ирландии всегда было особенное отношение к «людям дара». Что, собственно, тоже показано в мультфильме.

Яркими примерами ирландской иллюминации считают Евангелие из Дарема, Книгу из Дарроу, Келлскую Книгу и Евангелие из Линдисфарна. Как я уже писал, Келлская Книга — не единственная и не первая, хотя свои характерные особенности, отличающие её от других подобных рукописей, у нее есть.

Ковровая страница.
Евангелие из Линдисфарна.

Такие рукописи и книги создавались не для общего пользования и не для чтения, так как читать их на самом деле довольно трудно из-за обилия рисунков, орнаментов, инициалов. Интересно, что подобные артефакты сами по себе считались магическими амулетами, способными принести счастье или даже помочь в битве. Собственно, именно поэтому в таких манускриптах большое внимание уделялось оформлению инициалов, ведь сами по себе буквы тоже считались магически сильными. В мультфильме отражено именно такое отношение к Келлской Книге — она способна обратить тьму в свет.

Кстати, ещё интересный факт: помимо демонстрации знаменитой монограммы «Хи Ро» в самом конце фильма, в нём демонстрируют и другие реальные страницы Келлской Книги. В моменте, когда викинг забирает обложку и страницы разлетаются по лесу, их можно рассмотреть.

Более подробно об этом можно почитать в статье [«Стилистические особенности англо-ирландской книжной миниатюры VII–IX веков»](#).

Эшлинг

В самом начале фильма Эшлинг говорит:
*«Предо мной прошло много эпох,
И, будучи то лососем, то ланью, то волком...»*

Это очень жирная отсылка к Финтану, сыну Борха, а ещё к Туану МакКариллу. В ирландской мифологии есть персонажи, если не бессмертные, то живущие очень и очень долго, в том числе

живущие в образе животных, которые могут рассказать всю историю Ирландии от её возникновения до прихода христианства. Эти персонажи, обладая способностью становиться (или перерождаться) различными животными, могут обходить разные катаклизмы и болезни. Христианская традиция обычно в этом моменте вспоминала про потоп, который, по идее, не мог пережить никто

вне ковчега. Однако Ирландская традиция и тут нашла возможности обойти христианские догматы. Например, Финтан пережил потоп, будучи то лососем, то ястребом, то орлом. А Туан МакКарилл успел побывать кабаном, оленем, ястребом и лососем, точно так же успев запечатлеть всю историю Ирландии, о которой рассказал святому Финниану.

То есть с самого начала Эшлинг предстаёт в образе такой же бессмертной древней обительницы острова, которая успела повидать всякое, и рассказывает нам эту историю.

Кстати, само имя «Эшлинг» означает «Вдохновение». Это можно увязать и с сюжетом фильма, ведь Брендан переносит в графику те чудеса, что он увидел в лесу с Эшлинг. К примеру, на одной из страниц настоящей Келлской Книги есть миниатюра с точно таким же дубом, как он показан в мультфильме.

Брендан называет Эшлинг «фейри», то есть считает её представителем того самого «скрытого народа», одной из Туа Де, которые ушли в холмы, после того как Ирландией завладели потомки Миля.

Примечательно, что в течение фильма она демонстрирует одно из знаменитых искусств ши — магическое пение, с помощью которого помогает Брендану выбраться из заточения. И в мифах, и в фольклоре Ирландии можно найти невероятное множество упоминаний о магической музыке Ши или об их пении, которым они способны погружать в сон, ввергать в радость или насылать печаль (три искусства Барда), а также лечить раны, давать сытость, насылать видения.

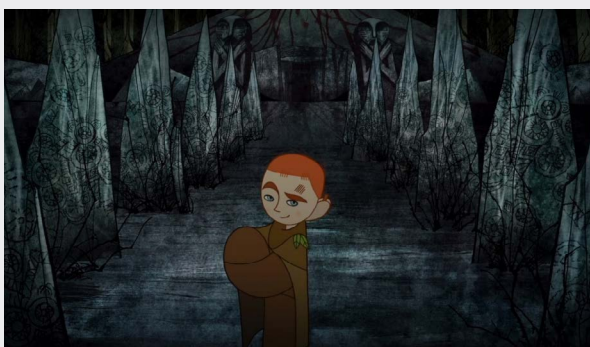
Поначалу она настроена к людям враждебно, как к оккупантам и захватчикам. Но конкретно с Бренданом ей удаётся подружиться.

Кром Круах

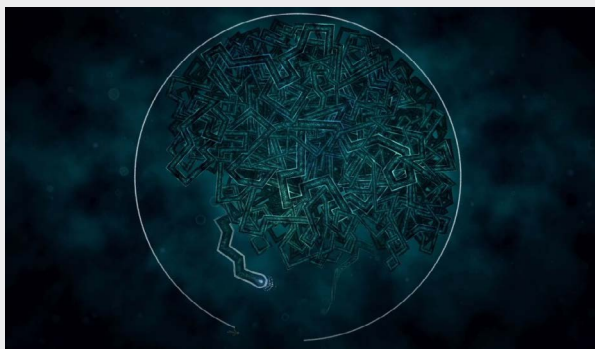
Антагонистом в фильме представлен Кром Круах. И здесь всё обстоит довольно интересно, ведь пересечения Кром Круаха из фильма с реальностью... вроде бы они и есть, а вроде бы их и нет. Начнём по порядку.

Кром Круах — действительно существовавшее божество, однако география его почитания в Ирландии ограничивается севером (графство Каван и окрестности), в то время как аббатство Келлс находится в Миде. То есть Брендану было бы трудно-то добежать по лесу от Келлс до равнины Ма Слехт, где и находилось культовое капище Кром Круаха.

Да, у Кром Круаха описано место почитания, золотой идол Кром Круаха и двенадцать каменных изваяний вокруг. В мультфильме роль изваяний выполняют огамические камни, и их там явно больше двенадцати. В то время как местом обитания самого Кром Круаха, по фильму, является курган или мегалитическая гробница.

По описанию в Книге Магуарана Кром Круах действительно вызывал ужас у местных жителей, и трудно понять, почему именно этот бог в дошедших до нас источниках столь демонизирован. Или это влияние христианства, или Кром Круах так описывался в дохристианские времена представителями других пантеонов богов, коих в Ирландии было множество. Но в целом отношение к месту его почитания, показанное в мультфильме, имеет фольклорные основания. С другой стороны, как раз к курганам-то у ирландцев не было какого-то отторжения или страха. Наоборот, церковь предпринимала попытки запретить прихожанам посещать «те самые» холмы, но так и не добилась успеха.

А вот что не имеет оснований, так это внешний вид Кром Круаха. В мультфильме он является гигантским червём, или змеем, или драконом, хотя никаких описаний самого Кром Круаха мы совершенно не имеем, а этимология его имени не предполагает связи со змеями или драконами. Однако и тут может быть некая логика.

В мультфильме говорится, что в жилище Кром Круаха пришёл святой Колум Килле, победил его и забрал глаз. На деле победу над Кром Круахом приписывают святому Патрику, точнее, даже не победу над самим божеством, а разрушение того самого святилища с двенадцатью

идолами и золотым изваянием. Здесь, конечно, можно проследить некую логику. По мифологии Патрик изгнал из Ирландии змей (правда, исторически змей в Ирландии никогда не водилось, а то, что в мифах называют змеями, на деле является угрями, которых Патрик так и не изгнал), по той же мифологии Патрик разрушил идол Кром Круаха. Видимо, авторы фильма (и не только они) переплели эти два события, и получилось так, что Патрик изгнал из Ирландии Кром Круаха в образе змеи.

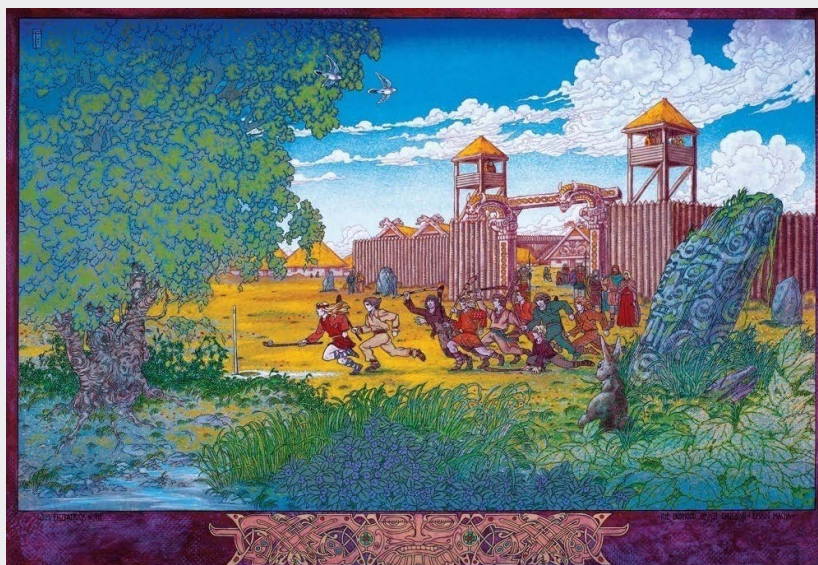
Брендан побеждает Кром Круаха окончательно, и здесь можно найти две отсылки. Первая — конечно же, на Уробороса, змею, кусающую себя за хвост, это один из древнейших символов человечества вообще, невозможно установить, где он появился раньше, но известен он практически везде.

Вторую отсылку я отношу к латинской фразе «Malum se ipsum devorat» — зло пожирает само себя. Кстати, эту фразу тоже порой сводят к Уроборосу, хотя это и непопулярная интерпретация символа. Во всяком случае, не самая популярная.

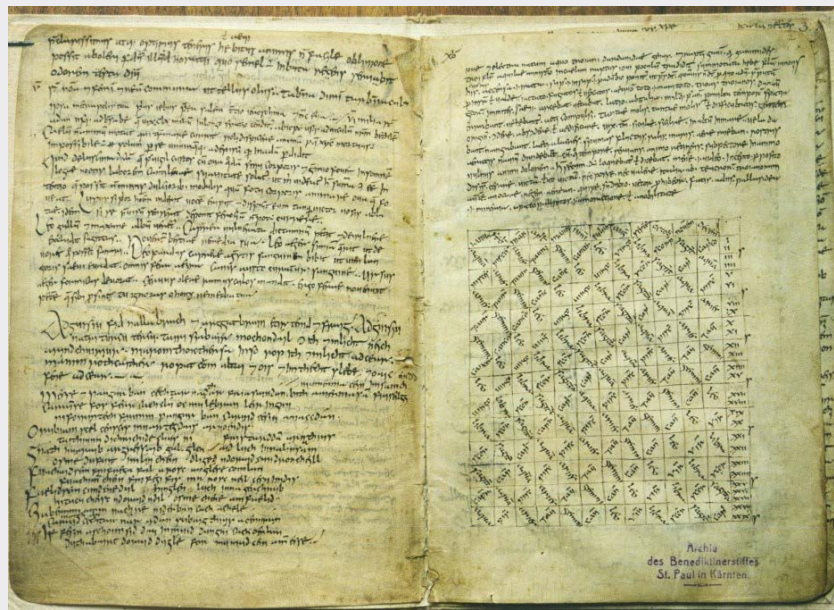
Другие любопытные отсылки

В первых же кадрах мультфильма мы видим, как дети играют с мячом. Нет, это не бейсбол и не лапта. Это хёрлинг — ирландский хоккей на траве. Древнейшая игра, привезённая в Ирландию кельтами, она описывается даже в Уладском цикле, там

Кухулин был настолько ловок, что мог пробежать всё поле, неся мяч на своей клюшке и не уронив его, и это было показателем его невероятной скорости и ловкости.

Мальчик Сетанта, будущий герой Кухулин, играет со сверстниками в хёрлинг.
Работа Джима Фитцпатрика.

Та самая страница со стихом, посвящённым коту Пангур Бану

Том Мур неоднозначно высмеивает принцип устной передачи информации в эпизоде, когда юному мальчику рассказывают о деятельности Колума Килле. В одной версии он обладает третьим глазом, в другой — третьей рукой с двенадцатью пальцами. Таким образом показано, как те или иные уже мифологические персонажи или сюжеты обрастают подробностями, которых изначально могло и не быть. Тому Муру об этом наверняка известно, ведь при работе над своими фильмами он наверняка

погружается в ирландские фольклор и мифологию, а там таких интерпретаций и различий в разных источниках пруд пруди. Это довольно весёлый и правдивый момент, учитывая, что события фильма происходят в IX веке, а Колум Килле жил в VI веке. За это время молва действительно могла пририсовать ему и глаз, и руку, и лишние семь пальцев.

Пангур Бан — имя действительно существовавшего кота, которому средневековый монах посвятил стихотворение в IX веке.

*Messe ocus Pangur Bán,
cehtar nathar fria saindán;
bíth a menma-sam fri seilgg,
tu menma céin im saincheirdd
Caraim-se fos, ferr cach clú,
os tu lebrán léir ingnu;
ní foirmtech frimm Pangur bán,
caraid cesin a maccdán.
Ó ru·biam — scél cen scís —
innar tegdais ar n-óendís,
táithiunn — díchríchide clius —
ní fris tarddam ar n-áthius.
Gnáth-húaraib ar gressaib gal
glenaid luch inna lín-sam;
os mé, du-fuit im lín chéin
dliged n-doraid cu n-dronchéill.
Fúachid-sem fri frega fál
a rosc anglése comlán;
fúachimm chéin fri fégi fis
tu rosc réil, cesu imdis,*

*Я и Пангур — два монаха.
Трудимся ночами.
Я наукой занимаюсь,
А мой кот — мышами.
Делать то, что сердцу мило, —
это ль не чудесно?
И хоть мир вокруг широкий —
В келье нам не тесно.
Я люблю читать Писанье,
Бой вести с грехами.
У кота — своё призванье:
Бегать за мышами.
Он зверей незваных ловит,
Мне во всем послушный.
Я же — книжною наукой
Назидаю душу.
Кот все дыры в нашей келье
Зорко изучает.
Я ж — научные вопросы
Трудные решаю.*

*Fáelid-sem cu n-déne dul
hi-n-glen luch inna géchrub;
hi-tucu cheist n-doraid n-dil,
os mé chene am fáelid.
Cía beimmi amin nach ré,
ní-derban cách ar chéle.
Maith la cehtar nár a dán,
subaighthus a óenurán.
Hé fesin as choimsid dáu
in muid du-n-gní cach óenláu;
du thabairt doraid du glé
for mu mud céin am messe.*

*Большей нет коту отрады —
Дичь прыжком настигнуть.
Ну, а мне — ответ достойный
На вопрос увидеть.
Я и Пангур — два монаха,
Любим своё дело.
Я — философ хитроумный,
Кот — охотник смелый.
Делать то, что сердцу мило, —
это ль не чудесно?
И хоть келья небольшая —
Нам вдвоем не тесно.*

(Перевод Виктора Заславского)

Не стоит и упоминать, но на протяжении всего мультфильма и тут и там можно видеть различные символы, спирали, круги, кресты, трискели, огамические камни, мегалиты и многое-многое другое. По отдельности всё это описывать невозможно, так как очень много

подобного. Например, камень на поляне Эшлинг очень похож на Камень из Туроу. А статуи в святилище Кром Круаха были вдохновлены статуями с острова Боа. Описывать всё это очень и очень долго, так же, как и разбирать все огамические камни мультфильма.

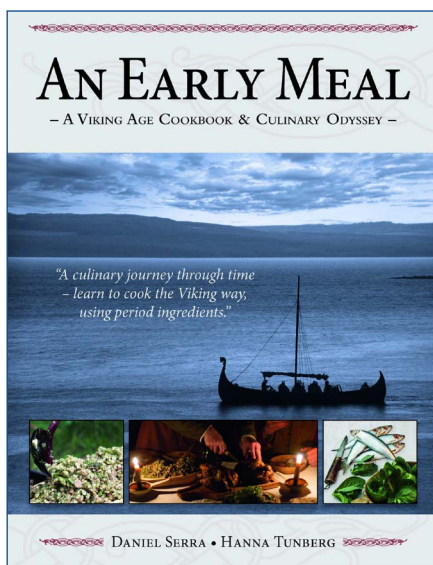
Заключение

Как видите, различных «пасхальных яиц» Том Мур в свою работу заложил достаточно, и без знания исторического и культурного контекста многие из них могли остаться незамеченными. Надеюсь, вам было интересно читать этот небольшой разбор, и теперь вы пересмотрите «Тайну Келлс» немного другими, более внимательными, глазами.

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод:
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30–44 номера.

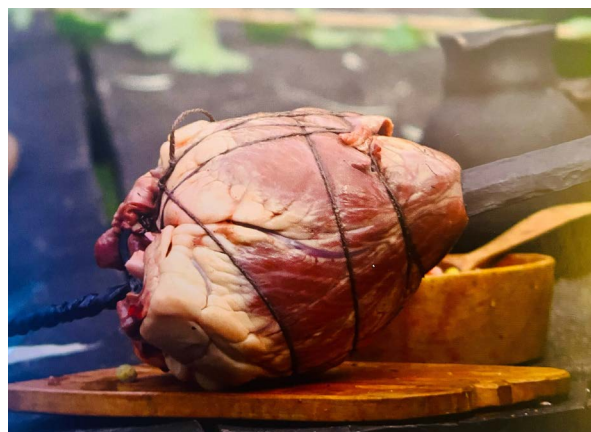
Каупанг (Норвегия)

Сердце на вертеле

- 1 сердце ягненка
- 100 мл меда
- 100 мл брусники
- 125 г черемши или лука-пороя
- 5 измельченных ягод можжевельника
- 4 ломтика толсто нарезанного бекона или кусочки жирной свинины холодного копчения

Процесс приготовления:

1. Для соуса смешайте 1/3 часть меда с 1/3 частью протертой брусники.
2. Помойте и очистите от лишних прожилок сердце.
3. Смешайте в чаше оставшийся мед, бруснику, черемшу, ягоды можжевельника и один-два кусочка порезанного бекона.
4. Полученной смесью начините сердце.
5. Стяните края нитками (зашейте).
6. Оберните сердце оставшимся беконом.
7. Наколите сердце на вертел и подвесьте рядом с огнем (или

- положите в предварительно нагретую до 150° С духовку на решетку для запекания).
8. Время от времени поворачивайте мясо на вертеле и обмазывайте в процессе готовки соусом из меда и брусники (если используете духовку, также переворачивайте и поливайте соусом).
 9. Подставьте под мясо емкость, чтобы собирать стекающий в процессе готовки сок. Его также можно использовать для смазывания.
 10. Готовьте мясо около часа (время готовки зависит от размера сердца).
 11. Готовое мясо будет запеченным снаружи, но с кровавыми прожилками на разрезе.
 12. Подавайте тонко нарезанным.

*Снилось, что пущены
соколы мною,
голодные птицы,
навстречу погибели;
как будто сердца их,
набухшие кровью,
в горе смешал я
с медом и съел их.
Старшая Эдда. Вторая песнь о Гудрун
(перевод А. И. Корсуна)*

В эпосе о Сигурде¹ рассказывается о том, как Гудрун отомстила своему мужу, королю Атли: она подала ему в качестве еды сердца их детей. Несмотря на чудовищность этой истории, она является примером того редкого случая, когда литературные источники дают нам представление о способах готовки и вкусах еды того времени: в песне говорится, что сердца были «в меду»². Учитывая, что это блюдо подавалось самому королю, мы вполне можем предположить, что сердца были зажарены на вертеле, а не просто отварены. Доказательством использования вертела для приготовления сердец также является эпизод из этого же эпоса, в котором рассказывается о том, как Сигурд поджаривает сердце убитого им

дракона. Именно эта сцена высечена на камне XI века в Рамсунде (Швеция).³

Учитывая все вышесказанное, можно сделать осторожный вывод о том, что блюда из сердец считались чем-то исключительным и торжественным, их подавали скорее на пирах, нежели употребляли в качестве повседневной пищи. Кроме того, иногда приготовление и употребление сердец носило ритуальный и сакральный характер. Пример тому — уже упоминавшееся сердце дракона на вертеле из эпоса о Сигурде, а также рассказы из саг, в которых советуется есть сердца змей и волков, чтобы унаследовать определенные черты этих животных.

Хлеб в мешочке

*1 литровая банка ячменной муки грубого помола;
300–400 мл воды;
100 мл брусники;
Одна столовая ложка молотого тмина;
Бульон;
Льняной отрез ткани или мешочек;
Ассорти из зелени: черемша, дягиль, лебеда, листья репы, щавель (и все, что вы можете собрать). Это ассорти станет неплохой заменой брусники в качестве ароматизатора для хлеба.*

Процесс приготовления:

1. Замесите крутое тесто из ячменной муки, воды, брусники и тмина. Объем воды можно регулировать, чтобы получить желаемую консистенцию.

¹ Гренландская Песнь об Атли. Старшая Эдда — прим. переводчика.

² «С медом ты съел сердца сыновей — кровавое мясо, мечи раздающий!»

Гренландская Песнь об Атли.

Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна.

³ Иллюстрация добавлена в текст переводчиком.

2. Разделите тесто на кусочки примерно по 500 граммов каждый.
 3. Выложите тесто на присыпанную мукой льняную ткань, сшейте или свяжите мешочек.
 4. Отварите тесто в мясном бульоне (примерно 30 минут после закипания).
 5. Достаньте хлеб из бульона и дайте ему немного остыть.
 6. Откройте мешочек.
 7. Подавайте с отварным мясом или тушеными овощами.
- Несмотря на то, что хлеб в эпоху викингов, вероятнее всего, пекли или жарили, все же вполне возможно, что его подавали и в виде пельменей или кнедликов. Согласно Англосаксонским источникам некоторые блюда в процессе готовки заворачивались в льняную ткань или варились в ней. Хотя у нас нет никаких археологических находок или литературных текстов, которые бы однозначно подтвердили такой способ приготовления у викингов, некоторые из хлебных находок все-таки позволяют предположить, что хлеб не только жарили или запекали. Подвесные крюки для котла указывают на то, что параллельно с мясом в котел могли опускать и мешочки с другой едой, которые было очень удобно вытаскивать за привязанные веревки. В целом описанное блюдо было бы легко приготовить для большого количества гостей, и оно прекрасно вписывается в быт кухни эпохи викингов. ⋮

Продолжение следует...

«Нечисть Швеции: обитатели кладбищ, лесов и полей»

Юлия
АНТОНОВА-АНДЕРССОН

Отрывок из книги

ВЕТТЫ

Ветты — невидимый народ, обитающий под землей, в камнях, деревьях, на приусадебных участках, в полях и даже в могильных курганах. Внешне они напоминают томтенов — тот же скромный рост, длинная борода и серая одежда. Живут своей обособленной жизнью и не стремятся к взаимодействию с человеком. Слово «ветте» происходит от древнескандинавского *vættr*, что значит «(потустороннее) существо». Первоначально шведское *vätte* имело более широкое значение: так называли и великанов, и карликов-гномов, и богов — одним словом, всех, кто не принадлежал миру людей. Когда-то в Скандинавии веттов различали по месту обитания — в море или на суше, однако со временем их стали называть по-другому: морскими девами, русалками, водяными, лесными девами, горными духами и так далее. Ну а веттами величали исключительно представителей невидимого крошечного народца.

Веттовские свечки

По вечерам ветты иногда выходили из дома, освещая свой путь крошечными свечками — люди находили их на полях и использовали в лечебных целях. За свечи веттов принимали окаменелые ростры белемнитов — вымерших головоногих моллюсков, чем-то напоминавших кальмаров. Особенно много таких было в Южной Швеции, в частности, в провинции Сконе, откуда их затем поставляли в аптеки по всей стране. Поскольку эти свечки¹ принадлежали волшебным существам, им приписывали магические свойства. Они отлично помогали от болей в желудке, при слабости и потере аппетита: надо было лишь измельчить их и добавить в хлеб. Перемолотые ростры накладывали на открытую рану: так она быстрее переставала кровоточить и затягивалась.

¹ Мы, русскоговорящие, их обычно называем «чертовыми пальцами».

«Каханне. Смерць. Пачвары»

Евген ПАПАКУЛЬ

или
Увлекательная история
одного балладного сборника

В марте 2024 года в минском издательстве «Тэхналогія» наконец увидел свет первый сборник скандинавских народных баллад «Каханне. Смерць. Пачвары»¹ в переводе на белорусский язык. Но началась история этой книги в далёком 2011...

Я тогда всерьёз начал изучать шведский язык и в один прекрасный день решил перевести на мой родной белорусский язык песню шведской группы Garmarna «Herr Holger», с которой, к слову, и началось моё увлечение всем скандинавским. Отмечу, что на тот момент я ещё не знал, что это не просто песня, а именно народная баллада. Перевод удалось напечатать в научном сборнике университета, и на этом на несколько лет ничего общего ни с балладами, ни с переводами я не имел. Пока в 2013 году не поступил в аспирантуру, где в качестве предмета исследования моей диссертации были (о да, вы не ошиблись) баллады. Шотландские и шведские баллады о сверхъестественном [1]. И за три года учёбы в качестве дополнения к работе у меня набралось ещё несколько белорусскоязычных переводов про оборотней, dwarфов, драугов и других весёлых ребят. Некоторые из них печатались в литературном журнале «Малодосць», но после защиты диссертации я решил отдохнуть от балладной темы, которой было слишком много в жизни молодого аспиранта.

А потом в 2019 году началась эпоха «Эдды» и как-то было не до баллад, хотя для контекста приходилось иногда обращаться к этому жанру. Так появились мои переводы с фарерского языка (баллада «Сенакосец і муха» [2]) и мёртвого языка норн (баллада «Хільдзіна» [3]).

Затем снова наступило затишье... Пока в апреле 2022 года моей жене Маргарите не понадобились цитаты из шведской баллады «Агнета и водяной», чтобы проиллюстрировать статью для конференции по скандинавистике. Переводить только отрывки было бы неуважительно по отношению к тексту, поэтому я перевёл всю балладу. И тогда Маргарита предложила мне

¹ «Любовь. Смерть. Чудовища».

собрать все имеющиеся тексты (к слову, именно жена в своё время подала идею опубликовать переводы в «Маладосці», так как работала там редактором). План был такой (и мы его придерживались): добавить немного нового материала и собрать небольшой сборник. Сказано — сделано. Понятное дело, что старые тексты нужно было существенно переработать. Так, от легендарного первого перевода «Herr Holger» я оставил одну или две строки: всё остальное пало под ножом безжалостного и беспощадного накопленного переводческого и редакторского опыта.

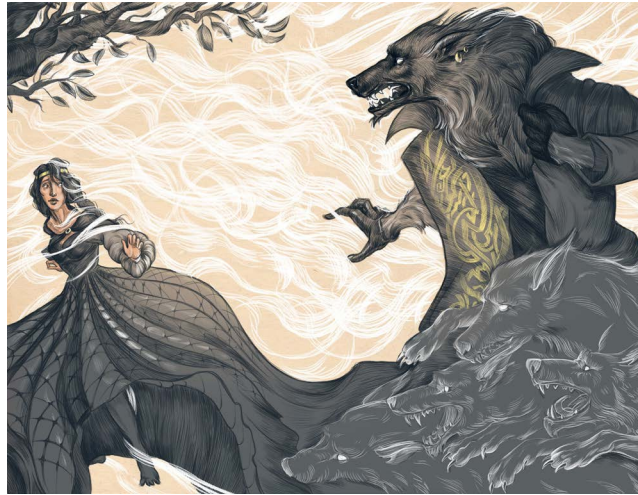
Во многих отношениях сборник получился особенным. В чём же его специфика? Во-первых, это семязычный сборник. Все белорусскоязычные переводы сопровождаются оригинальными текстами на шведском, датском, норвежском, исландском, фарерском языках и языке норн — а это все скандинавские языки (мы не берём в расчёт диалекты), на которых до нашего времени дошли тексты баллад. Во-вторых, сборник открывают две баллады, которые мы можем на 100% и 99% отнести к мифологическим. Это датская «Тор из Хавзгорда» и фарерская «Прядь о Локи». Первая баллада практически полностью повторяет одну из самых шуточных поэм из «Поэтической Эдды» — «Песнь о Трюме». По сути, из нового в ней — только наличие рифмы и традиционного балладного рефрена. В «Пряди», вероятно, также описывается мифологический сюжет о похождениях Одина, Хёнира и Локи, который, к сожалению, не сохранился в «Эддах».

Всего в сборник вошло 20 баллад. Причём три из них можно условно назвать «авторскими». К сожалению, зачастую по разным причинам имена талантливых людей теряются с течением веков, и современные исследователи лишь изредка обращают на них внимание. В шведской литературе такой почти забытой личностью является Ингиерд Гюннашдоттер. До нас дошло очень мало сведений из её биографии. Она родилась в крестьянской семье в самом начале XVII века (в 1601 или 1602 году) в провинции Вестергётланд. А творческий талант Ингиерд проявился в том, что она знала огромное количество баллад (не менее 300). Это заинтересовало собирателей фольклора, и в 1678 году к ней приехал исследователь Эрих Спарман. Но на тот момент женщине было почти 80 лет, и из-за состояния здоровья, а также нежелания сотрудничать Спарману удалось записать со слов Ингиерд только 57 баллад. И можно было бы сказать, что она была лишь исполнительницей народных произведений, если бы не одно «но». Сюжеты баллад Ингиерд уникальны и больше нигде в Швеции не встречались. Разумеется, она не осознавала себя автором своих произведений в современном смысле этого слова, но при этом несомненно являлась творцом. А учитывая актуальные подходы к определению баллады как произведения не фольклорного жанра, а литературного (с уточнением, что баллада — это жанр именно устной литературы), перед нами редкий случай, когда у «народного» произведения есть конкретный автор. Умерла же Ингиерд Гюннашдоттер в 1686 году.

Читатели найдут в сборнике три баллады И. Гюннашдоттер: «Гэр Пэдэр і дачка двэрга», «Гэр Мортэн» и «Зачараваны рыцар». С искренним уважением к автору в переводе полностью сохранён чрезвычайно сложный и разнородный размер оригинала «Зачараванага рыцара». Вообще, основной задачей при переводе было сохранение размера оригинальных произведений, чтобы в результате белорусский вариант можно было пропеть под, опять же, оригинальную мелодию, ведь большинство скандинавских баллад также сохранили мелодии, под которые их исполняли.

Но вернёмся снова к истории сборника. К осени 2022 года он был полностью готов, была договорённость по поводу его публикации, но в самый последний момент в его издании мне было отказано с формулировкой «такое никому не будет интересно». А поэтому прошло ещё полтора года, пока потенциал книги не рассмотрело издательство «Тэхналогія» — и не прогадало. Книгу, кстати, проиллюстрированную профессиональным художником Ириной Андреевой, очень тепло приняли читатели, и большая часть тиража разошлась в течение месяца. Как оказалось, такое «очень даже интересно».

В целом, в балладном сборнике «Каханне. Смерць. Пачвары» читатель встретится с троллями, двэргамі, водзянымі, ліндурмамі (драконамі), оборотнямі і жывымі мёртвецамі. И даже если сверхъестественные существа не названы в произведении напрямую, как эльфы в «Танцах у ружавым гаі», мы всё равно из контекста понимаем, что имеются в виду именно они. Любовь в скандинавских балладах обычно трагична, и отмечу, иногда нам жаль не столько людей, сколько несчастных духов природы, пострадавших от человеческого коварства. Однако и юмора в сборнике хватает. Поэтому эта книга станет чрезвычайно интересным и захватывающим чтением с оттенком загадочности на любой вкус. Вернее сказать, уже стала, поскольку тираж практически полностью раскуплен [4].

Художник-иллюстратор: Ирина Андреева

Літэратура:

1. Папакуль Е.А. Специфика шотландских и английских баллад о сверхъестественном в контексте региональной литературной традиции : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.03 / Е.А. Папакуль ; ПГУ. — Полоцк, 2016. — 153 с.
2. Папакуль, Я.А. Жартаўлівыя сватанні. Старажытнаісландская «Песня пра Трума» і фарэрская балада «Сенакосец і муха», пер. са старажытнаісланд. і фарэр., прадм. і камент. Я.А. Папакуля // Маладосць, 2020, № 8. — С. 102–107.
3. Папакуль, Я.А. Рэха забытай мовы : норнская балада «Хільдзіна» ў беларускім перакладзе / Я.А. Папакуль // Польшча, 2021, № 7 (1101). — С. 95–99.
4. Каханне. Смерць. Пачвары: скандынаўскія народныя баллады / уклад., пер. са шведскай, дацкай, нарвежскай, фарэрскай, ісландскай, норн, уступ Яўгена Папакуля. — Мінск : Тэхналогія, 2024. — 148 с.
5. <https://tn.by/product/kachannie-smierc-pacvary/>

Тор з Хаўзгарда

(пераклад з дацкай)

Тор з Хаўзгарда па лузе
скакаў туды-сюды —
знайсці не мог, бядача,
свой молат залаты.
Лейцамі Тор жарабятка ўтаймоўваў.

Тор з Хаўзгарда ў адчаі
у брата стаў прасіць:
«Да троляў, браце, злётай
там молат можа быць!»

Рашуча Локе Лейманд
свой покрыў з пер'я ўзяў
і птушкаю над морам
у Нёрэф'ельд памчаў.

Ля замка покрыў скінуў
і зноўку стаў сабой,
затым да Тосэгрэвэ
пайшоў сваёй хадой.

«Вітаю цябе, Локе!
Вітаю ад душы!
У Хаўзгардзе ўсё добра?
Хутчэй мне раскажы!»

«У Хаўзгардзе ўсё добра,
ды толькі не зусім:
у Тора скралі молат,
вядома гэта ўсім».

«Надзейна Тораў молат
я пад зямлёй схаваў:
на шэсцьдзесят пяць сажняў
углыбкі закапаў.

Адзінае, што можаш
ты Тору перадаць:
на дзеву Фройбарг молат
я згодны абмяняць».

Рашуча Локе Лейманд
свой покрыў з пер'я ўзяў
і птушкаю над морам
дадому паспяшаў.

Ля замка покрыў скінуў
і зноўку стаў сабой,
затым да браткі-Тора
пайшоў сваёй хадой.

«У Тосэгрэвэ молат
не зможам мы забраць,
пакуль з пасагам Фройбарг
не згодзімся аддаць».

Пачула тое Фройбарг,
зірнула на братоў —
і ў дзевы ад шаленства
пайшла з пазногцяў кроў.

Хадзіла ганарліўка
з задзёртай галавой:
«Я жонкаю не стану
пачварыны дурной!»

«Не гневайся, сястрыца,
я ведаю, як быць,
за гэткую парадку
ды варта б заплаціць!»

Мы возьмем братку-Тора,
расчэшам патлы ўсе —
і гожанькай нявестай
да троля адвязем!»

Ледзь Тора ўгаварылі
сукенку начапіць,
а Локе Лейманд мусіў
ягонай дружжай быць.

Нявесты ўпрыгажэнні
спрэс з золата былі,
і ў гэтым строі Тора
да троля прывялі.

На лаву пасадзілі
ды змусілі чакаць,
тут выйшаў Тосэгрэвэ
нявесту частаваць.

Быка нявеста зжэрла
і трыццаць кумпякоў,
а потым праглынула
за раз сямсот хлябоў.

Затым адкаркавала,
каб смагу наталіць,
дванаццаць бочак з півам
і стала прагна піць.

Спужаўся Тосэгрэвэ
і ўслых прамармытаў:
«Я гэтых ненажэрных
яшчэ не сустракаў!»

З усмешкай мовіў Локе:
«Была яна ў журбе –
і цэлых восем содняў
не ела без цябе».

Старога Тосэгрэвэ
узрадаваў адказ:
«Вясельны падарунак
ужо выносіць час!»

Васьмёра моцных троляў
цягнулі за сабой
на тоўстых жэрдках молат
нявесце маладой.

Нявеста ж маладая
той молат узяла
і, быццам нейкі пруюцік,
угору падняла.

І стала Тосэгрэвэ
што моцы лупцаваць,
калі ж яго забіла —
пайшла гасцей ганяць.

Тор з Хаўзгарда зацята
пачвараў малаціў —
і шэсцьдзесят пяць троляў
без літасці забіў.

Заторгалася ў Локе
ад смеху галава:
«Вяртаймаса дадому,
нявестанька-ўдава».
Лейцамі Тор жарабятка ўтаймоўваў.

Марскі троль

(пераклад з ісландскай)

Неяк у нядзелю
слаўным ясным днём
сеў кароль у човен
з жонкай і дзіцём.
Той бяду спазнае, хто ў яе патрапіць.

Ды нядоўга човен
хвалі рассякаў —
сціх пагодны вецер,
штыль уладу ўзяў.

Спрэс у шорсткай поўсці,
вылезлі тады
лапы з кіпцюрамі
з цёмнае вады.

«Колькі мы, пачвара,
мусім скарбаў даць,
каб па хвалях човен
зноўку мог слізгаць?»

«Мне, людзішкі, трэба
толькі аднаго:
гожага аддайце
хлопчыка свайго!»

Стала маці сыну
валасы часаць,
ды ад смутку слёзаў
не магла стрымаць.

І як толькі троллю
хлопца аддалі —
паслізгаў па хвалях
човен да зямлі.
Той бяду спазнае, хто ў яе патрапіць.

Взгляд на традицию

Сергей ПАГАНКА

Обзор первоначально был опубликован
на сайте *Кельтская реконструкция
и друидизм — DRUIDISM.RU*

Существуют две фундаментально противоположные точки зрения на любые реконструируемые (восстанавливаемые) религии. Обе можно назвать в чём-то обоснованными и логичными, но более всего удивительно, что, несмотря на свою противоположность, эти точки зрения вполне могут одновременно уживаться в сознании одного человека. Давайте разберёмся, что это за точки зрения, почему они фундаментальны и, главное, противоположны?

В этой статье я буду очень часто использовать слово «традиция». Воспринимать его можно как совокупность обычаев и традиций (во множественном числе), как сохранённый и передаваемый опыт, помогающий в выживании, как основу различных культур, в первую очередь, нематериальную основу. Традиции во множественном числе в тексте обозначают отдельные обычаи.

Традиция вечна

Первая гласит о том, что традиция (можно и с большой буквы) принципиально неубиваема за счёт своей изменчивости. Что бы ни происходило вокруг — традиция всё поглотит, переварит и сделает собой. Адаптируется. И помимо адаптации — что традиция не убиваема в силу своей монументальности, незыблемости. Как ты реку не попытайся подвинуть — со временем она вернётся в своё русло. Как ни толкни маятник — рано или поздно

он вернётся в состояние покоя, потому что имеет стремление вернуться в это состояние. Стремление, которое не отменить.

Каждый ребёнок...

Разговоры о том, что каждый ребёнок рождается язычником, являются аргументом именно этой точки зрения. Наверняка вы слышали об этом. Все дети изначально язычники, верят в чудеса, магию и мифологических персонажей. Обладают магическим мышлением и находят взаимосвязи (суеверия и приметы) там, где их не видят взрослые. Но потом под силой воспитания и с давлением окружающего социума человек адаптируется, рационализируется и маскирует своё языческое самосознание под взрослостью, в глубине души оставаясь ребёнком, всё ещё верящим в незримые закономерности.

Таким образом, язычество — это что-то базовое для человека, его изначальные настройки.

На которые можно сверху накинуть каких-то других религиозных систем, но они все будут выглядеть как попона на коне. Красиво, но сути коня не меняет.

Извне традицию не изменить

Разговоры о том, что приходящие религии со временем перенимают все черты старых религий и забывают свои собственные, тоже являются аргументом именно этой точки зрения. Что, придя в Ирландию, христианство очень быстро столь видоизменилось, приняв в себя местные языческие элементы, что англиканцы, да и католики, долгое время смотрели на такое христианство (с многожёнством, например) весьма и весьма косо. Что, придя на Русь, православие за пару-тройку веков очень сильно изменилось по сравнению с греческим православием. Ну а при взгляде на всяческое христианство Африки невольно задаёшь себе вопрос — а где там христианство? Это же можно сказать и про другие религии, приходившие туда, где уже есть своя традиция.

Можно порассуждать о местах стыков культур, как, например, Оркнейские Острова. Где, строго говоря, существовало и не кельтское язычество, и не скандинавское. А некий собственный синтез, вобравший в себя и видоизменивший традиции и с той и с другой стороны.

Таким образом, что бы ни происходило в Ирландии, оно будет, в первую очередь, ирландским. Язычество, христианство, нью эйдж, буддизм, сатанизм — какая бы система взглядов в этой стране ни устаканилась, через пару веков она всё равно будет напоминать изначальную Ирландскую традицию, просто потому что традиция всё приходящее съест и переварит, оставив полезное и вышвырнув бесполезное.

Это же объясняет такую сильнейшую выживаемость отдельных традиций. Рязаний, шестивий, музыкальных инструментов, литературных размеров. Вроде бы в разные времена в разных местах все локальные традиции подвергались гонениям, но при этом они живы до сих пор. Потому что были нужны и полезны глобальной традиции, а потому их невозможно было запретить.

Традиция актуальна

Ещё один столп этой точки зрения кроется в актуальности. Традиция — нечто важное и нужное человеку сейчас. Как бы она на данный момент ни выглядела — она всё ещё несёт свою рациональную пользу как для конкретного индивида, так и для социума. Человек не может легко отказаться от рационального преимущества, именно поэтому традиция и выживает. При этом если какие-либо части традиции становятся не актуальными для окружающего мира — они отмирают.

Это рассуждение как бы связывает в себе несколько предыдущих рассуждений. Традиция существует постоянно в своём ареале обитания. Понятно, что в Африке и Северной Европе традиция будет разной, так как условия жизни разные. Традиция постоянно же меняется в зависимости от того, как нужно спасти человека на этот раз. И да, это важный момент — традиция спасает человека, это её основное предназначение. Без традиции человек занимается саморазрушением и в итоге уничтожает сам себя. Пока жив человек — жива будет и традиция. Традиция строится вокруг человека, а потому актуальность её не потеряется. Человек в своём базисе язычник, а потому традиция всегда будет тяготеть к язычеству, как маятник к состоянию покоя.

Традиция угасает

Вторая точка зрения противоположна, но по своему логична. Согласно ей, традиция — это свод неких зафиксированных установлений, правил или закономерностей. Какие-то поддерживающие вещи могут изменяться, но основа, те самые общие закономерности и правила, остаются неизменными. Иначе традиция умрёт окончательно, что в конечном счёте также приведёт к уничтожению человека (или к его значительной деградации).

Традиция нуждается в спасении

Очень часто можно услышать, что традиция или какие-то отдельные традиции нуждаются в спасении. Что их нужно сохранять и беречь. Что окружающий мир враждебен для традиции,

и, следовательно, она тяготеет к исчезновению без постоянной подпитки извне. Коей являются люди, носители традиции. В качестве примеров здесь приводят уже исчезнувшие, но некогда бывшие массовыми традиции праздников, традиции различных народов и языки. Очень часто в этой парадигме традиция отождествляется с идентичностью, и от этого угроза исчезновения воспринимается более эмоционально и лично. Ведь если исчезнет моя традиция — значит, исчезну и я, и все результаты моих трудов. А значит, вся моя жизнь потеряет один из основных драйверов, ключевой для любых млекопитающих — продолжение себя в потомках.

Критерии традиции

Эта же фундаментальная парадигма является основой для поиска критериев традиции. Ведь если её нужно спасти — необходимо очертить строгие границы для того, что именно мы желаем спасти. Так как в этой точке зрения традиция конечна и сформирована — критерии находятся довольно быстро, хотя от искателя к искателю эти критерии меняются.

Часто таковыми критериями объявляется культовая практика. То есть, когда перестало осуществляться отправление культа — традиция умерла, хоть и информации о ней было предостаточно. Когда отправление культа возобновилось — традиция снова родилась, хоть информации о ней стало заметно меньше. Этим же аргументом часто пользуются, чтобы обосновать нетрадиционность любого восстанавливаемого язычества в мире.

Ещё чаще критерием принадлежности объявляют историческую достоверность. Если ты возносишь молитву божеству в зафиксированную дату, зафиксированными словами и с зафиксированным археологически приношением — традиция жива. Если какие-либо переменные из этого уравнения убрать — будет уже не традиция, а подделка. Симулякр.

Таким образом, происходит поиск «пика традиции», того времени, когда традиция была в своём расцвете. Для кого-то этот пик находится в Ирландии девятого века, для кого-то в традиционной ирландской общине восемнадцатого века, а для кого-то вообще в героических временах третьего века. В любом случае, традиция в данном

понимании проходит жизненный цикл по параболе. Подъём к своей пиковой точке — и неминуемое угасание и деградация.

Чужеродность традиции

Всё перечисленное выше приводит к удивительному выводу: традиция сама по себе в этом мире и с этим человеком не есть что-то естественное, к чему и человек, и мир, и традиция стремятся. Традиция чужеродна, без помощи извне, со стороны человека, она умирает. При этом в самом мире традиция также не находит поддержки, он тоже для традиции враждебен и является, в массе своей, носителем глобализма и массовой культуры — поедателей традиции.

Возникает вопрос об актуальности традиции. Ведь если «пиковая точка» и расцвет этой традиции приходится на прошлые века — значит, и про актуальность в современной культуре можно смело забыть, куда вокруг не будут созданы специальные тепличные условия для такой традиции. Более того, сторонники этой точки зрения настаивают на том, что и человеку для вхождения в традицию тоже необходимы отдельно воссозданные лабораторные условия, иначе такого вхождения не произойдёт.

Вспоминая поиск критериев традиции, по отношению к человеку тоже применяется поиск критериев. Что нужно для того, чтобы войти в традицию? Что нужно для того, чтобы принадлежать к традиции? Учитывая прочную взаимосвязь традиции и идентичности в данном случае, вопрос о нахождении каких-то иных, кроме себя, людей в традиции воспринимается как что-то личное. Очень часто — как личное оскорбление.

Нарекая себя представителем моей традиции, ты будто бы нарекаешь себя мной. И если ты не соответствуешь моим личным представлениям о приверженце традиции, значит, ты — одна из тех враждебных сил, которые традицию уничтожают, только на этот раз изнутри.

Рукотворность традиции

Ещё одним аргументом этой точки зрения является возможность повлиять на традицию силами одного человека или группы людей. Так как традиция — это нечто конечное, значит, мы можем сами в любой момент добавить или изменить какие-то элементы. Часто можно услышать

фразу «традиция без изменений мертва», но почти всегда эта фраза означает рукотворные изменения, которые планируют привнести или уже привнесли. Не процесс, когда с течением времени традиция сама трансформировалась в нечто актуальное, а именно корректировку традиции к её более «чистому», «правильному» или «удобному» варианту. Здесь помогает и поиск критериев, он нужен, чтобы понять что и в какую сторону менять.

Заключение

Теперь, имея представления о двух точках зрения, не представляется трудным разнести почти любые разговоры о традиции или традициях в сторону одной из них. Однако здесь мы с вами сталкиваемся с удивительными наблюдениями. Ведь, повторю, тезисы из двух, казалось бы, противоположных точек зрения, очень часто постулируются одними и теми же людьми. Я и за собой такое замечаю порой. Язычество естественно для любого рождающегося человека, но язычество же нужно возрождать и спасать. Традиции рациональны и актуальны для современного человека, но они угасают и уходят. Традиция вечно изменяется, но нужно найти её чёткие критерии.

Быть может, действительно обе точки зрения возможно как-то примирить. Или надёргать аргументов и с той и с другой стороны и изобрести некую свою точку зрения.

О том, какая из точек зрения более правильная или логичная, рассуждать здесь нецелесообразно. Каждый найдёт себе как близкие тезисы, так и неприемлемые. Однако интересно узнать, какие ещё тезисы и аргументы о традиции вы знаете, и есть ли какой-нибудь «третий» путь, на ваш взгляд?

Сам я не склоняюсь в пользу какой-либо из точек зрения и написал этот текст только в качестве рассуждения и частного мнения. Что-то вроде тренировки для мозгов.

Таур КУБАНИЯЗОВ**Приветствие Одина на древнеанглийском языке**

Wæs þu hæl, Woden.
 Wæs þu hæl, wuldorfæder.
 Þu hattest Grim, garcwealm gumena.
 Eald æscwiga, se ðe eall gemanst.
 Ordfruma Ængelcynnes,
 Esa dryhten and cyninga fæder.
 Wisdomes wraþu, wigbealu wæcnere
 and eorlum gehwám eadnys and tohyht.
 Woden worhte wuldor, rume roderas.
 Þæt is rice god, sylf soðcyning.

Будь здоров ты, Водан.
 Будь здоров ты, отец славы.
 Ты зовешься Гримом, копье-смерть героев.
 Старый ясень-воин тот, что всё помнит.
 Создатель рода англов,
 асов предводитель и королей отец.
 Мудрости опора, битвы зло пробуждающий,
 И всяким храбрецам благо и надежда.
 Водан создал славу, просторные небеса.
 Бог могучий, сам король истинный.

* Данный текст является новоделом. Взяли некоторые фишки из «Беовульфа» и «Рунической поэмы». Эдакая литературная реконструкция (Примечание переводчика).

Ольга МАРКЕЛОВА**Летний солнцеворот**

Сегодня утром со всех часов
 рухнули цифры, опали стрелки.
 Вытекло время золотым потоком
 из круглой дырки циферблата.

Беззакатный день над моей головой.
 Золотистый плат над горами.
 Синегривый конь и плащ ветровой.
 В этот день мы будем говорить с богами.
 Беззакатный день.

Расцветает солнечный цветок-сердце.
 Световые стихи, световые потоки среди облаков.
 Каждое дерево стало тропою
 до беззакатных миров.
 Каждая гора — стоянкой на пути до неба...

Беззакатный день над моей головой.
 Облачные страны за морем.
 Время расплескалось золотистой волной.
 Каждое мгновенье — в световом узоре.
 Беззакатный день.

Растянувшись над океаном во весь свой рост,
 день — золотистый змей — кусает свой хвост.

21-22 июня 2014, Коулавог

Летний солнцеворот-2019

*«Как бы таинственное дело
 решалось там, на высоте»
 Ф.Тютчев*

И вот, таинственное дело
 решилось там, на высоте.
 И ночка резво пролетела,
 и дол омылся в светлоте.

Лежит в гнезде небесной птицы
 живое солнце как яйцо.
 Пройдёт закат — заря родится,
 открыв лицо.

21 июня 2019,
 Москва — 22 июня 2019,
 Хотьково

Шамир АЛКАМЯН

Песнь о Харбардах двух

На восток –
вместе с Локи,
а с востока –
один
вернулся сын Игга
в дом свой Асгард,
вместе с оружием своим.
Трюм Мьёлльнир выкрал,
ётун всех ётунов,
конунг земли,
Ётунхеймом зовущейся.
Молотом тем
Тор воров порешил,
всех наказал:
Трюма убил,
всю семью изничтожил.
Так и пропал
Локи в той бойне,
куда — неизвестно,
может, погиб
сын Лаувейи
в схватке с своими,
труп под телами
может лежать.

Тор сказал:

«Хеймдал, ты видишь
все девять миров,
всю Мидгарда землю,
людей, что живут,
всех смертных тварей.
Найди человека,
найди мне мужчину,
зовётся он Харбардом».

Хеймдал ответил:

«Ищу я повсюду,
смотрю по углам всем,
огигаю я взглядом
края всего Мидгарда.
Смотрю я на землю,
смотрю я на поле
и лес проверяю,
смотрю я на реку,
смотрю и в озера,

на моря, океаны
сквозь воду гляжу,
взглядом касаюсь
до самого дна.
А со дна поднимаю
взгляд я на горы,
поднимаюсь к вершинам,
огигаю все скалы,
захожу я в пещеры.
С гор в города
и деревни спускаюсь,
проникаю я в окна,
прохожу через двери.
Коль не ошибся
ты названным именем,
того нигде нет,
кого ищешь ты.
Ни в Вальгалле,
ни в Хель».

Тор ответил:

«Не почудилось мне,
быть такого не может,
я отчётливо слышал –
звали мужчину
именем Харбард».

Хеймдал сказал:

«Кто он такой?»

Тор ответил:

«Перевозчик он
с лодкой.
Повстречал у пролива,
на Ивинг реке,
что отделяет
Асгард от востока.
Хильдолльв челнок
ему поручил,
воин, живущий,
в Радсейярсунде;
Попытайся-ка ты
его поискать,
как найдём мы его,
так отыщется Харбард».

Хеймдал ответил:

«Радсейярсунд
я весь осмотрел,
никого не нашёл
по имени Хильдолльв.
Должно быть, тебя
обманули.
Зачем тебе Харбард?»

Тор сказал:

«Меня он бранил,
надо мною смеялся,
себя же хвалил,
без меры он хвастался,
меня же срамил
и позорил словами.
Глумливее речи,
обиднее речи
ни от кого
не слышал я
прежде него».

Хеймдал ответил:

«Только поэтому
ты хочешь найти его?
Брось ты затею,
сдался тебе он,
коль в этом причина
вся обстоит».

Тор сказал:

«Дело не в этом,
вернее, не только.
Скажу по секрету
тебе лишь и только:
оскорбил он жену,
красавицу Сив,
сказал он, что та
с любовником в доме.
Наутро явился к ней,
лёг с ней в постель,
да обнаружил:
златокудрых волос её
больше не стало,
прекрасных и длинных.

Кто-то остриг её,
а Харбард всё знает,
хочу проучить его,
найти виноватого
и оскорбившего».

Услышал об этом
отец сына Мидгарда,
задумался он,
кем же являлся
тот перевозчик,
что у пролива
на том берегу,
говорил с Асатором.
Лица тот не видел,
расстоянье далёко.
Притворялся ли смертный
или тот, кто умеет
обличье менять?
Ясно одно лишь:
кто б ни был тот,
он лжец — настоящий,
единственный Харбард
является Один;
одно из имён его,
один его образ.

Решил он спуститься,
в образе Харбарда,
перевозчика смертного,
к Ивинг реке
да встать у пролива,
ождая прихода
того лжеца гнусного,
что себя выдаёт
за Всеотца
самонадеянно.
Туман тут поднялся,
не видно напротив,
лишь плеск воды,
да звуки удара весла
о корпус челна.

Один крикнул:
«Что там за парень
встал у пролива?»

Лже-Харбард ответил:
«Харбард мне имя.
Кем будешь ты?
Как звать, назовись!»

Харбард сказал:
«Надо же — тёзка!
Меня тоже звать
Харбард».

Лже-Харбард ответил:
«Решил препираться?
Знал бы ты, смертный,
кто я такой».

Харбард сказал:
«Не больше, чем я
сам, ты живёшь,
такой же, как я –
смертный и чей-то слуга».

Лже-Харбард ответил:
«Сам себе я хозяин».

Харбард сказал:
«А лодке своей?»

Лже-Харбард ответил:
«У Хильдольва выкупил,
славного воина».

Харбард сказал:
«Вот совпадение!
Хильдольва знаю.
Надо же, сколько
лодок у воина,
всё от того же,
всё от него же
и мой челнок».

Лже-Харбард спросил:
«А о каком идёт речь?
Может быть, ты
говоришь о другом,
что живёт в другом месте.
Так откуда же твой?»

Харбард ответил:
«Да всё о том же,
не существующем
в Радсейярсунде
воине живущем,
что у тебя».

Лже-Харбард сказал:
«Лжёшь ты...
Смеёшься!»

Харбард ответил:
«Ладно о Хильдольве,
расскажи о себе,
ты-то мне скажешь
правду правдивую».

Лже-Харбард сказал:
«Сидел я у Фьельвара
целых пять зим...»

Харбард ответил:
«На острове том,
что Альгрён зовётся.
Мне продолжать
иль довольно ли этого?»

Лже-Харбард спросил:
«Да кто ты такой?»

Харбард ответил:
«Веслом оттолкнулся
от земли, где стоял,
опускаю я в воду
да машу в обе стороны,
к тебе я плыву,

чтоб лично увидел,
узнал, кто ж такой?»

Лже-Харбард крикнул:
«Не смей подплывать,
а не то я прибью тебя
веслом, как копьём...»

Харбард ответил:
«Что Гунгнир зовётся?»

Лже-Харбард крикнул:
«Чтоб тебя, Один!»

Один доплыл
до места того,
но опоздал:
Харбарда не было.
Исчез он, оставив,
лежать на земле
маску у самого берега,
хозяин которой
менять мог обличья.
Челна не было тоже,
лишь коряга,
о камень бьющаяся...

Кирилл НИКЕЕВ

Окно в Эпоху викингов

ЧТО ж, теперь давайте попробуем про-
нзить время и пространство и попытаем-
ся заглянуть в прошлое, чтобы примерно
оценить и представить, как жил человек
в Эпоху викингов. О чём он думал, как пред-
ставлял себе мироздание, что им двигало.
Сразу оговорюсь, мой очерк не претендует на
какую-то историческую точность. Я — начи-
танный дилетант, не более того. Ну, ещё кра-
евед и любитель истории как науки, а, следо-
вательно, вымысла тут будет по минимуму.

Для начала осмотримся. Где же это мы ока-
зались? Мы находимся на безлесном морском
островке, вокруг, куда ни кинь взгляд, видны шхе-
ры, морская зыбь и подобные же островки. Лишь
вдалеке маячат холмы, поросшие низким кустар-
ником. Нам не очень хорошо видно, что имен-
но происходит вокруг, но мы видим достаточно
много столбов дыма, поднимающихся в небо —
то есть вокруг так или иначе живут люди. Про-
сто их жилища не всегда заметны издали, так
как сливаются со мхами, травой и камнями.
Вокруг — незнакомая местность, и мы с трудом
можем поверить, что находимся на берегах озе-
ра Меларен. Нет никакого озера, нет знакомых
берегов. Есть лишь длинный солёный фьрд со
множеством островов и полуостровов. Лесов не
видно, лишь изредка попадаются выкорчеванные
пни — следы хозяйственной деятельности чело-
века, однако вокруг достаточно много размечен-
ных каменными оградками пастбищ, где пасутся
козы, овцы и коровы.

Представим, что наш замаскированный дрон
в прошлое может летать, мы двигаемся над паст-
бищами и небольшими полями, засеянными
ячменем, овсом и рожью, и зависаем над неким
поселением, которое мы, современные люди, ско-
рее всего, определили бы как хутор. Прежде всего
в нём выделяется некое большое строение, фор-
мой отдалённо напоминающее корабль с дер-
новой крышей. На ней пасутся козы. Это строе-
ние окружено другими похожими домами, а также
избушками на столбах, подземными погребками
и просто деревянными сараями. Если мы посмо-
трим повнимательнее, то различим пивоварни,

пекарни, кухни, кузницы, конюшни, скотный двор,
хлебный амбар и множество построек, назначе-
ние которых нам, людям XXI века, не вполне ясно
с первого взгляда. Весь хутор огорожен неболь-
шой насыпью из камней и частично нисходит
к морю, где мы видим рыбацкие хижины, суша-
щиеся сети и корабельные сараи. На пристани
множество лодок, кроме того, мы видим несколь-
ко кораблей, которые мы можем определить как
драккары и кнорры. Между домов разбиты некие
шатры или палатки. В хуторе чрезвычайно люд-
но. Мы видим, что все люди, одетые побогаче
и победнее, заняты хозяйством. Это и земляные
работы, и починка, и строительство, и бог знает
что ещё... Эдакий муравейник, по которому бегают
ещё и стайки детей. На холме явно упражняются
воины под руководством пожилого рубаки. Жен-
щины и мужчины на улице так или иначе снуют
впережку, но дома явно разделены. К тому же
люди, одетые победнее, явно базируются в боль-
шой, но простой землянке. На пристани суета —
на корабле прибыли гости. Лежат две кучи доро-
гих вещей, можно догадаться, что хозяева и гости
обменялись подарками, которые постепенно раз-
носятся по своим местам. Люди, которые при-
ехали на корабле, одеты очень ярко — их оде-
жда крашена, на них много железа и меди, у них
очень широкие шаровары. Это сильно отлича-
ет гостей от местных жителей, одетых попроще,
хотя многие женщины носят богатые серебряные
и золотые украшения.

Представим, что наш дрон может сканиро-
вать людей и мысли, а также проникать внутрь
зданий. Перво-наперво мы видим, как на скале,
выдающейся в море, стоит старый Орм. Он дер-
жит в руках копье, на нём очень богатая одежда.
Он седой, но крепкий старик. В каком мире он
живёт, что за мир видят его старые глаза...

Он одалман, владелец усадьбы-Одаля. Всё,
что мы видим, принадлежит ему и его роду. Мно-
гие из тех людей, что как муравьи трудятся в ода-
ле, — это его родственники: братья, племянники,
внуки, правнуки, жена, её родственники, прие-
хавшие погостить... В усадьбе у очага сидит его
старый ослепший отец. А в курганах недалеко от

дома лежит прах мириадов его предков. Его земля досталась ему по наследству и достанется по наследству его старшему сыну. В молодости он был лихим викингом и повидал, что называется, «чудеса семи морей». Он бывал в Гардах, во Фрисланде, в землях франков, англов и саксов, самолично видел грозных грекландцев и чёрных как смоль арабских купцов. Через его руки проходили и арабские дирхемы, и китайский шёлк, и римское золото, и множество диковинных товаров. Но он уже давно не ходил в викинг. Разбогатев, он почти всю жизнь занимался обустройством приданого дочерей и наследства младших сыновей. Кроме того, он не скупился и потратил немало серебра на рабов, именно их мы видели в более простых одеждах. Жизнь раба вряд ли можно назвать сладкой в то время, но мы видим, что этих людей никто не бьёт, не держит в цепях. Они достаточно хорошо питаются, иначе не смогут хорошо работать. Более того, несколько рабов — кузнец, ювелир и гончар — уже выкупились из рабства и остались жить в его одале как вольноотпущенники.

Усадьба старого Орма неделима, и он скорее перегрызёт глотку волку Фенриру, чем отдаст хоть клочок земли соседу. Соседи, кстати, живут неблизко. Это хутора на горизонте. Некоторые из владельцев этих хуторов тоже близкие родственники Орма. Все знают друг друга на протяжении множества миль. Кроме того, на горизонте мы видим некое поселение на берегу, уже отдалённо похожее на город, а на холме мы видим крепость с частоколом. По морю, кстати, плывёт достаточно много лодок и кораблей. Вокруг удивительнолюдно. Ну... Не сравнить, конечно, с современностью, но и не пустота.

В каком мире живёт Орм? Его мир очень интересен и богат. Он переливается яркими красками. Ну, во-первых, он не просто, как бы мы сказали, верующий. Он абсолютно убеждён, что боги, тролли, дверги, йотуны и много кто ещё существуют. Существует и колдовство. У него у самого пол хутора женщин умеют колдовать и предсказывать судьбу. Если бы вы ему сказали, что этого всего нет, он бы вас просто не понял. Это точно такая же часть его мира, как часть вашего, скажем, Австралия. Вы там никогда не были, но не сомневаетесь, что она существует. Но ваше знание основывается на фактах, а его знание — на

традиции. Его традиция — это его теле- и радиовещание, его интернет и социальные сети. Его «Марвел», DC и книги. Он может с лёгкостью перечислить деяния своих предков и родичей колена до десятого. Назубок знает, где они похоронены, когда жили, чем знамениты и т.д. Если бы он встретил вас, то очень удивился бы, что вы еле-еле помните прадедушку. Наверное, он бы даже пожалел вас как сироту.

Орм живёт в Мидгарде, срединном мире. Это высокая изгородь из бровей и ресниц Великана Имира, которого убили его боги-Асы. Его волосы — леса, кровь — море, череп — небосвод. И для Орма это всё не фигуры речи. За пределами Мидгарда расположен страшный Утгард, земля великанов. Над Мидгардом расположены Асгард — дом его богов, и Ванахейм — дом богов пришлых, но заключивших мир с его богами. Под землёй расположен Хельхейм — мир мёртвых. Все 9 миров нанизаны на Иггдрасиль — мировое древо, а вокруг Мидгарда опоясался Мировой Змей — Йормурганд. Он кусает себя за хвост, и именно его мы видим на рунических камнях вдоль дороги, ведущей к усадьбе Орма. Да и само имя Орма означает «Змей». За пределами его мира опасно, дорога по определению может привести куда-то в страшные места, где живут колдуны и зловредные твари.

Оболочка тела Орма называется «хамр». Некоторые могут менять форму хамра в определённые ночи, в моменты страха или гнева. Так могли делать некоторые предки Орма, обращавшиеся в волков. Одна из его наложниц может оборачиваться в ворона — она вальравн. Но её глаза всегда остаются человеческими.

Внутри хамра у Орма находится хугр. Его брат-христианин называет это мудрёным словом «душа», но суть хугра не передать ни одним современным словом.

Хугр сочетает в себе черты личности, темперамента, характера и особенно ума и отражает суть человека, его естество, квинтэссенцию, свободную от всякого притворства или поверхностного влияния. Она может оставлять хамр во сне и существовать после смерти.

Где-то глубоко внутри Орма живёт хамингья — олицетворение удачи. Хамингьяр (множественное число) могут покидать тело и странствовать вокруг, невидимые для всех, кроме людей,

обладающих особым зрением. Хамингья обладает независимой волей и, в зависимости от поступков или перипетий судьбы, может покинуть человека.

Четвертая, и последняя, часть Орма называется «фюльгья». Это женский дух, даже несмотря на то, что Орм — мужчина. Фюльгья обитает внутри, но совершенно обособлена. Она — страж и защитник, олицетворение предков-хранителей Орма, его связь с ними. После его смерти она перейдет к одному из его сыновей или дочерей. Фюльгью можно увидеть только во сне, в котором она может дать предостережение или совет.

Судьба Орма заранее предопределена. Но судьба — это не отсутствие выбора, а, скорее, проявление в реальности изначально существующей истины, которую при рождении спряли Орму норны. Разумеется, Орм обладает свободой воли, но проявление этой свободы неизбежно приведет его к превращению в того человека, которым он был на самом деле всегда. И нет большей доблести для человека, чем с честью принять свою судьбу, какой бы она ни была.

Старший сын Орма — Торстен — скальд. Он испил мёда поэзии и благословлён Одним. Он легко сочиняет кеннинги и соблюдает размеры. Но для него это не хобби или способ самовыражения, не тяга к прекрасному или выпендрёж перед девушками. Это такое же его свойство, как цвет волос, рост и т.д. Свойство это заключается в том, что он особенным образом говорит о том, что видит вокруг себя, или о том, о чем его попросили сказать, но ни в коем случае нельзя сочинять о том, чего не видел — иначе прослывешь лгуном и насмешником. Торстен может написать драпу и увеличить удачу и славу человека. Если он сочинит нид — удача человека покинет. Торстена боятся и уважают.

Средний сын Орма — Альрик — викинг. Он вернулся из похода, именно его и его людей мы видели на пристани. Скоро зима, и Альрик вернулся зимовать к отцу. Он привёз богатые дары, и Орм радуется. Никто не посмеет посягнуть на усадьбу, когда в ней столько воинов, да и лишние крепкие руки всегда пригодятся в хозяйстве — мастерить щиты, копья и стрелы, чинить корабли. Орм найдёт гостям занятия, достойные воинов. Долгими зимними вечерами они будут все сидеть возле очагов и рассказывать истории

и саги. Альрик страшно задаётся и хвастается, но это не считается зазорным. Только брат Орма, христианин Спют, недоволено качает головой. Странные они ребята, христиане. Но какая разница, если их бог в иных землях приносит своим людям столько удачи и богатства. Богов много.

Младший сын Орма, Ёнав, ни на шаг не отходит от брата, вернувшегося из морского похода. Тот страшно задаётся и смотрит на Ёнава свысока, ну и пусть. Ёнав уже достаточно взрослый, и Орм строит ему корабль! Для этого множество женщин в женском доме уже ткут ему парус из овечьей шерсти, собранной весной, а в гавани в корабельном сарае трудятся его дяди и двоюродные братья, строя великолепного длинного морского змея. Многие из людей в поместье — гости. Это друзья и соседи Орма. Их дети росли вместе с Ёнавом, и вся округа знает, что Орм строит сыну корабль. Гости приехали к Орму с богатыми дарами, среди которых даже капуста и пшеница! Они будут просить Орма взять их детей на корабль как товарищей Ёнава. Орм знает об этом, но только полный невежа сразу говорит о деле. Сперва нужно как следует принять гостей, устроить им пир, обустроить их быт и ночлег.

Старый Орм хитёр и богат. Он выстроил специальный зал для приёма гостей — медовую палату. Зала походит устройством на обыкновенный дом, только красивее и пышнее. Вечером будет пир в честь гостей. Рабы-трэлли и батраки-карлы приводят палату в достойный вид. Столбы украшены искусной резьбой, стены завешивают дорогими гобеленами. Лавки покрылись блестящими, дорогими «грекляндскими» полавочниками. Не только на креслах, но и на лавках лежат великолепные подушки. В палате зажигают продольный огонь во всю длину. Через огонь будут проносить рога и кубки. Между столпами, подпирающими потолок, сооружаются места для сна. Пол палаты — земляной. В палату ведут два входа — с восточной стороны для женщин и с западной для мужчин. Крыша покрыта тесом, древесной корой и дерном. Стены обмазаны дегтем. Вокруг палаты — ритуальная ограда из камней.

По длинным стенам дома из угла в угол идёт ряд длинных лавок. Лавка у южной стены — самая почётная, там стоит кресло самого Орма. Лавка вдоль северной стены тоже очень почётная.

Напротив Орма на такое же кресло сядет сегодня его сын Альрик. И хозяйское, и гостевое сиденья несколько выше лавок и с обеих сторон отделены от них спинками и двумя большими столбами — кресловыми опорами. В этих столбах живут духи, охраняющие дом и домочадцев. Лавки столь широки, что можно положить рядом с собой щит и меч, если угодно. Перед лавками столы, а за лавками — кровати со ступеньками, способные закрываться, как современные шкафы. Это тоже для гостей. В углах дома оборудованы небольшие чуланы для хранения еды для пира, но гостей сегодня столь много, что кухни, пекарни и пивоварни работают на износ. Вдоль стен стоят многочисленные лари и сундуки, запертые на висячие замки. Ключи от всех замков в усадьбе носит на поясе старая Сигрид — супруга Орма. Все предметы покрывает затейливая красивая резьба. На них изображены герои и боги, звери и птицы, деревья и цветы.

Сигрид властна, её голос звучен, и видно, что она привыкла отдавать распоряжения. Орм знает, что если он будет отсутствовать дома и если вдруг умрёт раньше супруги, она прекрасно справится не только с хозяйством, но и с организацией обороны, с торговлей и планированием урожая... Она настоящий компаньон и товарищ. На неё можно положиться.

Заглянем на кухню. Что готовят к пиру? Свежая и сушеная рыба, жареное, вареное и вяленое мясо — это главные блюда. Конина и ветчина в качестве лакомства. Молоко, свежее и кислое, сыр, масло. Каша и хлеб. Капуста как диковинка. Но главное — это много пива, медовухи, и даже заморское вино будет разлито по маленьким

серебряным чарочкам. Столов в доме, строго говоря, два — мужской и женский, чай не свадьба. Но уже понятно, что парни и девушки будут приглядываться друг к другу. Так как в доме много отцов, можно будет в специально выстроенном доме для бесед обсудить дела «политические»: женитьбу, тинги, войну, грабежи и многое-многое другое. Но это будет потом, точно даже не в день пира. Пить будут неумеренно! Слагая висы и драпы, произнося речи, отрывки из саг. Будут хвастаться добычей, походами, достижениями, и сплетутся в речи люди и ожившие мертвецы, и боги и тролли, и альвы и дверги, и купцы и франки, и греки и гарды, и колдуны финны и девы водопадов.

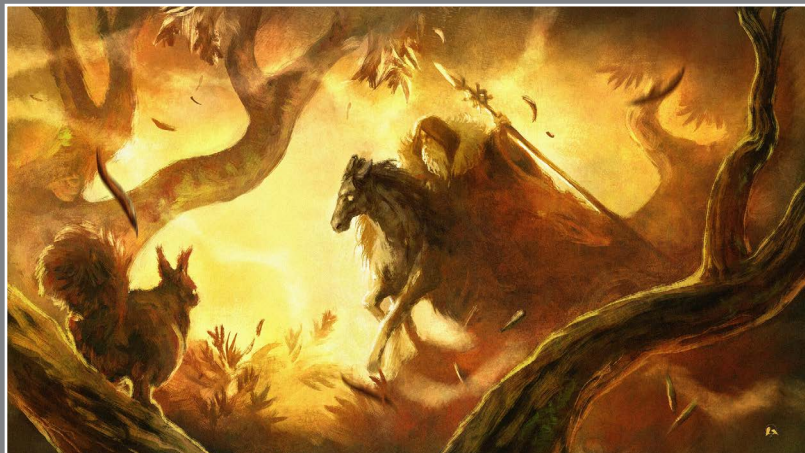
Орм богат и успешен. У него много сыновей и дочерей от жены и наложниц. Норны наградили его хорошим жребием, сильным родом и велика удача его. Ему есть за что благодарить Тора и Фрейра. Вот только Альрик речёт странные речи, будто бы Один не бог-колдун, а Отец Богов и страшно сказать... отец самого Тора. Орм рад видеть сына, но его удивляют столь странные речи. Он решает про себя после пира навестить годи в Уппсале и расспросить его об этих речах. Но всё это будет потом. Что ж, давайте пожелаем Орму удачи и вернёмся в настоящее. Мы только что приоткрыли одну тайную дверь для себя, и мы уже не будем прежними... Нечто ледяное и огненное одновременно обожгло наши сердца и души... Пора выныривать в настоящее.

Телеграм-канал автора:
https://t.me/bjornens_palats

Беседа ▶

В кроне Иггдрасиля ▼

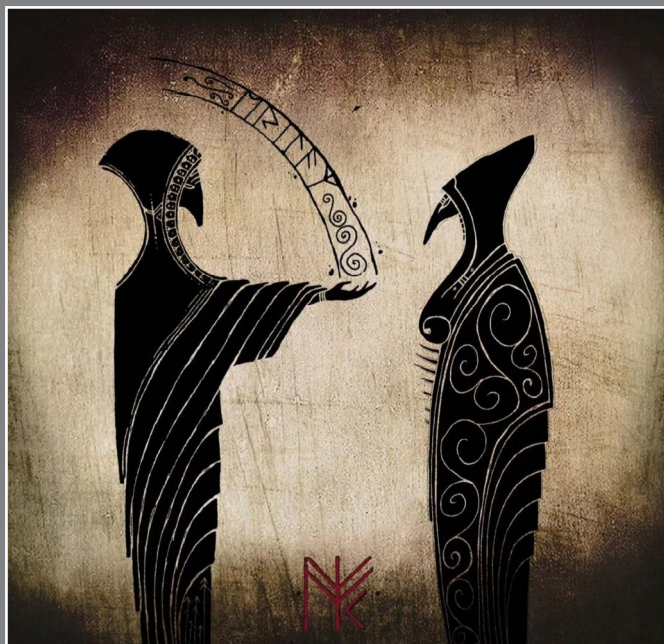
▲ Погребальный костёр Одина
(иллюстрация к «Саге об Инглингах»)

Всеотец ▲

Художник: Alessia H. Valastro ©

Страничка художника:
<https://www.artstation.com/alessiahv>

◀ Эриль

Один, бог воронов ▲

Хильдисвини ▼

Художник: Aftakarok ©

Страничка художника:

<https://www.instagram.com/aftakarok?igsh=aGl0djQ5dW9mdWQx>